

Эннио Ди Нольфо

ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

1918—1999

*ПРЕДИСЛОВИЕ
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ*

Обращаясь к будущим читателям русского перевода этой книги, считаю необходимым, прежде всего, выразить мою искреннюю благодарность тем, кто сделал возможным этот перевод, кто предоставил для этого материальные средства, а также тем, кто осуществил перевод и тем, кто курировал всю работу в научном плане. В первую очередь я должен поблагодарить Михаила Наринского, проф. МГИМО, который обеспечил высокий научный уровень издания, Артема Мальгина, доцента МГИМО, оказавшего горячую поддержку и содействие публикации. Наряду с ними я должен поблагодарить за многотрудную и скрупулезную работу по переводу книги кандидата исторических наук Тамару Павлову (Институт сравнительной политологии РАН) и Галину Михайлову, наконец, я хочу выразить особую благодарность доктору Манфреди Филипацци (университет Флоренции), который курировал всю работу, как в техническом, так и в научном плане. Особую благодарность мне хотелось бы высказать в адрес ИНО-Центра, его Президента Андрея КОРТУНОВА и исполнительного директора Ирины ЛАКТИОНОВОЙ, которые предоставили финансовые и организационные ресурсы для издания настоящей книги.

Я хорошо понимаю, что речь идет об издании, потребовавшем больших усилий многих людей, и надеюсь, что проделанная работа будет оценена читателями.

Книга получила широкое признание в Италии и других странах, выдержав четырнадцать изданий. Она стала необходимым подспорьем для изучающих историю и внешнюю политику. Те, кто прочтут ее, поймут, что, автор, соблюдая, насколько это возможно, точность при изложении многочисленных событий, ставил своей целью не проследить ход событий в узко хронологическом плане, а прежде всего выявить основные проблемы, показать закономерности развития, отметить структурные элементы, характерные для международных отношений в XX веке. Автор стремился не столько сконцентрировать внимание на хронологии, сколько показать, что прошлое можно понять только в том случае, если при его изучении будут выделены особые темы, которые

будут рассмотрены в своем развитии. Выводы не являются и не должны быть окончательными.

Книга должна помочь в изучении истории международных отношений и получении справочных сведений, но в еще большей мере предоставить возможность для размышлений. Я хотел бы надеяться, что книга благосклонно будет принята новыми читателями, которые, преодолев внешнюю сложность, оценят последовательность изложения и относительную простоту аргументации, получат стимул для размышления над сложностью и разнообразием аспектов, которые могут служить инструментами для понимания проблем международных отношений.

Эннио Ди Нольфо

Апрель 2003, Флоренция

*ПОСЛЕСЛОВИЕ:
НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК?*

Итальянское издание этой книги было написано в 1999 — начале 2000 г. Хотя в ней анализируется почти весь XX век, однако, совершенно ясно, что в начале 2003 г., т.е. спустя два года, некоторые замечания, имеющиеся в последней части книги, должны быть обновлены. Впрочем, ни одна книга по истории не является окончательной; все исторические реконструкции свидетельствуют о состоянии знаний на момент, когда они создаются, и отражают способность автора понять прошлое. Кроме того, чтобы в 2003 г. соответствующим образом и, по возможности, точно обновить материал, недостает необходимой исторической дистанции, необходимой для преобразования хроники событий в их первое историческое осмысление. Поэтому сегодня возможны только некоторые общие замечания.

Структура книги в целом не претерпела изменений. Она стала результатом работы, проделанной в Италии, и потому в большей степени, чем это обычно принято, отражает внимание автора к внешней политике этой страны. Возможно, некоторые небольшие детали могли бы быть изменены в соответствии с источниками, опубликованными в последнее время, но в подобных уточнениях больше нуждаются монографии, чем подобная работа синтетического характера. Общая историческая реконструкция здесь строится в большей мере на соответствующей аргументации, чем на непрерывном обновлении хронологического материала. Последнее станет возможно только в будущих, более отдаленных изданиях. Впрочем, уже в последней главе ясно говорится, что воссозданная история 90-х годов отражает скорее поиск общих тенденций, чем полностью отстоявшийся синтез исторических событий. Именно в этом плане события, происшедшие между 2000 г. и первыми месяцами 2003 г., позволяют внести некоторое возможное дополнение.

Прежде всего оптимизм, пронизывающий некоторые страницы, не всегда находит фактическое подтверждение. Хотя и оказалось верным, что в ведущих странах, переживших глубокие изменения, не произошло резких потрясений, и только в наиболее нестабильных частях земного шара особые события привели к ши-

рокомасштабным и глубоким переменам. Оптимизм, проявленный относительно возможности серьезной преемственности в проведении политики реформ и во внешней политике Российской Федеративной Республики, нашел свое подтверждение. Внутренняя стабильность и очевидное возрождение ее международной роли, кажется, позволили России преодолеть переходный период, последовавший за окончанием холодной войны. В Китайской Народной Республике, по крайней мере до апреля 2003 г., преобразования также не знали сбоев. Экономический рост сопровождался интенсивным процессом модернизации, и хотя Китаю еще предстоит преодолеть огромное различие между городом и деревней, он уже выдвигается на первые позиции на международной арене. Наконец, продолжается экономический рост в Индии, что, возможно, позволит ей, несмотря на относительную изоляцию, постепенно стать одной из опор нового международного порядка.

В странах Юго-Восточной Азии (в Индонезии и на Филиппинах) внутренняя напряженность, напротив, препятствовала экономическому росту и укреплению позиций этих стран в международной жизни. В Латинской Америке, где, казалось, идет, хотя и медленно, процесс демократической стабилизации и постепенно происходит оживление экономики, у руля правления не всегда стояли политики, способные решать проблемы, поставленные временем. В таких странах, как Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Перу (которые служат наиболее ярким примером) не был преодолен дуализм, связанный с ростом рынка труда и ценой экономического развития. Таким образом, все западное полушарие оставалось нестабильным и находилось под влиянием интервенционистской политики США и крупных международных экономических организаций, которые руководствовались различными критериями.

Еще более тяжелым было положение в странах Африки, переживавших период упадка. Умиротворение в Анголе и Мозамбике, а также аналогичный процесс, на который надеялись в Конго (Заир), оказались иллюзорными; Южно-Африканская Республика также с трудом преодолевает трудности, связанные с первым этапом самоуправления. Еще хуже обстоят дела в таких странах, как Сомали, где никому не удалось восстановить государственную власть; в таких странах, как Либерия, Кот-д'Ивуар, Эритрея племенная борьба привела к войнам, в которые зачастую оказались вовлеченными страны региона Великих африканских озер. Африка, этот беспокойный континент, не является больше ареной столкновения держав биполярной системы; она прилагает все усилия, чтобы самой найти выход из экономической отсталости.

В международных организациях, которые, как представлялось в 2000 г., смогут подавить наиболее острые внутренние конфликты, в 2003 г., несмотря на успехи НАТО и ООН в решении югославского кризиса, выявились глубокие внутренние противоречия. Скрытые в прошлом, они вспыхнули в конце 2002 — начале 2003 г. и привели к глубокому расколу, что значительно ограничило их дееспособность. Европейский союз санкционировал в апреле 2003 г. прием новых членов, расширив число участников до 25. Это привело к росту трудностей, связанных как с разработкой нового общего устройства, подготовленного на основе соответствующего Соглашения, так и вследствие сохранения старой традиции проведения державной политики.

Между тем, наряду с этими изменениями и помимо них, произошёл поворот во внешней политике Соединенных Штатов после избрания в ноябре 2000 г. на президентский пост Джорджа Буша. «Нерешительная» гегемония, о которой говорилось на предыдущих страницах, подверглась суровому испытанию — террористической атаке исламских фундаменталистов на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. С этого момента Вашингтон строит свои международные отношения как ответ на агрессию (или на настоящую войну), развязанную невидимым врагом, который только случайно разместил свои базы в Афганистане. Вторжение в Афганистан и разгром режима талибов, вдохновителем которых был Усама бен Ладен, свидетельствовали о коренном пересмотре американской политики в мире. Этот пересмотр в конце 2002 — начале 2003 г. касался в наибольшей мере Ирака, которым еще управлял Саддам Хуссейн. Вторжение в Ирак в марте—апреле 2003 г. и быстрое падение режима Хуссейна наглядно показали, что Соединенные Штаты в своей внешней политике перешли от нерешительности и концепций многосторонности к более определенным односторонним действиям. Во всей своей сложности вновь возникает вопрос о мировом развитии, встает проблема противостояния технологически развитых стран и стран, все еще отсталых или находящихся на пороге утраты своего прежнего статуса. Эти вопросы затрагивают все силы и субъекты, действующие на международной арене. Эти строки пишутся именно в тот момент, когда события развиваются, и не представляется возможным сделать какие-либо выводы, остается только отметить абсолютную неясность вопроса о формировании Нового Международного Порядка.

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая читателю книга — результат многолетних трудов профессора Эннио Ди Нольфо. Он является известным специалистом в области истории международных отношений, руководителем ряда интернациональных проектов в этой области. В настоящее время профессор Ди Нольфо занимает пост вице-президента Университета Флоренции, где он создал известную школу историков-международников.

Книга профессора Ди Нольфо — обобщающий обзорный труд, предназначенный для студентов и аспирантов, изучающих историю международных отношений. Работа удачно дополняет публикуемые в настоящее время МГИМО учебники по данной дисциплине: она привлекает громадным фактическим материалом в сочетании с собственными оригинальными концепциями автора по проблемам истории международных отношений.

Предлагаемый читателю труд охватывает историю международных отношений от завершения Первой мировой войны до формирования нового миропорядка в 90-е годы XX века. При этом автор не ограничивается освещением внешней политики ведущих держав, он рассматривает весь комплекс явлений и событий в сфере мировой политики соответствующего периода. Читатель узнает о развитии процессов не только в Европе и Восточной Азии, но и в Латинской Америке, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе. История международных отношений предстает в глобальных измерениях и взаимосвязях. Автор создает впечатляющую картину приобретения международной политикой подлинно всемирного измерения с нарастанием разнообразных взаимосвязей между государствами и народами различных континентов и регионов. Не случайно в книге уделяется столь большое внимание процессам национального освобождения, судьбам государств Азии, Латинской Америки, Африки. В этом смысле подход профессора Ди Нольфо помогает отойти от европоцентристского взгляда на мировые события и явления.

Рассмотрение глобальных процессов удачно сочетается в публикуемом труде с показом региональной интеграции. Так, автор

тщательно анализирует зарождение, формирование и развитие западноевропейской интеграции: от концепций Жана Монне до конструирования институтов Европейского союза.

Профессор Эннио Ди Нольфо последовательно проводит системный подход к международным отношениям, при котором они воспринимаются как целостное комплексное явление (система), общие характеристики которого не сводятся к совокупности свойств составляющих его компонентов. Отсюда — внимание автора к основным характеристикам системы, закономерностям ее развития, трансформации ее свойств. Поэтому громадный фактический материал книги четко организован по проблемно-хронологическому принципу с выделением наиболее важных узлов и поворотных пунктов в развитии международной жизни.

Публикуемая книга — это не история дипломатии и даже не только история международной политики в узком смысле этого слова. Автор уделяет очень большое внимание экономическим, финансовым, военным аспектам рассматриваемых событий, зачастую остающихся вне поля зрения отечественных авторов. Несомненный интерес представляет его трактовка проблем реконструкции после Первой и Второй мировых войн. При этом экономика, финансы, политика предстают в неразрывном единстве и взаимопереплетении. Итальянский ученый уделяет большое внимание такой важной проблеме, как роль естественных ресурсов и их влияние на развитие международных отношений. Конечно, роль различных ресурсов изменялась, но сама проблема оставалась. К сожалению, освобождение от псевдомарксистских догм сопровождалось в нашей исторической науке некоторым пренебрежением к экономическим и финансовым процессам. Профессор Ди Нольфо убедительно показывает, что без анализа этих важных ингредиентов невозможно правильно понять политико-дипломатическую историю. Отсюда его внимание к энергетическому кризису середины 70-х годов XX века, к финансовым потрясениям в западном мире. В этом плане труд профессора Э. Ди Нольфо важен для российского читателя как отход от традиционной политико-дипломатической истории, как движение к комплексному, многофакторному рассмотрению истории международных отношений.

Несомненное достоинство труда итальянского автора — отражение неразрывной связи внешней политики с внутренней, с характером различных политических режимов и особенностями их устремлений на международной арене. История международных отношений XX века неотрывна от сложных взаимодействий демократии тоталитаризма, капитализма и «реального социализ-

ма», реформизма и консерватизма. Именно анализ наиболее значимых внутренних процессов позволяет лучше понять эволюцию внешнеполитических курсов ведущих государств и основных тенденций в интернациональной политике. Это в полной мере относится к развитию Советского Союза: сталинизм, хрущевская «оттепель», последующий застой, горбачевская перестройка. Конечно, при тактовке этих событий возможны некоторые мелкие неточности, но автор совершенно справедливо полагает невозможным обойти название явления.

Профессор Эннио Ди Нольфо не только повествует о событиях и явлениях в международных отношениях, но и предлагает их собственное осмысление, оригинальную интерпретацию, а порой и концепции, отличающиеся от общепринятых. Так, он считает, что классическая холодная война закончилась в середине 50-х годов с завершением определения сфер влияния в Европе и формированием противостоявших военно-политических блоков. Последующие периоды автор определяет как «сосуществование — соперничество» и «большую разрядку». При этом итальянский ученый привлекает внимание к тому обстоятельству, что две сверхдержавы, игравшие определяющую роль в биполярной системе, выступали не только как противостоявшие антагонисты, но и как «игроки», имевшие общие интересы. Сложное переплетение этих противоречивых тенденций и определяло, по мнению Э. Ди Нольфо, картину международных отношений со второй половины 50-х годов. Излагая свои соображения, выдвигая свои концепции, профессор Ди Нольфо остается историком, избегающим столь модных ныне политологических спекуляций.

Предлагаемая читателю книга, несомненно, вносит много нового в наши представления о внешней политике Италии. Как мне кажется, особенно это относится к периоду 30-х годов. Автор рукой мастера блестяще рисует картину международной политики фашистской Италии, внешнеполитических комбинаций и дипломатических маневров Муссолини. Большой фактический материал убедительно опровергает традиционное «черно-белое» изображение событий, характерное для советской историографии. В предложенном контексте профессор Ди Нольфо по-новому представляет такие хорошо известные в истории дипломатии явления, как попытка заключения «пакта четырех» (1933 г.) или создание «фронта Стрезы» (1935 г.).

Хотелось бы отметить также такт и осторожность, с которыми автор книги говорит о формировании нового миропорядка в 90-е годы XX столетия и в первые годы XXI века. Профессору Ди Нольфо,

как мне кажется, удалось вычленить некоторые важные тенденции развития, избегая слишком категорических суждений.

Книга Эннио Ди Нольфо не обещает читателю легкого, развлекательного чтения. Она насыщена громадным фактическим материалом в сочетании с интересными, оригинальными соображениями и концепциями автора. Работа написана ярким и непростым языком со сложным развитием мысли автора по присущей ей внутренней логике, в которую желательно вникнуть. Именно для вдумчивого читателя предлагаемый труд заиграет всеми своими красками.

Деление книги на части осуществлено самим профессором Ди Нольфо в соответствии с его концепцией эволюции международных отношений в XX веке.

Переводчики и научный редактор стремились донести до читателя не только суть рассуждений профессора Ди Нольфо, но и некоторые особенности его манеры изложения, языка этого труда. Так, например, в книге пишется «Советы», как это принято на Западе, когда речь идет о Советском Союзе, об СССР. В некоторых, очень редких, случаях научный редактор и переводчики позволили себе сделать оговоренные примечания, содержащие пояснения и уточнения для читателей русского перевода книги Эннио Ди Нольфо.

Книга профессора Эннио Ди Нольфо — результат плодотворного сотрудничества Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России с Университетом Флоренции. Основным инициатором и организатором этого сотрудничества с итальянской стороны неизменно выступает профессор Эннио Ди Нольфо. Не могу не отметить то внимание и тщательность, с которой он отнесся к подготовке издания своей книги на русском языке. Хотелось бы выразить особую благодарность доктору Манфреди Филипацци за его энергичное и эффективное содействие.

Особые слова признательности я обращаю к переводчикам этой книги, Галине Михайловой и Тамаре Павловой, за терпение и старательность в работе над рукописью труда.

Профессор М.М. Наринский

Посвящается моей жене

ВВЕДЕНИЕ

В период до начала «великой войны» 1914–1918 гг. для системы международных отношений были характерны господствующее положение Европы, гегемония империй, первые проявления глобальной роли двух государств — Соединенных Штатов и царской России — плюрализм державной политики, первые шаги в направлении институционализации. В начале XXI века в мире, вступившим в переходный период, контуры которого пока едва угадываются, все это представляется далеким прошлым, перечеркнутым двумя мировыми войнами и холодной войной. Однако то обстоятельство, что эти столкновения охватили большую часть XX века, позволяет, как никогда ранее, воссоздать целостную историю международной жизни данного периода.

Намерение развернуть дискурс, касающийся международных отношений XX века, означает в общем-то поставить перед собой беспредельно сложную задачу, то есть такую, которая касалась бы всех аспектов жизни общества. Сегодня стало очевидным то, что несколько десятилетий назад казалось намеренным преувеличением немногих исследователей: не существует аспектов жизни общества, которые избежали бы воздействия международных факторов. Экономика, политика, право, торговля, туризм, образование, культура, спорт — все эти области, а также бесчисленное множество других (их здесь незачем перечислять) следует иметь в виду тому, кто захочет дать исчерпывающий анализ системы международных отношений. Для достижения ясности профессионального анализа необходимо сделать выбор в пользу одного из доминирующих аспектов этого многообразия факторов — политического аспекта. Картина, которую предполагается воссоздать в данном труде, касается прежде всего политической истории международных отношений. Это сознательный выбор, самоограничение, что не исключает рассмотрения других тем, а предполагает его использование для выстраивания политического дискурса.

Здесь также уместно пояснить, что термин «политический» используется не как синоним или расширительное толкование термина «дипломатический». Когда-то, вероятно в период до Французской революции, а во многих случаях и вплоть до Первой мировой войны можно было ограничить анализ «дипломати-

ческим» ракурсом, то есть деятельностью в сфере международных отношений с точки зрения ее осуществления дипломатией (людьми и используемыми ими методами). Трансформация структуры референтных национальных групп, изменение роли династий, сдвиги в социальном составе и в экономическом развитии отдельных стран, изменения социальных и политических систем, за которыми последовала трансформация процессов принятия решений в вопросах внутренней политики, — все это лишило «дипломатию» монополии в сфере международных отношений. А это означает, что если стремление свести анализ международной политической жизни к сфере дипломатической активности и было более или менее обоснованным для начала Новейшего времени, то к настоящему моменту оно себя исчерпало. Речь идет в данном случае о теме, повлиявшей на методологическую дискуссию о характере истории международных отношений и вызвавшей критические отклики и проявления часто плохо скрываемого недовольства.

Критика некоторой ограниченности традиционной дипломатической истории представляется обоснованной, потому что и сегодня все еще полагают возможным реконструировать с ее помощью весь политический процесс изменений в международной жизни. Если же речь идет о политических процессах, характерных для *ancien regime*, то такая практика представляется лишённой основания. Следует добавить, что существует немало примеров того, когда на смену геометрической простоте чисто дипломатической модели реконструкции, простоте, являющейся синонимом ясности, а следовательно, ощущения понимания реальных процессов международной жизни, вытесненного за пределы восприятия именно все возрастающим числом новых, явно не дипломатических мотиваций в международных процессах, пришло другое упрощение при рассмотрении данной темы. Речь идет о хронологическом методе, в котором в качестве систематизирующего критерия модели реконструкции служит последовательность событий, диктуемая их расположением относительно друг друга во времени.

Однако даже если порядок, диктуемый расположением событий во времени, не может быть искажен, поскольку *posterius* (последующее) не может объяснить *prius* (предшествующее), остается то обстоятельство, что использование хронологического метода приводит всего лишь к каталогизации событий, почти всегда связанных своим следованием друг за другом, а не их расположением внутри проблемного поля, которое способствует их пониманию. Действительно, хронологический критерий не является аналитическим. Напротив, для того чтобы сделать дискурс понятным,

следует «вычленить проблемы», в данном случае проблемы политической истории международных отношений. И хотя это предполагает потери с точки зрения полноты (но не тщательности), однако позволяет выделить перспективные темы, этапы их эволюции по мере постановки определенных проблем, в общем не прибегая к обременительной и докучливой хронологической детализации. Впрочем, при таком подходе даже хронологические построения приобретают больший смысл и значение.

Метод изучения проблем в процессе их эволюции означает рассмотрение того, как осуществляются взаимосвязи между внешними факторами (множественным рядом переменных) и действиями людей или же институциональными факторами (разнонаправленной переменной). Это объясняет, почему в ходе проблемной реконструкции сущностное должно преобладать над отдельными событиями, представляющими его моментальные иллюстрации. Последние являются частью первых и проясняют их. Некое соглашение или договор — это выражение момента кристаллизации некоей изменяющейся реальности. Важно понять, каковы слабые стороны этой реальности и каким образом это определенное соглашение (или событие) пытается зафиксировать ее в стабильном состоянии. И хотя соглашение это, естественно, не удается, оно служит своего рода катализатором, выявляющим состояние рассматриваемой проблемы.

Как всякий исторический дискурс, тот, что разворачивается на последующих страницах, предполагает жертвоприношение богине Истины. Однако именно эта богиня может рассматриваться только как мифологическое понятие. Историческая истина есть лишь субъективная логика. Прошлое, которое каждый автор хотел бы или пересказать, или реконструировать, или объяснить, или понять, есть неповторимое переплетение событий, стимулирующих его культурное и политическое восприятие. Необходимо обладать вкусом, чтобы придать смысл этому переплетению, а не питать иллюзию относительно возможности воссоздания всей его целостности.

Это предполагает выбор и структурирование тем в связи с политическими интерпретациями. Автор не считает, что существует единственное объяснение фактов прошлого, а также не думает, что есть единственная доктрина, способная представить их как научные. Подобная вера в истинность и завершенность, которая здесь сознательно отвергается, принадлежит иным временам. Многие пытались осуществить ее с помощью вариантов дискурса, наполненных, в отличие от абстрактности политического дискурса, конкретным содержанием. Одной из наиболее привлекательных

методологий представляется методология, опосредованно вдохновленная марксизмом и разработанная Пьером Ренувеном как концепция «глубинных сил», то есть как исследование взаимосвязи между политической хроникой и некоторыми структурными факторами (демографией, торговлей, общественным мнением).

Сегодня никто не может отрицать, что за авансценой политики действуют: демографические единицы; производственные, торговые и финансовые ресурсы, то есть экономические единицы; армия, флот, авиация, ракетные боеголовки — военные единицы. И еще в меньшей степени можно сегодня отрицать роль общественного мнения, поскольку одно из наиболее глубоких изменений, происшедших в XX веке, это переход политики (и не только международной) от действий безответственных элит к действию элит ответственных или, как бы то ни было, вынужденных (в эпохи диктатур или же в странах с диктаторским режимом) поддерживать консенсус с массами. Демократизация процессов принятия решений и манипуляция массовым сознанием оказываются двумя способами выражения одного и того же явления — наступления эпохи, когда индивиды становятся субъектами, требующими, чтобы с ними считались, даже если это всего лишь иллюзия.

Политические деятели в условиях демократических систем и, в неменьшей степени, оказавшиеся в авторитарных системах, не являются более единственными, кто участвует в процессе принятия решений. Массы, которые больше не согласны ощущать себя пассивным объектом политических решений, наблюдают за ними, советуют им, контролируют, одобряют их, восхищаются ими, боготворят, критикуют, ненавидят. Инструменты этой взаимосвязи постепенно становятся настолько самостоятельными, что нередко оказываются невольными протагонистами истории. Печать, кино, радио, телевидение, мультимедийные средства и власть, которую эти средства коммуникации приобретают благодаря их способности распространять широчайшим, а сегодня и мгновенным способом то, что происходит в «глобальной деревне», власть, не зависящая от природы посланий различных *media*, сопровождают трансформацию международной жизни.

Однако для того, чтобы избежать превращения всего этого в изложение либо слишком общего, либо слишком узкого характера (посильного для одного автора и ограниченного уровнем его знаний), следует выделить определенный аспект и следить за его изменениями, как, впрочем, это происходит во всех науках, независимо от того, ставят ли они перед собой в качестве цели исследование «обобщений» или же занимаются конкретными явлениями и проблемами. Альтернативой является риск банально-механичес-

кого использования схем, которые привели однако Ренувена к столь новаторским результатам. Таков генезис метода, на котором основывается данная книга. Выбор одного типа дискурса в качестве *доминирующего* не означает, что игнорируются другие аспекты. Они найдут свое место в каждом отдельном случае в рамках рациональной структуры конкретного изложения, имеющего свои объективные ограничители.

Выбор, предполагающий абстракции, связан с риском сползания к преимущественно теоретическому подходу. Автор хорошо осознает опасность такого риска и хочет должным образом подчеркнуть тот факт, что его работа вписывается в круг исторических исследований. В изучении международных проблем, которые только в последние десятилетия в силу своей значимости стали предметом самостоятельных трактовок, — за исключением разве что *jus gentium* (международного права), сопутствовавшего формированию так называемого «Европейского концерта» к середине XVIII века — многое требует прояснения. Более того, часто наложение друг на друга разных исследовательских методов приводит к определенному смещению концепций. Как и во всех отраслях научных знаний — от физики до химии, от физиологии до патологии, от экономики до политической экономики, от литературы до истории литературы, от политической истории до политической науки — так и в «международных исследованиях» существуют различные походы разных авторов к одним и тем же проблемам.

Если отвлечься от международного права, родившегося одновременно с международным сообществом, состоящим из отдельных, а не универсальных субъектов (то есть не управляемых внутренними нормами, присущими субъекту), то «международные исследования» предоставляют материал для изучения экономистам, юристам, стратегам, социологам, психологам, психоаналитикам и политикам. Предоставляют они его и историкам. Тесная взаимосвязь между историческим и политико-теоретическим дискурсом приводила и до сих пор приводит к определенному их тематическому и лингвистическому перекрещиванию. Однако различие в интенциях и научном качестве этих двух областей знания совершенно очевидно, даже если оно не всегда четко осознается. Первая ищет в многообразии казусов обобщение, вторая изучает *многообразие* казусов и может воспользоваться обобщениями для прояснения отдельного казуса. Различие в целях и функциях остается неизменным. Как и во всех науках, теоретический ракурс сочетается с экспериментальным и историографическим и, как и во всех науках, может случиться так, что один из двух аспектов этого знания будет иметь отличающуюся от другого традицию

или содержательную наполненность, поскольку один — результат недавних открытий, а другой — давних напряженных усилий. Ибо на конкретном примере легко заметить, что историографическая традиция, хотя и разделенная на разные школы, имеет за плечами гораздо более богатый опыт, чем теоретическая, и гораздо более существенные результаты, чем доступные историку ограниченные обобщения, сделанные до настоящего времени теорией международных отношений.

Остается, наконец, вновь вернуться к первоначальной концепции данного введения. Период, о котором идет речь в этой книге, почти полностью включает три радикальные изменения в международной жизни. Первое из таких изменений касается вторжения масс в международную жизнь.

Второе — тесным образом связанное, впрочем, с предыдущим — выдвижение Соединенных Штатов Вудро Вильсона и революционной России в качестве новых и потенциально доминирующих на международной сцене субъектов. С 1917 г. начинается противостояние, которое, сначала подспудно, а позднее (с 1947 г.) — открыто влияло на значительную часть международной жизни всего мира до тех пор, пока проблема, возникшая в 1917 г. не была разрешена в 1991 г. в результате распада Советского Союза и наступления совершенно нового этапа международной политики. Таким образом, попытка исторической реконструкции, предпринятая в этой книге, приобретает — конечно, не в силу ее достоинств, а благодаря внешним обстоятельствам — совершенную законченность, которую еще недавно было невозможно представить, и теперь открывает веер возможностей для наблюдений, способствующих разъяснению прошлого и прогнозированию будущего.

Третье изменение возвращает к техническим способам осуществления политических процессов в целом и международных, в частности. XX век начался в разгар второй промышленной революции, благодаря которой произошли изменения в производственных методах, вызванные возросшим использованием новых энергетических ресурсов — нефти и электричества, взамен традиционных — сжатого пара и угля. С тех пор технологические сдвиги приобрели столь быстрые темпы, что выявление всякой корреляции между ними и политическими изменениями стало невозможно (разве что с точки зрения истории науки). Технологическая революция стала константой, сопутствующей любому проявлению все более быстрых изменений форм жизни общества, в том числе форм международных отношений.

Глубокие изменения претерпел сам способ проявления этих форм, и историк должен иметь в виду эти перемены для того,

чтобы лучше оценить новую роль «временного фактора» в политической жизни. Если после Сараевского убийства понадобились недели, чтобы разразилась Первая мировая война, то с начала гитлеровского нападения на Польшу в сентябре 1939 года оказалось достаточно нескольких дней, чтобы началась Вторая мировая война. А позднее, во времена так называемого «равновесия страха» время на реакцию по поводу возможного конфликта сократилось до часов, а затем — и до нескольких минут. Достаточно этих примеров, относящихся к периоду времени, который рассматривается в этой книге, чтобы понять очевидность процесса ускорения и возрастания взаимозависимости всех проявлений международной жизни.

Осталось, наконец, прояснить еще один момент. Книга обобщающего характера, за отдельными исключениями, не может быть результатом оригинального исследования. Она может и должна анализировать лишь то, относительно чего в исторических исследованиях существуют достаточно устоявшиеся данные. На сегодняшний день (1999 г.) такая ситуация, можно сказать, существует лишь в отношении периода до конца 70-х годов. И даже в отношении этого периода уместно отметить, что обновление российской историографии и историографии стран Восточной Европы, начавшееся несмотря на многочисленные препятствия в самое последнее время, подталкивает сегодня к важным изменениям в направлении исследования или в расстановке акцентов, в том числе и в отношении тем, являвшихся уже объектом устоявшихся интерпретаций. Писать в 1999 г. означает сообщать нечто отличное от того, что можно было писать всего десять лет тому назад. Период, последовавший за 1980 г., предоставляет, напротив, богатство еще мало изученных тем, которые только постепенно, шаг за шагом можно будет рассмотреть более полно или более убедительно, хотя уже сейчас могут быть выдвинуты приемлемые научные гипотезы на основе доступных исследователю материалов и тех способов его освещения, которые диктуют эти материалы.

По поводу первого издания этой работы и сегодня, просмотрев немало критических замечаний, я считаю себя обязанным выразить многочисленные благодарности. В первую очередь я признателен всем коллегам сектора международной истории Отдела изучения государства факультета политических наук «Чезаре Альфьери» во Флоренции. Я смог преодолеть свои колебания именно благодаря царящей там обстановке страстной увлеченности наукой, увлеченности, питающей непрерывный «круговорот идей», в котором участвуют преподаватели, молодые исследователи,

соискатели на ученую степень доктора и, не в последнюю очередь, студенты, в частности, дипломники. Эта благодарность — не риторическая, а вдохновленная ясным осознанием того, что уже немолодой исследователь может получить, более или менее непосредственно, от сопоставления с подчас первыми проявлениями свежей и неиссякаемой любознательности.

Многие друзья и коллеги согласились прокомментировать, откорректировать, подсказать варианты исправлений, указать на концептуальные или же фактические ошибки, содержащиеся в первой редакции этой книги. Я бесконечно благодарен тем, кто мне помогал, читая рукопись, а также после публикации в 1994 г. первого издания. Для меня стали очень ценными стимулы, полученные от этого дружественного сотрудничества, поскольку благодаря им во многих случаях удалось избежать неубедительных или неясных интерпретаций, ошибок или опечаток. В частности, я хочу еще раз поблагодарить Джанлуку Андрэ, Джузеппе Аре, Бруну Баньято, Паолу Олла, Джованни Буччанти, Фульвио д'Амоя, Марию Грацию Энарду, Леопольдо Нути, Пьетро Пасторелли, Марту Петриколи, Илларию Поджолини, Лучано Този, Антонио Варсори (неоценимое сотрудничество с которым помогло мне также при составлении именного указателя). Эта помощь и высказанные мнения стали для меня ориентиром и помощью в процессе выверки работы, за которую, разумеется, я несу всю ответственность.

Я считаю своим долгом выразить особую благодарность профессору Массимилиано Гудерцо и доктору Ренцо Растрелли за сотрудничество в работе над основным исследованием соответственно по темам деколонизации и по проблемам Юго-Восточной Азии; профессору Марко Муньяини, от которого я получил замечания, советы и материалы, очень полезные для понимания проблем Латинской Америки; докторам Беатриче Беноччи и Кристине Панераи, участвовавшим в правке корректуры.

Другие коллеги и друзья приняли участие в дискуссиях, которые послужили мне очень полезными стимулами для размышлений или же подсказками. Среди них с благодарностью называю Бруно Арчидьяконо, Данило Ардия, Лучано Катальди, Дэвида Эллува, Луиджи Витторио Феррариса.

Для того, чтобы оценить эффективность работы в качестве учебного текста я попросил нескольких студентов факультета «Чезаре Альфьери» прочесть почти всю рукопись. Джанлука Бонаюти, Эмилио Диодато и Эмануэле Жофре взяли на себя эту задачу и я очень им обязан, поскольку они помогли мне обойти немало формальных ловушек и избежать некоторых двусмысленностей.

Особого рода благодарность я считаю своим долгом выразить докторам Лидии Казалини и Лучано Баньоли. Без их терпения и тщательности я бы, вероятно, не смог начать и осуществить столь длительную и трудную работу.

Это переработанное и обновленное издание не было бы, однако, возможно без вклада многих читателей, указавших мне на ошибки или опечатки, подлежащие исправлению. Среди них особую благодарность я должен выразить профессору Федерико Арджентьери, Массимо Костальдо, доктору Сандре Каваллуччи, профессору Фабио Моньол, доктору Альберто Тонини, а также особо профессору Массимилиано Гудерцо, внимательному, скрупулезному и умному читателю, неистощимому источнику советов, полезных для прояснения некоторых непонятных мест и более упорядоченного изложения весьма сложного материала. Я также благодарю доктора Аннализу Ломбардо, которая помогла мне обновить хронологию, относящуюся к самым последним годам и доктора Карло Майнарди, взявшего на себя труд составить предметный указатель. Неоценимым концептуальным вкладом в мою работу послужил обмен идеями с профессором Джампаоло Прандстраллеро.

Наконец, и прежде всего, моя семья: мои дочери Изабелла и Федерика, которые по-прежнему воспринимают мое «отсутствующее» присутствие как естественное явление, что, однако, ограничило мои возможности принимать активное участие в событиях и их собственных переживаниях; и моя жена Алессандра, которой я благодарен за то, что она терпела все это, и за то, что она создала вокруг моей работы прочную и постоянную защитную сеть, и ей почти всегда удавалось обеспечить спокойствие, необходимое для ее осуществления.

Э.Д.Н.

Флоренция, 1999

Часть первая

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ**

Глава первая

**НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ
И ИЛЛЮЗИИ СТАБИЛИЗАЦИИ**

*1.1. Реконструкция европейской системы:
общие аспекты*

Сразу же после окончания Первой мировой войны перед победителями, в меньшей степени также и перед побежденными, встала задача переустройства внутренних и международной систем. Война, и не только война, привела к стольким изменениям, оставила после себя столько руин, что задача построения мира представлялась как никогда неразрешимой.

Это была война, отличная от предыдущих. Впервые (за исключением гражданской войны в Америке) речь шла о войне не только в собственно военном смысле, но также о войне гражданской и массовой. Прошло время, когда конфликты, даже самые длительные и изматывающие, хотя и вели к разрушению общественного устройства, распределения властных полномочий, религиозных верований, однако в период военного столкновения затрагивали ограниченную часть территории, через которую проходили голодные, грабительские войска, в то время как остальная ее часть ощущала на себе отдаленные и косвенные отголоски событий. Между 1914 и 1918 гг. война стала первым крупным столкновением внутри индустриального общества, и, следовательно, первым пожаром, способным привести к массовым разрушениям. Фронт сражений растянулся вдоль всей границы воюющих стран: Рейнской области, всей области Венето, огромных территорий вдоль границы между империями центральной Европы и Россией. Километры траншей, миллионы сражающихся, сотни тысяч

единиц огнестрельного оружия, все более разрушительного. И, следовательно, страны, территорию которых сровняли с землей, и жертвы — сотни тысяч, а в конечном итоге — миллионы.

С точки зрения восприятия и массовой культуры война все в меньшей степени касалась только правящих классов и военных, в любом случае вынужденных сражаться, подчиняясь правилам призыва на военную службу. Она затрагивала всех граждан и оказывала на них разнородное воздействие: разжигала национализм и ненависть по отношению к противнику; подталкивала к участию в военных действиях; порождала ошибочное представление о войне как о средстве решения политических конфликтов; приводила к пониманию того, что жизнь всех государств зависит от субъективных расчетов небольшой группы правителей и, следовательно, ставила вопрос о контроле за действиями этих руководителей. Первая мировая война, таким образом, превращала также и международную политику из царства тайной дипломатии в область, открытую для демократического контроля, или, по крайней мере, для требования контроля, которого на практике, однако, было трудно достигнуть. С другой стороны, война вынудила правителей использовать более утонченные, а зачастую и обманчивые средства для достижения ставшего необходимым общественного консенсуса. Все это в результате привело к воспеванию противоположных ценностей, таких, как пацифизм и интернационализм или же национализм и милитаризм, что способствовало отдалению культуры простого народа и даже размышлений интеллектуалов от действительно фундаментальных ценностей человечества.

Не менее важными были социальные перемены. В течение четырех или пяти лет миллионы людей, принадлежавших к более молодым и поэтому более активным в производственном отношении поколениям, были оторваны от своих привычных занятий и поставлены под ружье. По возвращении они должны были интегрироваться в гражданскую жизнь, забыв о привычках и образе мышления, связанных с военной службой. Однако не всегда это возвращение оказывалось легким; часто оно сопровождалось долгими периодами безработицы и дезадаптации, которые выталкивали людей на обочину социальной жизни или же приводили к разжиганию политических страстей. Рождался мир «ветеранов» и «ветеранства» как новых социальных категорий, которыми нельзя было пренебречь, поскольку они охватывали миллионы молодых людей и целых два поколения.

Не все те, кто возвращался с войны, были так же здоровы, как уходившие на войну. Инвалидов и раненых на поле боя на-

считывалось в Европе несколько миллионов; часто они были нетрудоспособны и всегда заслуживали поддержки нации. Вставали проблемы коллективного вспомоществования, которые должно было взять на себя все общество и которые имели очень высокую цену, как в финансовом отношении, так и с точки зрения нормализации социальной жизни. Не менее важной была проблема семей жертв войны. Часто у погибших оставались только плачущие родители, потерявшие опору на молодую рабочую силу. Их доход таким образом уменьшался, а горе росло, однако при этом оно не принимало такого драматического характера, как в том случае, когда погибшими были мужья или отцы семейств, у них остались жены и дети, предоставленные в решении проблем своего будущего самим себе. Это были почти всегда очень молодые жены и дети, которым надо было заново устраивать свою жизнь — новый социальный класс (масштабы явления позволяют использовать этот термин) сирот и вдов войны. До 1914 г. никто не думал, что эта проблема станет одной из основных в последующий за военными сражениями период.

Были также и экономические последствия. В каждой стране длительная война привела к тяжелым лишениям с точки зрения условий жизни. Еще более серьезными оказались последствия в системе производства, которую пришлось перестроить в соответствии с потребностями военной экономики. С макроэкономической точки зрения эта перестройка не всегда была негативным явлением в стратегическом плане, поскольку она привела к укреплению тяжелой промышленности, в особенности металлургии, и росту прибылей, которые в послевоенный период могли быть инвестированы в восстановление экономики. Однако в смысле непосредственных последствий война деформировала экономическую жизнь всех стран, изменив структуру потребления, а также состав рабочей силы. Впервые старикам и женщинам пришлось заменить молодежь. С точки зрения эмансипации женщин это было, вероятно, позитивное явление, однако оно являлось, конечно, отклонением, не являвшимся функциональным для экономической системы мирного времени. Таким же образом можно рассматривать как позитивные активные усилия по обновлению и модернизации предприятий, связанные с военными потребностями, в результате которых в момент перехода к мирной экономике и после преодоления трудностей этого переходного периода была создана система новых промышленных предприятий и самых передовых технологий.

Однако в целом экономическая система перенесла сильное потрясение, от которого она с трудом оправилась и которое ус-

губилось также в результате революционных испытаний послевоенного периода. К этому добавились проблемы перестройки экономики, никогда в прошлом не представавшие в столь целостном виде. Еще не было разрушений, сравнимых с теми, что стали к 1945 г. следствием Второй мировой войны, однако уже тогда все территории, по которым прошли войска, и все те (достаточно ограниченные), что подверглись воздушным бомбардировкам, столкнулись с проблемой восстановления зданий и инфраструктуры. Готовиться к миру означало приступить к решению задач, связанных с восстановлением.

Все это ставило в повестку дня различные внутренние и международные проблемы. Военные расходы вынудили правительства различных стран усилить налоговый пресс. Но прежде всего они заставили их прибегнуть к помощи международного финансового рынка. Великобритания, страна, наименее пострадавшая от тягот, связанных с военными действиями, являлась первым финансовым рынком союзников; в меньшей степени таким рынком выступала Франция. К концу войны Великобритания предоставила союзникам займы на 1740 миллионов фунтов стерлингов; Франция — на 355 миллионов. Эта задолженность внутри союза сопровождалась параллельной задолженностью Великобритании, Франции, Италии и других стран антигерманского блока Соединенным Штатам. Проблема уменьшения обязательств по задолженности сохранялась в течение ряда лет и превратилась в порочный круг, когда победители соединили в одной запутанной триаде возвращение военных долгов с выплатой немецкой стороной соответствующих репараций для компенсации платежей по окончательным расчетам.

За сценой (или на авансцене?) всех этих событий вырисовывалась новая ситуация, сложившаяся в России после революций 1917 г. и, в особенности, после Октябрьской революции. Если кто-то и находился во власти иллюзии, что революция потерпела поражение или на худой конец оставалась в границах старой царской империи, то эта иллюзия быстро рассеялась. Рабочее движение имело слишком глубокие корни в индустриальных странах и поэтому часть социалистического движения не могла не почувствовать притягательную силу призыва, брошенного Лениным. Отголоски революции в Германии и на Балканах, чарующее воздействие, которое она оказала на итальянских и французских левых; влияние, испытываемое *даже* теми социалистическими партиями, которые из принципиальных соображений отвергали насильственные и противоречащие демократической традиции западного социализма формы борьбы и концепцию, состоявшую в том, что диктатуру пролетариата следует насаждать с помощью переворо-

тов, подобных тому, что был осуществлен Лениным и его соратниками против российского Учредительного собрания — все это не способствовало уменьшению привлекательности партии, провозглашавшей себя представительницей трудящихся для всего мирового социализма. Каждая европейская страна должна была считаться с собственной внутренней ситуацией; страны-победительницы кроме того должны были найти общий способ противостоять ситуации, сложившейся в России, при этом они вовсе не были едины в мнении о том, что же надо препринимать по существу. Хотя в мирных конференциях не участвовал ни один представитель революционного правительства, проблема революции всегда присутствовала — и как всеобщая обеспокоенность, и как конкретная проблема, оказывавшая воздействие на выработку подхода к отношениям с Германией и, более того, подхода к решению проблем, касавшихся Центральной и Южной Европы.

В действительности, с точки зрения сложившейся политической ситуации, обстановку, в которой приходилось вести переговоры о мире и осуществлять реконструкцию европейской политической системы, определял в конечном счете исключительный масштаб политико-институциональных изменений, имевших место в результате войны в Центральной, Восточной и Южной Европе. Четыре империи исчезли или же находились в состоянии полной агонии. Потрясенная поражением Германская империя стала демократической республикой. Российская империя была разрушена революцией. Однако как Германия, так и Россия, а также территории, от них зависевшие, в основном сохраняли свою целостность (за исключением территорий, которые победители отняли у Германии, и без учета существовавших сомнений относительно возможных последствий окончательной победы большевистской революции).

Совершенно иной была ситуация, вызванная крахом Австро-Венгерской империи, завершившимся возникновением некоего временного устройства, неустойчивого и неопределенного. И столь же сложной была ситуация, связанная с окончательным кризисом Оттоманской империи, которая, хотя все еще существовала на карте, была окружена врагами, лишившими ее значительной части территорий, что и привело к ее распаду. Это был институциональный и династический переворот — вряд ли это было ранее возможно в Европе. Династии, находившиеся у власти веками, исчезали в одно мгновение в результате военного поражения. Таким образом, не только русская революция, но также и институциональные изменения порождали новые проблемы. В такой общий контекст вписывались конкретные вопросы, которые должна была решить Парижская мирная конференция.

Главную задачу государственных деятелей, собравшихся в Париже 18 января 1919 г. для переговоров о заключении мирных договоров, следует рассматривать в свете решений, которые они предлагали для всех этих проблем. Точнее, они пытались выявить, каким образом в этих проблемах отражались конфликты, породившие развязывание войны.

Выявление таких конфликтов, то есть поиск причин Первой мировой войны, позволяет определить постоянные или вновь возникающие пункты противоречий, или же проявления соперничества, порожденного разными темпами роста (или кризисом) крупных и средних держав, составлявших европейскую международную систему. Это позволяет также более ясно понять глубокое соперничество, вызванное ростом мощи Германии. Он обострил противоречия с Францией, привел к морскому и колониальному противостоянию с Великобританией, вызвал обеспокоенность России относительно будущего Балканского полуострова и Османской империи, породил соперничество с другими индустриально развитыми европейскими странами. В конце концов Германия создала прочный и компактный демографический фронт. Тем более компактный, поскольку кризис Габсбургской империи, обозначившийся между 1859 и 1866–1967 годами, начиная с 1879 г. породил тесный и длительный союз, который на практике ограничил свободу маневра Австро-Венгерской империи, связав ее обязательствами и подчинив Германской империи.

Росту германской мощи противостояли старые и новые соперники. Старые, такие как Франция, которая с 1871 г. мечтала о реванше; новые, например, панславистски настроенная Россия, оказывавшая давление на небольшие балканские нации, династически не связанные с Берлином, побуждая их видеть в австро-германской оси не только препятствие для их роста, но и потенциальную угрозу после того, как Германия установила протекторат над Османской империей. Проект железной дороги Берлин—Багдад почти наглядно выражал задуманную экспансию с целью господства, на пространстве от Берлина до Индийского океана, где находилось новая точка столкновения интересов (помимо тех, что существовали в Северном море и в целом в Атлантике), с другим новым противником, Великобританией, которая пятнадцать последних лет наблюдала за тем, как ее давний, на протяжении всего XIX века, союзник превращается в конкурента в области промышленности, торговли и внедрения новых технологий. Когда германская мощь проявилась на море и получила там новую подпитку, соперничество с Британией стало неизбежным. Таким

образом на предвоенном континенте сформировалась новая взрывоопасная сила, обладавшая необходимыми средствами и исходными позициями для того, чтобы ее восприняли как угрозу. Старых и новых противников Германии подталкивали таким образом к союзу, который, нанося ей поражения, ограничивал бы риски, подтачивал бы новую силу.

Если старые соперничества были очевидны и предсказуемы, то именно новые противоречия придавали динамизм антигерманской коалиции. Соперничество с Британией, проявившееся, когда стал очевиден глобальный масштаб существующей угрозы, и соперничество с Россией, которое восходило к традиционным континентальным противоречиям, порождалось прежде всего таким неожиданным противодействием как утверждение славянских народов, таких как сербы и болгары, и вековым проектом развала Оттоманской империи. Тевтонское клеймо на Османской империи, ставшее еще более очевидным после революции младотурок в 1908 г., отодвинуло на второй план колониальные противоречия (как это, впрочем, уже произошло с Францией и Великобританией в 1904 г.), и создало благоприятные условия для поиска разумных компромиссов на важных, хотя и не имеющих первостепенного значения территориях (таких, как Персия, Афганистан и другие объекты англо-русского соглашения 1907 г.).

К этой совокупности основных конфликтов, породивших в 1914 г. войну, добавились другие кризисные моменты: одни были связаны с главными конфликтами, как, например, напряженность на Балканах и проявления национализма в Центральной Европе (Польша, Богемия—Моравия, Словакия); другие, потенциально неустойчивые вследствие объективной двойственности проявившихся интересов, как это было в случае Италии.

Поражение, понесенное державами Центральной Европы в 1918 г., теоретически позволяло преодолеть довоенную напряженность за счет Германии и против Германии. В действительности новые явления, созревшие или проявившиеся во время войны, ограничили свободу маневра победителей и впервые определили то, что *ни одна* европейская держава не могла больше решить самостоятельно проблемы, связанные с мирными договорами и с определением нового соотношения сил на континенте.

В самом деле, Парижские мирные договоры лишь отчасти устранили причины войны. Вероятно, это объяснимо, поскольку победа не означала *debellatio* (то есть исчезновения в качестве государства) Германии, но приобрела форму перемирия, подписанного 11 ноября 1918 г. Германией с Соединенными Штатами и державами Антанты на основе «14 пунктов» Вильсона, однако

с оговоркой союзников относительно репараций и свободы навигации. Это также объяснимо, ибо на Западе победители приложили больше усилий для демонстрации масштаба своего успеха, в то время как исчезновение трех империй в Центральной и Восточной Европе сделало менее ясными направления построения нового европейского порядка. В итоге новый европейский порядок *не был* построен, а возникли, напротив, новые причины для антагонизма — возможно, меньшие, но не менее острые и, вероятно, более опасные — которые добавились к накопившимся проявлениям недовольства, подпитываемым несбывшимися ожиданиями. Теперь, по прошествии стольких лет, поражает, почему авторы Парижских договоров не отдавали себе отчет в том, что они создают новый «беспорядок», содержащий в себе более многочисленные и серьезные причины для конфликта, которые Лига Наций, конечно, не сможет устранить. В самом деле, совокупность этих договоров не обеспечивала окончательного результата, а предоставляла только некую передышку, паузу, во время которой европейские противоречия вновь проявились в обостренной форме, а за пределами Европы назрели перемены, представшие в конце концов в качестве доминирующих элементов новой глобальной ситуации.

1.2. Лига Наций

С точки зрения американского президента В. Вильсона, сыгравшего определяющую роль в первые месяцы Парижской конференции, предпосылки европейской реконструкции заключались в осуществлении некоторых программных положений, содержащихся в военном «манифесте» Соединенных Штатов, а именно — в создании организации, которая, институционализируя международные конфликты, облегчила бы возможность их мирного разрешения или сделала бы возможным коллективный ответ, направленный на пресечение действий агрессоров или на их военное поражение. В прошлом выполнение этой задачи отводилось тайной дипломатии с ее утонченными методами. Однако с 1917 г. именно против нее было развернуто наступление (часто носившее демагогический характер) тех, кто усматривал в ней главного виновника возникновения цепи обязательств, сделавшей в 1914 г. неизбежным развязывание войны. Вследствие разнородного давления, направленного на формирование более демократической процедуры принятия решений в сфере международной политики, обращалось внимание на симптом, хотя и важный, но без понимания того, что он лишь выражал более глубокие тенденции.

Предполагалось, что для устранения такого симптома (в надежде уничтожить «зло» «великодержавной политики») была необходима «открытая» псевдодипломатия (как этого потребовал Вильсон в первом из своих «14 пунктов»), воплощенная в «Лиге Наций», явившейся плодом интернационализма американского президента.

Однако была ли Лига Наций в самом деле организацией, способной утвердить мировое видение проблем, или ее сразу захлестнули грубые реалии политики силы? Учредительный документ Лиги Наций (*Covenant* — устав) был включен в текст Версальского договора в качестве его первой части. В своих 26 статьях он содержал положения, следование которым должно было способствовать мирному разрешению конфликтов еще до того, как какая-либо страна—член Лиги сочтет себя вправе прибегнуть к силе, а также положения, направленные на пресечение агрессии, как только одно из государств-членов или другие государства, не входящие в организацию, поставят себя в положение «нарушивших договор», то есть прибегнут к военным средствам для решения своих проблем.

Основными органами Лиги являлись Ассамблея, Совет и постоянно действующий Секретариат (ст. 2). Ассамблея формировалась из представителей всех стран-членов и не имела четко очерченных полномочий. Совет состоял из представителей «основных держав-союзниц и объединившихся с ними государств», а также из четырех других членов, назначаемых Ассамблеей на основе ротации, однако на произвольных основаниях. Его состав мог изменяться простым голосованием той же Ассамблеи. Совет занимал ключевое положение в системе органов Лиги, поскольку он мог заниматься «любыми вопросами, которые входят в сферу компетенции Лиги или касаются мира во всем мире». Как Совет, так и Ассамблея принимали свои решения единогласно, за исключением сторон, вовлеченных в конфликт. Задачи Секретариата не уточнялись, однако подразумевалось, что они состояли в координации деятельности организации.

В целях поддержания мира предусматривались превентивные меры (третейский суд, посредничество, вмешательство Совета, приговоры постоянной палаты международного правосудия, имевшие юридическую силу — ст. 11–14), а также политическое вмешательство Совета; в случае нарушений международного права, не нашедших мирных способов разрешения, принятие ряда санкций — от экономических и торговых вплоть до использования военной силы (ст. 15 и 16), которую должны были предоставить государства-члены по требованию Совета. Другие нормы способствовали поддержанию мира косвенным образом. Они касались обязательства не заключать секретных договоров и пере-

смотря договоров, ставших неактуальными или оказавшихся не выполнимыми; обязательства содействовать разоружению; учреждения мандатов Лиги в качестве модели реформистского решения и, в отдельных случаях, мирного перехода к независимости колониальных стран.

Система, созданная Лигой Наций, основанная на принципе коллективной безопасности, была весьма характерным проявлением благородного продвижения в направлении институционализации международных отношений с целью вписать их в юридическую схему, способную возобладать над силой и дать гарантии адекватного силового решения для блокирования правовых нарушений. Однако при создании этой схемы, порожденной определенной культурой, не было учтено разнообразие форм, в которых может выражаться политика силы, и в результате очень быстро стала очевидна неосуществимость вильсоновских устремлений. Несостоявшаяся ратификация американским сенатом Версальского договора, доминирующей частью которого концептуально был Устав, лишила Лигу Наций единственной силы за пределами Европы, способной выступать посредником в традиционных конфликтах Старого Света. Сознательное исключение Советского Союза, позднее, его отсутствие в организации, расценивавшейся им вплоть до 1933–1934 гг. как выражение «капиталистической дипломатии», также вносило неустойчивость в эту международно-правовую структуру также. Отсутствие потерпевшей поражение Германии и относительное безразличие Японии по отношению к проблемам за пределами Тихоокеанского региона, привели к тому, что Лига оказалась под влиянием главных держав-победительниц, то есть Великобритании и Франции, за которыми следовала, на некотором расстоянии, Италия. Иными словами, женеvская организация (Устав устанавливал местопребывание Лиги — Женеву) с самого начала не была, отчасти случайно, отчасти в результате сознательного выбора, универсальной организацией, необходимой для сохранения мира. Более того, из-за политического веса, который имели в ней Великобритания и Франция, Лига неизбежно демонстрировала черты организации, подчиненной интересам крупнейших европейских империалистических держав (даже в тех случаях, когда это было совсем не так). Кроме того, правило, что решения, не являвшиеся чисто процедурными, должны были приниматься единогласно, практически обеспечивало право всеобщего вето, способного парализовать деятельность организации в любой момент. Таким образом, то хорошее, что удалось сделать Лиге Наций за период своего существования для формирования международной организации, было перечеркнуто крупными политическими недостатками, характерными для ее деятельности.

1.3. Франко-германский мир и проблема безопасности Франции

1.3.1. ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Все главные темы, касавшиеся переустройства Европы, и, в первую очередь, германский вопрос, рассматривались в рамках, установленных концепцией Вильсона, с одной стороны, и трактовок европейских политических деятелей, с другой. Длительные переговоры по этой проблеме завершились заключением 28 июня 1919 г. Версальского договора между Германией и 27 державами-союзницами и объединившимися с ними странами (Францией, Великобританией, Италией, Соединенными Штатами, Японией и другими менее крупными государствами). Имевшиеся противоречия разрешились итоговым компромиссом. На первый взгляд, речь шла о длительном и жестком мире, который немцы воспринимали как *диктат*, навязанный им обманом и силой. С формальной точки зрения, суждение немцев не было таким уже необоснованным, как впоследствии это хотели представить победители. В самом деле, переговоры проходили только между победителями таким образом, что немцы не имели возможности высказать свое мнение ни в какой форме. Текст договора был представлен им вместе с «разрешением» письменно сформулировать контрпредложения, которые почти полностью были отвергнуты, за исключением тех, что касались будущего Силезии, а также связанных с некоторыми аспектами ситуации в Сааре. После этого, в середине июня, они получили ультиматум: если в течение семи дней они не подпишут договор, не требуя внесения других поправок, то снова начнутся военные действия. Кроме всего прочего, Германии угрожала и морская блокада союзников, и поэтому ее правители не могли позволить себе слишком большой риск. Им пришлось уступить, однако с тех пор ощущение того, что они стали объектом жестокого диктата, укоренилось в общественном сознании немцев и в результате создало условия для оправдания любой попытки реванша.

С другой стороны, если посмотреть внимательно, то такое настроение основывалось только на сиюминутных обстоятельствах, поскольку в действительности мирный договор оставил в неприкосновенности производственный потенциал Германии и сохранял возможность того, чтобы через несколько лет немецкие товары и капиталы стабыли способны вновь завоевать мировые рынки и контроль над ними, не выполняя при этом дорогостоящих обязанностей по управлению теми колониальными территориями, от

которых Германия была вынуждена отказаться. В 1919 году победители для того, чтобы «наказать» Германию, освободили ее, впервые в мировой истории, от «колониального бремени» и тем самым от тягот, которые все еще воспринимались другими как преимущества. Они вынудили ее действовать только по правилам мирового рынка, то есть по правилам более выгодным для динамичной промышленной и торговой системы.

Для Франции, Бельгии, Нидерландов, Дании и для таких новых государств, как возрожденная Польша или вновь созданные Чехословакия и Австрия или, более косвенно, для Югославии и Италии единственное окончательное решение, способное ликвидировать опасность со стороны Германии, состояло в уничтожении территориального единства Германии. Не случайно, именно эта тема вызвала самые острые столкновения во время Парижских переговоров и, в особенности, внутри Совета четырех (Жорж Клемансо от Франции, Ллойд Джордж от Великобритании, Витторио Эмануэле Орландо от Италии и Вудро Вильсон от Соединенных Штатов), который принимал принципиальные решения, касающиеся мирных договоров.

Именно на этих переговорах (в соответствии с принципами «открытой дипломатии», которые проповедовал Вильсон, они должны были проходить публично, однако в действительности, напротив, они носили совершенно секретный характер) произошло столкновение между позициями или политическими интересами Франции и Соединенных Штатов. Вильсон ответил категорическим отказом на требования французов (предусматривавшие, помимо возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, уже совершенного при заключении перемирия, создание независимой Рейнской зоны, которая могла быть связана с Францией и Бельгией договором о таможенном союзе) и вынудил их уступить его устремлениям, в том числе и благодаря отсутствию поддержки позиции Парижа со стороны Великобритании и Италии. Клемансо должен был довольствоваться не очень удачным паллиативом, отчасти санкционированным Версальским договором, а отчасти — англо-американским договором о гарантиях. Версальский договор в основном сохранял целостность западной части Германии. В соответствии с ними на западе к Франции переходили управление Саарской областью и собственность на угольные копи, расположенные на ее территории, с условием, что через 15 лет состоится референдум о принадлежности Саара. По договору некоторые территории в округах Эйпен и Мальмеди переходили к Бельгии, а на севере с помощью плебисцита определялась граница с Данией в районе Шлезвига. Кроме того, предусматривалось,

что Германия отказывается от всех своих колоний. С военной точки зрения, договор, учитывая обеспокоенность, проявленную французами относительно опасности внезапного нападения, обязывал сократить германскую армию до 100 тыс. человек (включая 4000 офицеров), рекрутируемых на основе добровольности, при запрете обязательного призыва; он устанавливал также демилитаризованную зону, включавшую левый берег Рейна и 50-километровую полосу вдоль правого берега реки с условием, что в этой зоне немецкое правительство не должно иметь ни войск, ни каких-либо военных сооружений (обязательство, нарушение которого впоследствии взорвет договор об англо-американских гарантиях). Договор, наконец, устанавливал, что войска союзников должны оккупировать левобережье Рейна, разделенное на три сектора — соответственно на период пять, десять и пятнадцать лет, за исключением возможного сокращения сроков, связанного с корректным выполнением договора Германией или, в противном случае — их продления.

Отказ от принятия максимальных требований французской стороны в общем компенсировался заключением договора о гарантиях в пользу Франции, подписанного Соединенными Штатами и Великобританией и направленного против возможных нарушений Германией Версальского договора. Это были гарантии, почти сразу же утратившие всякую ценность из-за отказа американской стороны ратифицировать сам договор (20 ноября 1919 г.), что лишило смысла компромисс, принятый французами.

Не считая особых статей, также имевших определенное конъюнктурное значение, главной проблемой переговоров по рейнскому вопросу — и это показало франко-американское столкновение — было именно то, что Клемансо оказался вынужден принять концепцию Вильсона, представшего в Париже не в качестве обычного союзника, но почти как *deus ex machina*, и выразившего стремление Соединенных Штатов фактически стать сверхдержавой. Вильсон не только диктовал установления, касавшиеся конкретной проблемы, но вписывал эту проблему (рейнского урегулирования) в рамки процесса утверждения правил, касавшихся всей международной жизни. Он делал это весьма энергичным образом, доказывая, что Соединенные Штаты не только внесли решающий вклад в победу держав Антанты над Германией, но и оказывали определяющее влияние своим вмешательством (с помощью «14 пунктов») и своим участием в осуществлении мирных договоренностей, то есть в принятии новых принципов, на формирование пресловутого нового мирового порядка. Позиция Франции подкреплялась тем вкладом, который французы внесли в поражение Германии

и силой исторической традиции, однако принцип самоопределения (торжественно провозглашенный в преамбуле «14-ти пунктов Вильсона») возобладали над фактами. В самом деле, уместно задать вопрос: было ли возможно, чтобы несколько абстрактных принципов возобладали над фактами? Ответ, конечно, может быть только негативным, поскольку отвлеченные принципы не действуют в конкретных ситуациях. Однако в те дни принципы Вильсона казались менее абстрактными, напротив, они приобрели более сильное звучание вследствие американского военного вмешательства на стороне Антанты и финансовой помощи, оказанной ей Соединенными Штатами. В итоге интересы Франции были принесены в жертву американским концепциям.

К тому же, если оценить в целом компромисс, достигнутый по германскому вопросу, то он не кажется таким негативным, как его оценивали те, кто добивался более радикальных решений. Уязвимым моментом этой ситуации был уже тогда вопрос, который неоднократно вставал на протяжении всего века и, в особенности, с 1947–1948 гг. до 1990 г. Вопрос касался реальности американских гарантий. Не было оснований для сомнений в решительном проиводействии Великобритании попыткам реванша со стороны Германии в отношении Рейнской зоны. Поэтому с этой стороны гарантия договора, предоставленная Франции, не подвергалась опасности. Однако было множество причин для того, чтобы сомневаться в надежности обязательств американской стороны. Еще до того, как американский сенат отказался ратифицировать Версальский договор, изоляционистские течения, особенно в республиканской партии выразили свое глубокое несогласие с Вильсоном. Но еще большую роль играло общее настроение и традиционное отсутствие обязательств со стороны Соединенных Штатов в отношении Европы. Вероятно, с точки зрения политических принципов Соединенные Штаты уже стали лидером мировой системы, однако они не стали таковыми с точки зрения реально взятых на себя обязательств. Таким образом достаточно было момента слабости или кризиса президентской власти для того, чтобы поставить под сомнение то, что уже было обещано. Это и произошло в действительности.

1.3.2. РЕПАРАЦИИ И ДОЛГИ СОЮЗНИКОВ

Вовлечение Соединенных Штатов в решение проблемы отношений с Германией проявлялось также и в экономическом плане, который, с другой стороны, и составлял основу карательных мер в отношении побежденных. Включение в Версальский договор

статьи 231-й, в которой победители объявляли, а немцы «признавали» ответственность Германии и ее союзников за вооруженную агрессию и обязались возместить ущерб, понесенный «союзниками и объединившимся с ними странами», открывало путь для постановки вопроса о репарациях, которые следовало наложить на Германию.

Масштаб обязательств и часть, которую должна была получить Франция, установленная в принципе, а не в виде конечной суммы, продемонстрировали, что финансовый механизм понимался тогда как еще один способ разрушения германской мощи. Однако то обстоятельство, что решения по данному вопросу были приняты после несостоявшейся ратификации Версальского договора сенатом Соединенных Штатов, позволяет понять, каким образом французы стремились компенсировать в этом плане то, что они потеряли с точки зрения территориальных и политических гарантий. Приняв установленные им обязательства по платежам, немцы тем самым согласились взять на себя значительную часть экономических издержек, связанных с войной, также и в отношении Соединенных Штатов. Это означало, что фактически возникала весьма тесная связь между ситуацией с долгами союзников Соединенным Штатам и долгами Германии в отношении союзников.

Именно благодаря наличию такой связи даже после несостоявшейся ратификации договора европейцы все еще располагали сильным средством давления на Соединенные Штаты: ибо в политическом плане было очевидно, что выплата репараций приоритетна по отношению к выплате долгов. И если Германия не будет платить, то и Соединенные Штаты ничего не получают. Отсюда возникал своего рода «порочный круг», в результате которого способность немцев осуществлять платежи становилась важным моментом для американских финансов. Иными словами, реализация Версальского договора (и последующих решений победителей, принятых в отсутствие американских представителей) имела практическое значение и для Соединенных Штатов. Последние были изолированы от пагубного влияния европейской политики, однако они тем не менее зависели от европейской экономики а, следовательно, — и от европейской политики, которую нельзя было, конечно, отделить от самой экономики. На заднем плане просматривался также и другой аспект ситуации: если Германия должна была платить, она должна была обладать способностью платить. А для этого следовало восстановить ее производственный потенциал, преодолев послевоенный кризис, чтобы его последствия не сказывались также и на победителях.

Таким образом, территориальные и финансовые статьи Версальского договора образовывали одно неразрывное целое; от их осуществления зависело реальное значение военной победы Франции над Германией. Однако с того момента, когда Соединенные Штаты поколебали политическое основание этой победы, а немцы в разгар экономического кризиса поколебали ее финансовое основание, начав после выплаты первых платежей фактически проводить политику, направленную на затягивание выплат и изменение решений, принятых по вопросу о репарациях, французы столкнулись с сокращением довольно значительной части своих военных трофеев. В итоге они пришли к выводу, что подобно тому, как остались неудовлетворенными максималистские требования, представленные в Париже военными, например, маршалом Фошем, также не будут осуществлены и компромиссные решения. Это означало, что через некоторое время германский вопрос встанет во всей его остроте и значимости.

1.3.3. ФРАНЦУЗСКАЯ «ПОЛИТИКА ГАРАНТИЙ» И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

На этой основе выстраивались две темы, ставшие на определенный период преобладающими во французской внешней политике: «политика гарантий» выполнения Версальского договора и безопасность. «Политика гарантий» означала стремление французов воспрепятствовать тому, чтобы Германия хотя бы в малейшей степени уклонялась от выполнения условий мирного договора. Иными словами, это было требование строгости исполнения наказания, которая должна была обеспечить устранение разрывов в ткани юридических договоренностей. Однако самой по себе этой позиции было, конечно, недостаточно для того, чтобы ослабить опасения, порождаемые ходом событий. Достаточно вспомнить в данной связи постоянно возникавшие новости о всплесках национализма в Германии, а также не умолкающую критику консервативного и реакционного правого крыла, направленную против берлинского правительства за его вообразимую уступчивость в отношении Франции. Предположение, что Германия, лишь незначительно сократившаяся в размерах, захлестываемая мощными волнами национализма, представляет собой потенциальную опасность для Франции, выдвигала другую тему французской внешней политики — тему безопасности. Она стала центральной осью, вокруг которой формировалась европейская политика Франции и на основе которой принимались принципиальные решения относительно союзов. *A posteriori* можно констатировать,

что озабоченность французов не была необоснованной, хотя в течение двадцати лет, между двумя войнами, Франция и внесла заметный вклад в то, чтобы сделать возможной новую агрессию Германии.

Безопасности не существовало, поскольку потенциальная военная сила Германии осталась нетронутой, англо-американские гарантии не вступили в силу, Лига Наций была неэффективна, Великобритания не разделяла французскую точку зрения относительно способа решения проблем Восточной Европы, а Италия проводила колеблющуюся и малоубедительную политику. В связи с этим Франция вынуждена была разрабатывать собственную стратегию, целиком направленную на то, чтобы создать на односторонней основе ту безопасность, которую ей не давали международные гарантии. Это была позиция (не считая некоторых оттенков), не вызывавшая разногласий между французскими политическими силами. От Бриана до Пуанкаре и Эррио — все правительства, сменявшиеся в эти годы в Париже, преследовали одну и ту же цель: восстановить юридически или посредством возможного использования силы ту безопасность, отсутствие которой ощущали французы.

Предпринятые Мильераном и Брианом в 1921 г. попытки найти решение через экономическое сближение с Германией не привели ни к какому результату, несмотря на иллюзии, вызванные открытостью министра иностранных дел Германии Ратенау. Неудачи Каннской конференции в январе 1922 г. и Генуэзской конференции в апреле того же года привели лишь к разжиганию французских страхов. Германский финансовый кризис вынудил берлинское правительство попросить о моратории на дальнейшие репарационные выплаты в финансовом и натуральном выражении. Этот вопрос безрезультатно обсуждали две конференции, состоявшиеся в Париже в декабре 1922 г. и в Лондоне в январе 1923 г.

Перед лицом этих почти предрешенных неудач новый премьер-министр Франции, представитель националистической правой партии Раймон Пуанкаре разработал проекты одностороннего решения. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска оккупировали Рурский угольно-металлургический бассейн с открытым намерением взять в свои руки «продуктивный залог», который служил бы гарантией «хорошего поведения» немцев в будущем и свидетельством решимости французов не отказываться от прав, утвержденных договорами, и, более того, при возможности, даже выйти за их пределы. Деятельность французов одобрило итальянское правительство (его уже возглавил Муссолини). Англичане, расхившиеся с французами в подходе к проблемам безопасности

и не доверявшие гегемонистским поползновениям своих союзников, напротив, расценивали оккупацию как пагубную ошибку, которая ничего не решит, а будет лишь способствовать усилению противоречий. Первая реакция немцев показала обоснованность британской точки зрения. В самом деле, берлинское правительство провозгласило формулу «пассивного сопротивления» в отношении акта, предпринятого на основании законных предложений, однако диктуемого стремлением использовать насилие. Пассивное сопротивление означало отказ со стороны немцев обеспечить нормальное функционирование угольно-металлургического комплекса, в котором были заняты немецкие трудящиеся, и прекращение выплат репарационных платежей. Раз «залог», оккупированный Францией, оказался «продуктивным», то есть способным заменить невыплаченные репарации, то французскому, бельгийскому и итальянскому персоналу следовало занять место германского с тем, чтобы сделать возможным функционирование предприятий Рура. А это ставило очень сложные технические проблемы и порождало очаги локальной напряженности.

В этих условиях французы быстро осознали, что их инициатива привела к новой тактической и стратегической неудаче, из которой не видно было выхода, несмотря на попытки британского посредничества, последовавшие за первой резкой реакцией на происшедшее. В Лондоне французскую акцию расценили как самое яркое проявление гегемонистских устремлений Парижа в отношении всего европейского континента. Выход предложили немцы. Когда, в августе 1923 г. Густав Штресеман стал канцлером и министром иностранных дел Веймарской республики, он инициировал весьма резкий поворот во внешней политике. Штресеман был ностальгирующим националистом, но он также, и прежде всего, являлся реалистом. Он не усматривал никакой пользы в сохранении напряженности в Германии и полагал, что сделать первый шаг надлежит тому, кто от смягчения напряженности получит наибольшие преимущества, то есть самой Германии. Штресеман был убежден, что главная проблема германской внешней политики состоит в восстановлении ее «нормального» положения в Европе — положения, которое избавило бы ее от страхов и тревог, связанных с империалистическим наследием Второго рейха, сделав возможным возвращение Германии в сообщество наций в качестве государства, в отношении которого не требуется особого контроля, поскольку оно не делает ничего, что противоречило бы интересам всеобщего мира. Парадоксальным образом это условие было единственной возможной предпосылкой, способной, по мнению Штресемана, вернуть Германии *в будущем* полную

свободу действий. С восстановлением доверия исчезнут подозрительность со стороны других европейских держав, и тогда можно будет выдвинуть предложения по пересмотру наиболее «вопиющих» статей мирных договоров, не опасаясь вызвать страх и чрезмерную реакцию.

Исходя из этих предпосылок, Штреземан 26 сентября 1923 г. приказал прекратить «пассивное сопротивление», и приступил к переоценке всей ситуации в целом. В этот момент возобновление переговоров по вопросу о репарациях стало неизбежным. Таким образом на короткий период германское правительство создало у Пуанкаре иллюзию успеха. Англичане и прежде всего американцы отказались от своих негативных позиций и занялись поиском экономического и политического компромисса. Это была попытка, подпитываемая желанием удовлетворить французов и предложить выход из тупика, в котором они оказались благодаря Пуанкаре.

Раймон Пуанкаре проиграл свою политическую битву и в мае 1924 г. на выборах потерпел поражение от левого блока, его сменил на посту председателя совета министров Эдуард Эррио, но права Франции на получение репараций были еще раз подтверждены. Однако в действительности в результате компромисса победителем оказался Штреземан, поскольку ему удалось утвердить положение Германии в качестве субъекта, к которому больше неприменимы методы диктата в отношении побежденного в 1918 г., но с которым необходимо вести переговоры о путях выхода из сложившейся ситуации. Это был, следовательно, весьма важный шаг вперед.

1.3.4. ПЛАН ЭРРИО И ЖЕНЕВСКИЙ ПРОТОКОЛ

Эррио стремился восстановить в политическом плане то, что Франция потеряла в плане экономическом. Соответствующая возможность представилась ему на сессии Ассамблеи Лиги Наций, состоявшейся в Женеве в сентябре того же 1924 года. Эррио надеялся, что его предложения получат благосклонный прием у нового британского правительства, также левой ориентации, которое, впервые в английской истории, возглавил лейборист Рамсей Макдональд. Эррио размышлял о создании плана «абсолютной безопасности». Дополнив тезисы англичан, он предложил, взяв за основу идею чешского представителя Бенеша, подписать протокол, который бы утверждал три принципа «арбитраж, безопасность и разоружение» в качестве несущей опоры для системы гарантий, основанной на *принудительном третейском суде*. К последнему должны были прибегать члены Лиги Наций, обязуясь, в случае

невыполнения решений арбитража, использовать по итогам голосования большинством репрессивные нормы, содержащиеся в самом Уставе Лиги наций и предусматривавшие (ст. 16) применение силы против его нарушителей.

В обстановке, получившей название «дух Женевы», протокол был быстро одобрен и подписан. Его вступление в силу означало бы удовлетворение французских амбиций, поскольку он превратил бы Лигу Наций в организацию, реально обеспечивающую сохранение мира, и действительно привел бы к повороту в европейской политике. В самом деле, суть протокола состояла не столько в той формулировке, которую он утверждал (учитывая тот факт, что на момент его подписания ни Германия, ни Соединенные Штаты не входили в Лигу Наций и что Италия едва не поставила под сомнение свое присутствие в Лиге в связи с событиями на Корфу¹ и продолжала афишировать высокомерное отстранение от женевской Лиги), сколько в том, что он недвусмысленно вовлек Великобританию в процесс сохранения *status quo* в Европе и, другими словами, возрождал гарантии, потерпевшие фиаско в 1920 г.

Однако утверждение этого проекта не состоялось. Благоприятный исход был обусловлен ратификацией протокола заинтересованными правительствами. Макдональд находился у власти благодаря хрупкому лейбористско-либеральному большинству. После поражения на выборах в ноябре 1924 г. ему на смену пришел Бонар Лоу, а министром иностранных дел стал Остин Чемберлен, убежденный консерватор, полный решимости отказаться от обязательств, взятых его предшественником. Предлог относительно мнения доминионов в отношении обязательств, носивших глобальный характер, был не слишком убедительным. Чемберлен укрылся за требованием консультаций, предоставив Муссолини в декабре 1924 г. возможность похоронить Женевский протокол.

Итало-французская идилия, продлившаяся с декабря 1922 до середины 1924 г., была разрушена антифашистской позицией французских левых, занятой ими в связи с убийством Маттеоти, одного из виднейших представителей итальянского социализма, сомнительными личностями, представлявшими фашистский экстремизм, от которых Муссолини не удалось отмежеваться.

¹ Имеется в виду итало-греческий конфликт в августе-сентябре 1923 г., вызванный попыткой Италии захватить остров Корфу, важный стратегический пункт на Адриатике. 31 августа итальянские войска оккупировали остров. Греция апеллировала в Совет Лиги Наций. Решительное противодействие Великобритании вынудило Италию отступить и эвакуировать свои войска с острова Корфу в конце сентября 1923 г. — *Прим. переводчика.*

Диктатура в Италии стала пускать корни, а Франция превращаться в убежище для преследуемых антифашистов. Между Италией и Францией все более четко проявлялось глубокое размежевание. Именно это подтолкнуло Муссолини к сближению с позицией Великобритании. В декабре 1924 г., в разгар кризиса в связи с убийством Маттеоти, Чемберлен, отправляясь в Рим для участия в Ассамблее Лиги Наций, встретился с Муссолини и продемонстрировал таким образом, что тот все еще пользуется доверием Великобритании, получив взамен освобождение от трудной миссии — первым похоронить Женевский протокол. В самом деле, Муссолини взял на себя эту тяжелую обязанность и в результате в Европе сложились тесные итало-британские отношения, продлившиеся, хотя и с перерывами, вплоть до 1935 г., а по некоторым аспектам вплоть до Второй мировой войны. Вместе с тем у французов появилась еще одна причина для обеспокоенности. Действительно, тема безопасности Франции возникала уже не только в связи с отношениями с Германией, но и в связи с проблемой альпийской границы страны.

1.3.5. ЛОКАРНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Несостоявшаяся ратификация Женевского протокола привела к вакууму и вновь обострила опасность конфликтов. Чемберлен не считал, что следует вернуться к атмосфере января 1923 г. и что озабоченность французов должна быть хотя бы частично удовлетворена. В этом плане его международная деятельность в принципе сочеталась с деятельностью Штреземана. Если целью немецкого государственного деятеля была нормализация положения Германии (нормализация, достижение которой Женевский протокол делал гораздо более сложным, если не невозможным), то в атмосфере, сложившейся в результате политики, проводившейся Чемберленом, возникали возможности для того, чтобы сделать еще один шаг вперед после компромисса по репарациям, предложенного планом Дауэса.

Такие соображения породили идею заменить проект всеобщей гарантии предложением частичной гарантии, ограниченной только Рейнской зоной. Инициативу вновь проявил Штреземан, который прислушался к совету британского посла лорда д'Абернона и выступил в благоприятный момент, когда Германия выходила из экономического кризиса. Франция должна была оправиться от только что перенесенных дипломатических поражений, но и быть готовой к отводу войск, предусмотренному самим Версальским договором, поскольку истек первый из трех пятилетних сроков для эвакуации Рейнской зоны.

В такой атмосфере в феврале 1925 г. Штреземан выдвинул идею, согласно которой после завершения освобождения Рура Германия может признать границу по Рейну, установленную в Версале, с возвращением Франции Эльзас-Лотарингии и обязательством не стремиться к ее изменению применением силы. Речь шла о важных уступках, которые меняли внешние очертания германской территории и которые Штреземан предлагал дополнить международными гарантиями. Франко-германский диалог оказался бы таким образом прямым, непосредственным и контролируемым извне, в особенности Великобританией, чья посредническая функция была бы высоко оценена.

Предложение Штреземана представляло собой еще один шаг к созданию атмосферы взаимного доверия. Оно, однако, имело два неясных момента, поскольку не касалось вопроса о восточных границах Германии и умалчивало о ее южных границах. С такими ограничениями позиция Германии имплицитно содержала разъяснение стратегического смысла политики Штреземана. Впрочем, в письме, отправленном Штреземаном 17 сентября 1925 г. бывшему кронпринцу, откровенно говорилось, что «рейнское» предложение — первый шаг на пути выжидательной тактики, благодаря которой можно будет восстановить свободу маневра в отношении возможного аншлюса Австрии и ревизии восточных границ. Это письмо отнюдь не было проявлением желания завоевать поддержку германских монархических кругов, поскольку источники, относящиеся к немецкой дипломатии, позднее показали, что Штреземан ясно представлял реальный масштаб своих проектов.

В действительности, отказаться от распространения гарантий на восточные и южные границы означало в некотором роде пойти навстречу требованиям англичан, то есть согласиться с британскими оговорками в отношении территориального урегулирования, которое никогда не было ими одобрено, оговорками, усиленными в 1925 г. столь недальновидной позицией доминионов, несогласных с предоставлением гарантий территориям, находящимся далеко от центра европейских конфликтов. Но это означало также, и прежде всего (как заметила итальянская дипломатия за месяцы переговоров, когда Муссолини в обмен на согласие Италии пытался добиться как уступок в отношении колоний, так и распространения гарантий на границу между Италией и Австрией на Brenнере в преддверии вполне вероятного аншлюса), что в Европе могли существовать два типа территориального урегулирования. Первый из них — тот, что нуждался в особых гарантиях и, следовательно, не мог быть изменен без риска разжигания всеобщего конфликта. Второй — тот, что нуждался в простых гарантиях, га-

рантиях, предоставленных мирными договорами, и который, из-за того, что он не требовал дополнительных гарантий, был низведен до такого типа урегулирования, которое может быть изменено возможно даже ценой глобального конфликта, как это подтвердили события 1938 г., продемонстрировавшие стратегическую ограниченность британского видения европейской политики. В действительности, соглашение, предлагавшееся Штреземаном, могло показаться привлекательным для французов, было полезным для немцев, однако прежде всего оно представляло британское понимание проблем безопасности континентальной Европы.

Кроме того, Штреземану посчастливилось найти во Франции подходящего собеседника: им стал Аристид Бриан, бывший председатель совета министров и министр иностранных дел в начале 20-х годов, а с апреля 1925 г. снова министр иностранных дел (в этой должности он пробыл до 1932 г.) в правительстве Поля Пенлеве, сменившем правительство Эррио. Бриан верил в необходимость примирения. Он думал, что, несмотря на недостатки германских предложений, было бы полезно предпринять шаги в направлении нормализации ситуации, поскольку считал, что Франция сама по себе может двигаться в двух направлениях: предоставление односторонних гарантий странам Восточной Европы, не охваченным гарантиями, предусмотренными Штреземаном, с тем, чтобы укрепить свою ведущую роль в сфере европейской безопасности, и в то же время добиваться соглашения непосредственно с Германией, которое увело бы немцев как от пагубного влияния сотрудничества с Советами, так и от ориентации на преимущественное сотрудничество с Великобританией. Германия не должна была выступать европейским конкурентом французскому гегемонизму (согласно британскому видению), но должна была стать серьезным партнером Франции на европейском континенте, партнером, который сотрудничал бы в целях сглаживания противоречий, унаследованных от войны, и, следовательно, способствовал бы в более общем плане укреплению безопасности Франции.

Переговорный процесс по главным названным темам развивался достаточно быстро. По вышеназванным причинам отказ Британии от распространения гарантий на восток Европы был благосклонно воспринят французами и гораздо менее благосклонно — Муссолини, который еще накануне подписания соглашения колебался относительно позиции, которую следует занять Италии. Однако ситуация с подписанием соглашений приобретала значимость благодаря роли согаранта, придаваемой Италии, и в связи с тем, что в случае своего отсутствия Италия осталась бы в изоляции. Поэтому, в конце концов, фашистский диктатор преодолел свои колебания.

Итак, 16 октября 1925 г. для парафирования новых соглашений о гарантиях в Локарно собрались Штреземан, Бриан, Остин Чемберлен, Муссолини и министр иностранных дел Бельгии Эмиль Вандервельде. Основной договор был торжественно подписан в Лондоне 1 декабря в обстановке, которую, казалось, стремились представить антитезой подписанию Версальского *диктата*. Франция, и что было более важно, Германия брали на себя обязательство не стремиться к изменению с помощью силы границы, установленной между двумя странами, и между ними и Бельгией в 1919 г. Германия, кроме того, подтверждала свое согласие с демилитаризацией Рейнской зоны. Великобритания и Италия должны были играть роль держав-гарантов соглашения. Каким образом они будут осуществлять эти гарантии предусмотрительно умалчивалось; констатировалось лишь, что агрессия должна быть признана таковой Лигой Ниций. Кроме того, был подписан ряд арбитражных договоров между Германией, с одной стороны, и Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией, с другой, — по сути почти пустые слова, за которыми скрывалось отсутствие подлинных гарантий. В обмен на эти договоры французское правительство подписало договоры о союзе и взаимопомощи с Чехословакией и Польшей, касавшиеся ситуации возможного нападения со стороны Германии. Это были *два* исключения по отношению к общему обязательству французов, выраженному в главном договоре — не нападать на Германию. Речь идет о детали, которую следует иметь в виду в связи с франко-советским договором 1935 г. Последний, доведя число исключений из обязательства не нападать на Германию до *трех*, позволил Гитлеру протестовать против нарушения Локарнского пакта. В целом это и был пакет документов, позднее получивший известность как Локарнские соглашения. Очевидно, что только первый из них имел реальное политическое значение. Другие же или являлись стыдливым прикрытием неприятной реальности или же — выражением плохо скрытых надежд или даже отступлением от существовавших ранее соглашений.

1.3.6. ПОСЛЕ ЛОКАРНО

Эти соглашения положили начало этапу большого оптимизма в европейской жизни. Они явились еще одним компромиссом. По видимости, он также имел антигерманскую направленность, поскольку Германия теперь демонстрировала готовность добровольно отказаться от того, что было у нее отнято. В действительности компромисс означал стремление возобновить диалог. Каждая держава-участница надеялась на то, что результаты такого диалога

позволят впоследствии проводить политику, стратегически выгодную именно для нее.

Бриан предпринял в этом плане весьма решительные шаги для получения гарантий против британского превосходства. Он обещал немцам в 1926 г. досрочно вывести оккупационные войска из Кельна в обмен на вступление Германии в Лигу Наций с постоянным местом для нее в Совете в качестве залога немецкого участия в системе всеобщей безопасности. Кроме того, он продвинулся в направлении более тесного сотрудничества между двумя бывшими противниками и пробудил большие надежды, когда высказал намерение тайно встретиться с Штресеманом в местечке Туари, расположенном недалеко от Женевы на французской территории, во время сессии Лиги Наций, санкционировавшей вступление в нее Германии. Это выглядело так, как будто он хотел продемонстрировать рождение соглашения между двумя странами, имевшего совершенно особое значение для европейского будущего. Однако нельзя умолчать о том факте, что для расширения своей свободы маневра Германия 24 апреля 1926 г. подписала договор о нейтралитете и ненападении с Советским Союзом, показавший, что «дух Рапалло» вовсе не исчез. Об этом свидетельствовали и продолжавшие осуществляться сверхсекретные соглашения о подготовке германских вооруженных сил на советской территории, подписанные так, будто они касались только военной техники.

Таким образом, 1925 год явился поворотным моментом в развитии европейских противоречий. Это был как бы момент триумфа воли к воссозданию (реконструкции) над силами саморазрушения. В начале 1926 г. Лига Наций, казалось, продвигалась к новой эпохе: она не являлась более инструментом победителей для контроля над побежденными, а действительно становилась форумом для созидания мира и международной безопасности. «Дух Локарно» стал формулой, использовавшейся и в последующих ситуациях для определения стремления к преодолению старых конфликтов.

В действительности, подлинное примирение было невозможно. Локарно явилось только паузой. Хотя в проектах Штресемана не было ничего похожего на крайний ультра национализм и ставку на насилие, которые несколько лет спустя стали характерными для политики Гитлера, все-таки стратегическое направление деятельности Штресемана, хорошо известно, — оно предусматривало ревизию мирных договоров. А это влекло за собой, в качестве предпосылки и в качестве следствия, то, что Локарнские соглашения могли трактоваться как момент формальной «нормализации»

европейской жизни, а не как момент принципиального «примирения». Соглашения не разрешили ни одного конфликта. Они лишь подтвердили, что, по крайней мере в течение некоторого времени, на рейнской границе не произойдет драматических событий. Все другие конфликты, оставшиеся открытыми или связанные с завершением Первой мировой войны, так и оставались нерешенными. Более того, они в определенном смысле обострились, поскольку нормализация ситуации в Рейнской зоне была оплачена ценой возросшего недоверия между Францией и Британией в отношении взаимных намерений, связанных с контролем над европейским континентом; глубокой неудовлетворенностью Муссолини в связи с несостоявшимися гарантиями границы на Бреннере, в которой можно справедливо усмотреть отсутствие заинтересованности двух западных держав и, прежде всего, Великобритании в будущей независимости Австрии; чувством тревоги и неуверенности, которое новое положение Германии, ставшей еще большим источником угрозы в результате обновления соглашения с Советами, распространяло на всю Центральную и Восточную Европу, сконструированную Парижскими договорами.

1.4. Изменения в мировой экономической системе. Вопрос о репарациях в период с 1920 г. до плана Дауэса

1.4.1. ПРЕДЕЛЫ ПОДЪЕМА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Во время дипломатических переговоров значение экономических и связанных с ними финансовых и денежно-валютных проблем проявилось со всей очевидностью не только для отношений внутри капиталистической системы, но также и в связи с серьезными вопросами, поставленными советским революционным движением. Революция бросила вызов системе рыночной экономики. Протагонисты рыночной экономики должны были показать способность принять вызов, брошенный революцией в качестве альтернативной модели развития современного общества, и на него ответить. Эта ситуация имела политические и финансово-экономические, то есть структурные аспекты, вокруг которых должна была развернуться настоящая схватка (по крайней мере в соответствии с марксистскими постулатами).

Послевоенное развитие стало периодом осознания этого выбора и попыткой ответить на него, конечно, не в форме теоретического проекта, но посредством последовательных и продуманных действий, рациональных с точки зрения демонстрации того,

что полученный удар был не смертельным, а только раной, способной зажить со временем. В течение какого времени и с какими трудностями? Мало кто тогда отдавал себе отчет в том, что понадобится несколько пятилетий, и что трудности будут непредвиденными, связанными с проявлением противоречий внутри капиталистической системы, в отношении которых марксистская критика была обоснована (хотя марксистско-ленинская практика и, в еще большей степени, решение экономических проблем по сталински вели лишь к отсталости экономики и общества).

Впервые с 1919 г. стало очевидно, что, помимо политико-дипломатических конструкций, смягчавших остроту некоторых коллизий и разрешавших старые противоречия в соответствии со сложившимся соотношением сил, экономические отношения между государствами были обусловлены не только конкретной экономической ситуацией отдельных стран, но также и системой торговых, денежно-валютных и финансовых отношений, сформировавшейся в мире за период с последних десятилетий XIX века и до Первой мировой войны. Эта система оказалась в кризисе и отчасти была разрушена вследствие революции в России, однако сохранила свое значение в качестве фона, на котором развивались политические события.

Иными словами, концепция, по которой рыночная экономика, в ее капиталистическом и реформистском вариантах, приобрела в силу своей природы масштаб, выходящий за пределы национальных границ (хотя ей и не удавалось разрушить их), и предполагала систему взаимозависимостей в соответствии с присутствующими ей правилами функционирования, нашла в эти последние десятилетия свое подтверждение, как казалось, за пределами политико-экономического национализма. Противоречия, вызванные соперничеством национальных и финансовых групп интересов, сначала носили мирный характер или же перемещались в сферу колониальной конкуренции, а с начала века под давлением промышленной конкуренции обострились до крайности и привели к войне 1914 г. Исследование причин Первой мировой войны шло и идет многими путями, однако нельзя игнорировать то обстоятельство, что война была результатом противостояния экономических систем, не интегрированных полностью в глобальную логику экономического развития и, напротив, вынужденных искать свое собственное место за счет конкурентов.

В колониальных странах и Османской империи финансовая мощь Германии противостояла мощи Британии и Франции; финансовое влияние Соединенных Штатов постепенно охватывало всю Латинскую Америку и распространялось на Азию и Европу;

финансовое влияние Франции получило развитие в колониальной сфере и в капиталовложениях, сделанных в России. Другими словами, это была по природе своей гомогенная система, разделенная, однако, на части в соответствии с националистическими мотивациями, которые невозможно было отделить от финансовых, поскольку финансиста, как, с другой стороны, политика, нельзя разделить на части: как человек он представляет собой единое целое и руководствуется не только профессиональной логикой, поэтому тема прибыли у него связывается — иногда слабо, иногда неразрывно — с национальной темой, в зависимости от силы внутренних импульсов.

В целом, подобно тому как в пролетарском интернационализме при испытании жизнью, обнаружились глубокие трещины, порожденные чувством национальной принадлежности (чувством, которое в конце концов более, чем какое-либо другое доминировало в XX веке), в финансовой системе логика национальной принадлежности также смешивалась с логикой экономической целесообразности, хотя и не всегда первой удавалось одержать победу. Война обострила эти противоречия, и тем не менее она выявила наличие системы торговых, денежно-валютных и финансовых отношений, приведенной в расстройство военным конфликтом.

Это не означало, что из пепла схватки за соперничество между капиталистическими державами и нациями возник новый мировой экономический порядок, гомогенный и готовый сформироваться на основе общей задачи дать отпор наступлению коммунизма. Напротив, это означало, что возвращение к нормальной жизни проходило также и через выбор внутренней и международной экономической политики: выбор торговой политики, валютно-финансовой политики и способность системы рыночной экономики возобновить свою нормальную деятельность с тем, чтобы обеспечить капиталистическим субъектам и потребителям растущие потребности и столь же растущие прибыли. А это предполагало преодоление немалого количества препятствий.

Можно было бы даже сказать, что надежда создать мировую революционную систему во главе с русскими большевиками породила в противоположном лагере если не надежду, то стремление со стороны протагонистов капиталистической экономики и политики, состоявший в способности сложить кусочки мозаики, разрозненные войной, для того, чтобы открыть путь к усилению интеграции, которая давала бы жизненные силы рыночной экономике. Существовали противоречия и проблемы, осложнявшие этот процесс. Он начался в двадцатые годы, но только после Второй мировой войны его правила и направленность проявились достаточно ясно и однозначно.

Сразу же после Первой мировой войны все стало, напротив, более противоречивым из-за политических изменений, вызванных военным конфликтом, и возникновения новых ситуаций. Существовали проблемы культурного влияния и значения количественного измерения; встал вопрос о неадекватности европейского «масштаба» задачам контроля над финансовыми рынками. Первенство Лондона, являвшегося вплоть до 1914 г. мировым финансовым центром, было поставлено под сомнение (по крайней мере в перспективе) растущим значением Нью-Йорка; появление новых субъектов за пределами старого континента, таких, как Соединенные Штаты или, в менее заметной степени, Япония, создавало новые ситуации. Если «система» капиталистической экономики должна была возродиться как организационная модель мировой экономической жизни (что в начале двадцатых годов могло представлять, по меньшей мере, объект дискуссии, а в 1929 г. стало предметом для беспокойства и сомнения), то это могло произойти путем выработки направленных на достижение этого результата действий, которые политическая и экономическая власть разных стран (общественная или частная) могла бы реализовать. Центром этих событий оказались Соединенные Штаты, чья роль в предпринимавшихся попытках нормализации была доминирующей, по крайней мере на первом этапе. Это противоречило в экономическом (то есть определяющем) плане изоляционизму, который республиканская партия стремилась навязать в политическом плане, то есть в дипломатии. И тем не менее третий из «14 пунктов Вильсона» подтверждал необходимость борьбы с торговыми барьерами и отстаивал политику «открытых дверей».

Изоляционизм в американской политике являлся следствием попытки европейских союзников сразу же переложить бремя урегулирования межсоюзнических долгов на Соединенные Штаты, заставив таким образом самих американцев заплатить германские репарации, отказавшись от требования выплат своих кредитов, предоставленных европейским странам-победительницам. В действительности американцы готовы были обсудить эту проблему, но при условии, что европейцы сразу же примут принцип «открытых дверей» в том, что касается торгового урегулирования. Европейцы, однако, переживали слишком серьезный финансовый кризис для того, чтобы приспособливаться к американским схемам, и хотели, чтобы нормализация основывалась на соглашениях, учитывавших этот фактор.

Такая позиция не принимала во внимание аспекты проблемы, связанные с внутривнутриполитической ситуацией в Соединенных Штатах: США не имели возможности в 1919–1920 гг. взвалить на

свои финансы издержки войны, начатой европейцами и нашедшей свое разрешение только благодаря американскому вмешательству именно в то время, когда экономика Соединенных Штатов переживала период спада, закончившийся лишь в конце 1921 г. Экономический сепаратизм превалировал до тех пор, пока политико-экономический кризис 1923 г. в Европе не вынудил американский финансовый мир изменить свои приоритеты.

Это произошло после того, как стали очевидными европейские проблемы. В конце войны, в 1919 г., еще не встала общая проблема реконструкции (восстановления экономики). Хотя война продолжалась так долго и проходила на стольких фронтах, проблема реконструкции конкретно касалась только северной Франции, Бельгии, и области Венето в Италии, а также территорий вдоль границы с Россией, вовлеченных в боевые действия и оставшихся вне контроля большевиков. В последних, однако, преобладали задачи, вытекавшие из существования экономической системы с преобладанием экстенсивной сельскохозяйственной экономики, которая не всегда и весьма своеобразно ощущала на себе разрушения, вызванные военными действиями. Восстановление в наиболее крупных масштабах понадобилось из-за многочисленных последствий военных действий для инфраструктуры и промышленных предприятий, оказавшихся в тылу длительной окопной войны на Марне (около 100 км железных дорог, 6000 мостов, 9000 промышленных предприятий). Прошло очень немного лет, и материальные последствия войны были устранены.

Однако достигнуть устойчивого подъема производства, по крайней мере вплоть до 1924–1925 гг., не удавалось (красноречивым и не случайным выглядит сопоставление с политико-дипломатическим аспектом). Существовали проблемы, связанные с неполученной прибылью в результате социальных волнений; проблемы конверсии предприятий с военного производства на гражданское, проблемы, связанные с возвращением мужской рабочей силы, занятой ранее на фронте. Наряду с этими конъюнктурными проблемами появились и новые: возрастающее непосредственное включение государства в экономическую жизнь; большая жесткость рынка труда, где свободной контрактации в отношении заработной платы, противостояли профсоюзы в обстановке, когда идея о необходимости определенной регламентации стала достоянием общественного сознания. Утвердились также новые производственные потребности, выявившиеся в результате военного опыта и технологического прогресса, как, например, стремление к исследованиям в области синтетических материалов, что привело к выдвиганию на первый план химической промышленности

и должно было служить средством или амортизатором для регулирования колебаний цен на сырье на мировом рынке. Наряду с этим, появление новой продукции (соответственно и таких же новых отраслей производства), зачастую испытанной во время войны, но ставшей полезной, а со временем и необходимой в мирное время: автомобилей, самолетов, радиоприемников, материалов, связанных с электрической промышленностью и распространением электрификации как главного энергетического ресурса в производственных процессах и в то же время товаром массового потребления также оказывало влияние на движение цен на рынке.

Нижеследующая таблица, взятая из «*World Economic Survey*» Лиги Наций, иллюстрирует тенденции развития промышленного производства в странах, о которых в первую очередь идет речь. За понятным исключением Советского Союза, чей производственный индекс изменялся под влиянием сначала политической ситуации, а позднее — пятилетних планов, эти данные показывают, что за небольшим подъемом производства 1919–1920 гг., связанным главным образом с необходимостью восстановления товарных запасов, последовал ощутимый спад производства во всех европейских странах, за исключением Италии (демонстрировавшей постоянно растущий начиная с 1922 г. индекс производства), а за пределами Европы — Японии и Соединенных Штатов (не считая американской рецессии 1920 г.).

Индексы промышленного производства с 1913 по 1930 г.
(1913 г. = 100%)

Год	Страна							
	Весь мир	США	Германия	Великобритания	Франция	СССР	Италия	Япония
1913	100	100	100	100	100	100	100	100
1920	93,2	122,2	59,0	92,6	70,4	12,8	95,2	176
1921	81,1	98,0	74,7	55,1	61,4	23,3	98,4	167,1
1922	99,5	125,8	81,8	73,5	87,8	29,9	108,1	197,9
1923	104,5	141,4	55,4	79,1	95,2	35,4	119,3	206,4
1924	111,0	133,2	81,8	87,8	117,9	47,5	140,7	223,3
1925	120,7	148,0	94,9	86,3	114,3	70,2	156,8	221,8
1926	126,5	156,1	90,9	78,8	129,8	100,3	162,8	264,9
1927	134,5	154,5	122,1	96,0	115,6	114,5	161,2	270,0
1928	141,8	162,8	118,3	95,1	134,4	143,5	175,2	300,2
1929	153,3	180,8	117,3	100,3	142,7	181,4	181,0	324,0
1930	137,0	140,0	101,6	91,3	139,9	235,5	164,0	294,9

Наиболее ощутимыми были трудности, с которыми Германия, Великобритания и в меньшей степени Франция, то есть три страны, доминировавшие в европейской индустриальной жизни, переходили к устойчивому подъему экономики. Только начиная с 1925 г. развитие производственной системы этих стран ускорилось, хотя временами оно еще шло замедленными темпами. Если во Франции экономический подъем был отчетливо выражен, то в Великобритании и в Германии он происходил с гораздо большими трудностями. Лишь в конце двадцатых годов, то есть накануне «великой депрессии» европейская индустриальная система, казалось, на время вернулась к довоенному динамизму, впрочем, несравнимому с динамизмом экономики Соединенных Штатов, Японии, а также и Советского Союза. Эти трудности проявлялись в постоянной массовой безработице, которую уже не мог поглотить сельскохозяйственный сектор, поскольку рационализация и механизация сокращали там потребность в количестве работников. В Германии безработица составляла вплоть до 1922 г. около 3% рабочей силы, в 1923 г. она поднялась почти до 10%, а в 1924 г. — до 13,5%. В Великобритании она достигла 15% рабочей силы, а с 1924 г. оставалась на уровне 10%. Во Франции и в Италии она установилась на том же уровне. Таким образом, можно сказать, что стабилизация экономики, наметившаяся с 1924 г., оплачивалась в том числе тем, что безработица на уровне около 10% была признана нормальным фактором экономической жизни отдельных стран.

Не менее серьезным был вопрос инфляции. Более того, именно в этом пункте сходились в конечном итоге все другие явления. Если принять за основу 1913 год с индексом 100, то в 1922 г. в Великобритании индекс цен в среднем равнялся 150, во Франции — 420, в Италии — 580 и в Германии — 342 000. В 1923 г. в Германии, когда французы оккупировали Рур, дело дошло даже до гиперинфляции, почти совсем обесценившей немецкую марку, так что когда в ноябре немецкая валюта стабилизировалась, обменный курс между старой и новой маркой был зафиксирован на уровне одна к миллиарду.

Инфляция имела для Германии разрушительные последствия. Она сделала возможными огромные изменения в распределении реального капитала, поскольку позволила погасить старые долги и открыть дорогу новым инвестициям, которые все-таки финансировались твердой валютой и, следовательно, способствовали росту самой инфляции. С социальной точки зрения инфляция сильно ударила по среднему классу. Поскольку она была напрямую связана с французской оккупацией Рура, инфляция воспри-

нималась как еще одно доказательство стремления Франции переложить издержки войны на одних немцев и таким образом в определяющей мере способствовала формированию взрывоопасного сочетания социальной деградации и франкофобии — идеальной культурной почвы для националистического реваншизма, который со всей силой проявил себя только лишь в 1928 г. Вопреки надеждам, порожденным политикой Штреземана, начавшийся экономический кризис возродил в памяти немцев призрак 1923 г. В этом смысле можно признать правоту историков, указывавших на оккупацию Рурской области и связанную с ней немецкую гиперинфляцию как на главную причину кризиса 1929 г., самого трудного момента, пережитого капиталистической системой.

1.4.2. РЕПАРАЦИИ И МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИЕ ДОЛГИ

Вопрос о репарациях приводит нас к доминировавшей в экономической и финансовой жизни послевоенного периода проблеме и к ее осознанию политико-экономическими элитами — вопросу о долгах. Во время и сразу же после войны, в непосредственной связи с финансовыми потребностями, порожденными войной, возникла совершенно особая ситуация, которую не так просто объяснить и которую следует поэтому представить наглядно. Данные, заимствованные из книги Дж.М. Кейнса «Экономические последствия Версальского мирного договора», опубликованной в 1919 г., складываются в убедительную общую картину (хотя и с оговоркой, что год публикации делает эти данные отчасти неточными).

Предоставленные займы (в млн фунтов стерлингов)	Соединенными Штатами	Великобританией	Францией	Всего
Великобритания	842	—	—	842
Франция	550	508	—	1058
Италия	325	467	35	827
Россия	38	568	160	766
Бельгия	80	98	90	268
Сербия и Югославия	20	20	20	60
Другие	35	79	50	164
Всего	1900	1740	355	3995

Из этой таблицы видно, что общая сумма межсоюзнических долгов достигала 4000 млн фунтов стерлингов; что Соединенные Штаты были единственной страной, которая была только креди-

тором; что Великобритания предоставила кредитов на сумму, вдвое превышавшую ту, что она получила; Франция получила втрое больше того, что она дала в долг. Другие союзники были только должниками.

Урегулирование этих долгов могло происходить разными путями. По мнению Кейнса, Соединенные Штаты могли отказаться от выплат по своим кредитам при условии, что другие кредиторы сделают то же самое. Однако Франция теоретически получила бы в таком случае выигрыш в 700 млн (теоретически, поскольку значительную часть ее кредитов составляли займы, предоставленные России, которые в тот момент невозможно было взыскать), а Италия — 800 млн. Британский экономист основывал свое предложение об отказе американцев от выплаты им межсоюзнических долгов на оценке пропорциональности вклада Европы и Соединенных Штатов в ведение войны. Но это было политическое соображение. Если американцы продолжали по-прежнему расценивать займы как инвестиции (они так и делали), то их выплаты должны были состояться в любом случае в определенные сроки.

Здесь вставала проблема германских репараций. В самом деле обе проблемы были связаны в политическом и в финансовом плане. В политическом — поскольку, только если бы побежденные оплатили ущерб, нанесенный войной, виновниками которой они были признаны, было бы возможно поставить с ними в один ряд займы, сделанные с целью борьбы за общее дело. В финансовом — поскольку немецкие выплаты могли бы облегчить бремя выплат взаимных долгов стран-победительниц. В этой корреляции просматривается также и главная проблема: Соединенные Штаты смогут получить платежи по своим кредитам, предоставленным Европе, только урегулировав финансовую ситуацию с Германией.

Во избежание дополнительных трудностей, помимо тех, что создавала немецкая сторона в процессе подписания сурового мирного договора и последующей его ратификации, вопрос о выплате репараций был решен Версальским договором в целом, а не с определением их точных сумм. Более детально он обсуждался на межсоюзнической конференции в Спа в июле 1920 г. В ходе конференции было достигнуто соглашения о следующем распределении немецких платежей: 52% — Франции, 22% — Великобритании, 10% — Италии и 8% — Бельгии. Не было, однако, достигнуто соглашение относительно общей суммы, которую должна была определить комиссия по репарациям: в ее задачу входило установление общей цифры возмещения ущерба, нанесенного войной, основываясь на критерии платежеспособности Германии.

Комиссия завершила свою работу только в конце апреля 1921 г., постановив, что, помимо пошлины в 26% на германский экспорт в течение последующих 42 лет, Германия должна выплатить репарации деньгами и товарами на общую сумму 132 млрд золотых марок (или 31, 35 млрд золотых долларов). К определенным таким образом 132 млрд добавлялись 5,5 млрд военного долга Бельгии, однако вычитались 11 млрд — во столько было оценено государственное имущество, оставленное Германией на утраченных территориях. Реальная общая сумма, следовательно, выросла до 126,5 млрд золотых марок.

Все репарации были, тем не менее, разделены на три вида долговых обязательств с различным сроком действия: категория А (12 млрд) категория В (38 млрд) — для них предусматривался точный календарь выплат — и категория С (76 млрд), для которой не была точно определена дата эмиссии соответствующих ценных бумаг, что порождало неуверенность относительно конечного результата всех предпринятых действий и той суммы репараций, которую в действительности заплатит Германия. Участники переговоров со стороны Германии стремились противостоять фиксации столь высоких общих сумм, однако перед ультиматумом союзников в мае 1921 г. им пришлось уступить. Они смирились на словах, но на деле, конечно, собирались действовать в противоположном направлении (и, следовательно, подверглась сомнению вся система межсоюзнических долгов), используя в том числе противоречия, существующие между странами-победительницами.

Это стало очевидным достаточно быстро. В январе 1922 г. немцам удалось добиться того, чтобы Верховный совет союзников, собравшийся в Каннах, учитывая тяжелый экономический кризис, в который вступала Германия, обсудил требование моратория на платежи, и вырвать у союзников временный мораторий. В течение всего 1922 г. требование принять окончательное решение сохранялось, вплоть до того момента, пока французская оккупация Рура не поставила по-новому всю проблему в целом.

Вообще говоря, самое простое решение проблемы состояло в том, чтобы немцы могли и хотели платить, компенсируя полностью или частично долги стран-победительниц Соединенным Штатам. Это стало неотложной необходимостью с того момента, когда американские власти, ведшие переговоры о выплате этих долгов, ввели норматив, категорически запрещающий снижение размера сумм, которые должны были поступать от союзников (февраль 1922 г.). Именно это решение выявляло связь, существовавшую между двумя аспектами финансовых проблем, переживаемых тогда Европой. В самом деле, было очевидно, что чем

труднее будет получить немецкие платежи, тем более неохотно будут платить свои долги европейцы, что в целом приведет к запутанной ситуации валютно-финансового беспорядка.

1.4.3. ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Последней попыткой, предпринятой для того, чтобы старый континент вышел из сложившейся кризисной ситуации, стала Генуэзская конференция (апрель 1922 г.). Конференция была созвана по инициативе Верховного совета союзников, собиравшегося в Канне, однако она являлась результатом более широкого и амбициозного замысла по переосмыслению почти всех проблем европейской международной жизни. Ее вдохновителем был прежде всего Ллойд Джордж, выдвинувший вместе с министром иностранных дел Германии Вальтером Ратенау в качестве цели — поиск совместного решения двух крупных проблем, в то время главных для Европы: проблемы полного включения Германии в европейскую жизнь, с тем, чтобы облегчить подъем производства, который сделал бы менее острым вопрос о репарациях, и проблемы Страны Советов, чей тотальный отрыв от Европы еще не считался само собой разумеющимся. Напротив, начало проведения «новой экономической политики» (НЭП) позволяло надеяться на общий подъем экономики, в рамках которого многие проблемы могли бы найти решение, основанное на разумном компромиссе.

Этот амбициозный замысел не удался отчасти именно из-за его грандиозности, предполагавшей радикальные изменения французской политики в отношении Германии, отчасти поскольку поставленные вопросы были слишком сложны для того, чтобы их можно было решить посредством в общем-то импровизированных усилий. Как отмечает Дениз Арто, проекты Ллойда Джорджа могли иметь успех, только если Генуэзская конференция рассмотрела бы также вопрос о репарациях, определявший позицию французов. Начиная с последних месяцев 1921 г. парижское правительство настаивало на приоритете выплаты репараций по отношению к выплате долгов и требовало, чтобы долги были связаны с репарациями категории С, что означало, что Франция не выплатит Соединенным Штатам ничего до тех пор, пока не получит немецкие платежи. Чем меньше заплатит Германия, тем меньше выплатит Франция.

В такой ситуации принципиальных различий между французской «политикой гарантий» и британской политикой «восстановления экономики» соглашение было невозможно. Французы

почувствовали, что теряют влияние внутри коалиции, и приготовились к принятию односторонних решений. Поэтому наиболее важный результат Гёнуэзской конференции был достигнут не непосредственно на самой конференции, а за ее рамками, что означало победу политики национального интереса над политикой международного сотрудничества. В самом деле, 16 апреля дипломатический мир был потрясен сообщением о том, что в этот день представитель Германии В. Ратенау и советский комиссар иностранных дел Г. Чичерин подписали договор о взаимном отказе от платежей по репарациям и в связи с ущербом, нанесенным войной, и о взаимном дипломатическом признании, направленный на нормализацию отношений между двумя странами. Это событие поубавило надежды правительств-кредиторов на получение долгов царской империи, но прежде всего продемонстрировало эффективность, с которой Советы осваивали традиционные методы дипломатии, в частности, использование существующих в капиталистическом мире противоречий между побежденными и победителями для того, чтобы вбить между ними клин и цинично утвердить национальные интересы Советской России.

Односторонние действия Франции привели к оккупации Рура, юридически обоснованной признанием комиссией по репарациям постоянных несвоевременных выплат Германией репараций натурой и, в особенности, углем и телеграфными столбами (sic!). В действительности действия Франции выражали ее стремление навязать силой выгодное Парижу решение как по политико-территориальным, так и по финансовым вопросам, поставив союзников и Германию перед твердой решимостью парижского правительства не утратить преимущества, полученные в результате войны и не уступить предложениям сомнительного, с его точки зрения, компромисса.

Однако политика «пассивного сопротивления», проводившаяся по приказу германского правительства, привела к катастрофическим последствиям и сделала французскую акцию бессмысленной. Берлинское правительство взяло на себя обязательство возмещать неполученные платежи тем, кто отказывался от сотрудничества с французами. Французы, в свою очередь, должны были взять на себя финансовое бремя, связанное с эксплуатацией ресурсов Рурского бассейна, оказавшееся непредвиденно тяжелым. Несмотря ни на что, этот столь трудный для международной денежно-финансовой системы момент имел по крайней мере один позитивный результат: он убедил не только английские правящие круги, уже осознавшие это, но также и американское правительство и финансовые учреждения США в необходимости определенного

реагирования во избежание краха системы с возможными непредсказуемыми последствиями. В целом, речь шла о том, чтобы продемонстрировать, что при сохранении здоровой финансовой системы управление рыночной экономикой было все еще возможно, и о том, чтобы избежать преждевременного подтверждения популярных тогда советских пророчеств о распаде капиталистической системы.

1.4.4. ПЛАН ДАУЭСА

В декабре 1923 г. французы, англичане, немцы и американцы после закрытых переговоров пришли к соглашению об учреждении двух комитетов экспертов. Один (не имевший, по мнению американского историка европейских финансов Чарльза П. Киндельбергера, никакого другого смысла, кроме удовлетворения французского самолюбия) во главе с британским банкиром Реджинальдом Маккена должен был следить за экспортом капиталов, осуществлявшимся немцами после окончания военных действий с целью избежать бремени платежей. Другой, чьим председателем стал Чарльз Г. Дауэс, глава *United States Bureau of the Budget*, должен был разработать способ осуществления контроля над германским бюджетом, стабилизации рынка и определения уровня ежегодных выплат в счет репараций, соответствующего платежеспособности Германии.

Важным аспектом создания двух комитетов было принятие на себя ответственности американской стороной. Назначение Дауэса председателем комитета официально поддержал госсекретарь Чарльз Э. Хьюз. С Дауэсом работал также другой американский финансист Оуэн Д. Юнг, позднее президент «Дженерал электрик» и директор Нью-Йоркского Федерального резервного банка, которым помогали представители банка Моргана. Хотя госсекретарь настаивал на четком разграничении вопросов о репарациях и о межсоюзнических долгах, массивное присутствие американцев и их влияние на работу комитета подтверждали, что, несмотря на несостоявшуюся ратификацию Соединенными Штатами Версальского договора, взаимозависимость между европейской и американской финансовыми системами была уже столь сильной, что диктовала определенные требования.

План, представленный комитетом Дауэса в апреле 1924 г. после длительной и трудной подготовительной работы, явился промежуточным этапом на пути к окончательному урегулированию рассмотренных вопросов. Тем самым он положил начало процессам огромного масштаба. План предусматривал, что Гер-

мания возобновит свои платежи в соответствии с ежегодно возрастающими квотами, которые начинались с миллиарда золотых марок в первый год и достигали 2,5 млрд к пятому году (не считая изменений, связанных с колебаниями цен на золото). Общий объем репараций, подлежавших изъятию из Германии, не уточнялся. Национальный немецкий банк подвергся реорганизации в целях поддержания новой немецкой валюты *Reichsmark*, заменившей *Rentenmark*. В Берлине было создано «Агентство по репарациям», которое должно было осуществлять контроль за получением сумм в счет репараций и вмешиваться в вопросы об отсрочке платежей в случае конъюнктурного кризиса.

Центральный момент компромисса представляло, однако, решение разместить заем в 800 млн золотых марок в различных финансовых столицах Запада под гарантии акций немецких железных дорог («продуктивный залог», как того хотели французы) и ипотечных обязательств, обеспеченных доходами бюджета. Заем должен был размещаться также и на французском и английском рынках, что представлялось не очень легким делом, поскольку он превращался фактически в англо-французское финансирование Германии с тем, чтобы она возвращала его в виде «репараций». Давление американцев и то обстоятельство, что сами они обязались разместить на своем рынке около половины займа, вынудили в итоге обе европейские державы подчиниться. Однако результат отличался от прогнозов. При квоте займа в 110 млн долларов, доверенной банку Моргана и предназначенной для размещения на рынке Соединенных Штатов, была выпущена подписка на сумму в 10 раз превышающую сумму предложенных ценных бумаг. Заем, отмечает Киндельбергер, «стал водоразделом в финансовой деятельности Соединенных Штатов за границей». За ним последовала волна экспорта американского капитала: в Японию, еще до плана Дауэса, затем во Францию, затем в ряд германских промышленных предприятий (таких, как Тиссен и Крупп) и провинциальные немецкие предприятия. Это был поворот, превративший американское финансовое присутствие в доминирующий элемент европейской экономической жизни. Но еще в большей степени, в общеполитическом плане, это был поворот, благодаря которому Европа перестала видеть в экономических последствиях войны наследие, от которого было невозможно избавиться, и стала представлять видеть в будущем перспективу возобновления всеобщего экономического роста.

В августе 1924 г., после обсуждения всеми заинтересованными сторонами, план Дауэса официально вступил в силу. В этой ситуации Рейхсбанк, президентом которого стал Х. Шахт, становился

независимым, хотя и с обязательством минимального покрытия 40% задолженности, на три четверти золотом и остальное — валютой. Это предполагало проведение политики дефляции, которая привлекла капиталы на немецкий рынок и впервые привела к заметному подъему германского промышленного производства.

В более свободной политической обстановке, возникшей вследствие Локарнских соглашений, стабилизация немецкой экономики явилась главным признаком нормализации экономики в европейском регионе, где, наконец (благодаря взятию на себя ответственности американцами) стала осуществимой задача возвращения к стабильности в денежно-финансовой сфере и урегулирования военных долгов. И здесь политический аспект поворота также превалял над экономическим. В самом деле, хотя в краткосрочной перспективе план Дауэса представлял собой крупный успех, а в среднесрочной оказался маргинальным по отношению к большому экономическому кризису, разразившемуся в 1929 г., он свидетельствовал об осознании того, что благосостояние Европы — Европы, рассматриваемой как единое целое, без учета националистического соперничества, продолжавшего наносить ущерб — было необходимо также и для Соединенных Штатов, поскольку система рыночной экономики — это комплекс взаимозависимых отношений, в рамках которого моменты кризиса могут и должны преодолеваться исходя из общего интереса.

Стабилизация Германии открыла путь британской стабилизации. В то же время американское вмешательство оказалось первым сигналом опасности, указывавшим на то, что контроль над мировым финансовым рынком ускользает от Сити (то есть комплекса финансовых институтов, банков, страховых обществ и т.п., расположенного в сердце Лондона) и перемещается в Нью-Йорк. Это было неизбежно в среднесрочном плане, как многие хорошо понимали, и это означало в будущем конец глобального господства Европы.

Однако в 1924–1925 гг. ситуация еще не претерпела таких изменений. Поэтому главенствующее положение Лондона было неизменной целью британской финансовой политики, которую собирались проводить в 1925 г., издав 14 мая *Gold Standard Act*, вновь определявший курс золотого фунта стерлингов на уровне его довоенных значений — 4,86 доллара за фунт. Это был завышенный курс, который привел бы к росту цен на английскую продукцию на международном рынке, если бы он не сопровождался сильным давлением с целью ограничения издержек производства и заработной платы, что было, однако, чревато усилением социальной напряженности. Однако главная причина этого решения была названа канцлером казначейства Уинстоном Черчиллем: «Я пола-

гаю, что было бы грубой ошибкой думать, что если английский фунт стерлингов перестанет быть мерой, которую все знают и которой все доверяют, понятной каждому, служащей для всех единой основой, то все транзакции в Британской империи и во всей Европе могут совершаться не в фунтах, а в долларах». Сохранение превосходства требовало больших жертв, но последние позволяли Великобритании продолжать реализацию глобальной политики.

Французы стабилизировали франк летом—осенью 1926 г. на низком уровне, сознательно заниженном по отношению к международному финансовому рынку, то есть на уровне пятой части своего довоенного паритета, что составляло 124 франка по отношению к фунту стерлингов (3,92 по отношению к доллару). На деле решение, вернувшее франк в число сильных валют, создавало диспропорцию между реальной стоимостью валют. В 1929 г. оно частично защитило Францию от кризиса, но при этом нанесло вред всей валютно-денежной системе в целом.

Менее важным с количественной точки зрения был процесс стабилизации итальянской лиры, проходивший синхронно с теми же процессами в двух крупнейших европейских странах. Стоимость лиры на мировом рынке снизилась вследствие более высокого уровня внутренней инфляции, и, несмотря на наблюдавшийся экономический рост итальянской промышленности, ухудшение положения в валютно-финансовой сфере в послевоенный период продолжалось. Здесь отрицательно сказывалась невыплата немецких и, прежде всего, австрийских репараций, а также бремя долгов Франции, Великобритании и Соединенным Штатам. Давление американцев с целью стабилизации лиры осуществлялось в русле общих ориентаций американской финансовой системы. Они настаивали на урегулировании вопроса о долгах, что и было сделано в конце 1925 — 1926 году. Тем самым был открыт путь для предоставления кредитов банком Моргана, который выпустил заем для стабилизации лиры. Однако совокупность обстоятельств, связанных с положением в промышленности и торговле, привела к растущему давлению на итальянскую валюту начиная с середины 1926 г., что вынудило Муссолини и, в особенности, министра финансов Вольпи радикально вмешаться в этот процесс.

В августе 1926 г. Муссолини произнес в Пезаро речь, в которой придал «битве за лиру» демагогический характер. В действительности речь шла о том, чтобы выдать за общественно значимую меру то, что касалось в первую очередь финансового мира и что впоследствии вылилось в ощутимое снижение заработной платы. Было решено, что котировка лиры не должна опускаться ниже 90 по отношению к фунту стерлингов (в момент речи в Пезаро она составляла 149,13). Цель была достигнута посредством увеличе-

ния уровня учетной ставки до 5% и принудительной конвертации государственного долга в долгосрочные обязательства. Ревальвации такого масштаба и дефляции, необходимой для ее достижения, как замечает Чарльз Майер, не желал никто, кроме Муссолини, но поскольку обменный курс был действительно доведен до 90, то на итальянское правительство не оказывали давление с тем, чтобы оно изменило политическую линию, которая была предвестником жертв, вызванных кризисом 1929 г.

Все это вместе взятое: план Дауэса, возвращение к «золотому стандарту» и финансовая стабилизация, хотя и сопровождалось сохранением ограничительных мер в торговле, распространявшихся практически на все страны мира, что противоречило ориентации Лиги наций на свободу торговли — решающим образом способствовало формированию обстановки оптимизма и надежды, порожденной чисто политическими событиями. С другой стороны, хотя различные аспекты ситуации и излагались здесь по отдельности в целях их лучшего анализа, следует учитывать, что в реальности разнообразные сферы деятельности были всегда тесно связаны и часто зависимы друг от друга.

Нормализация франко-германских отношений, по крайней мере временное решение вопроса о репарациях, вопрос о межсоюзнических долгах, возвращение Соединенных Штатов на европейскую сцену составляли цепь, которую нельзя было разорвать (разве что *a posteriori* или абстрактно), и служили рамкой, внутри которой осуществлялся подъем производства, характеризовавший, хотя и не в равной мере, годы с 1924 по 1929. Составной частью этой цепи оставалось осуществление плана Дауэса.

За пять лет его реализации немцы без труда справлялись с возложенными на них растущими платежами. В 1927 г. Лига Наций взяла на себя инициативу новой всеобщей дискуссии по экономическим проблемам и собрала в Женеве всемирную конференцию, посвященную вопросу о протекционизме. Конференция не дала никаких результатов, кроме того, что послужила фоном для выработки проекта договора Бриана–Келлога. Однако она стала свидетельством постоянного внимания к проблемам мировой экономической системы.

1.4.5. ПЛАН ЮНГА И ОКОНЧАНИЕ ВЫПЛАТЫ РЕПАРАЦИЙ

В 1928 г. верховный комиссар по репарациям С. Паркер Джильберт, работавший в Берлине в соответствии с договоренностями, принятыми в рамках плана Дауэса, подчеркнул в своем ежегодном докладе необходимость заново оценить ситуацию,

учитывая, что срок действия плана истекал, и что до сих пор немецкие платежи обеспечивались преимущественно внешними займами, а это ставило вопрос об определении реальной платежеспособности Германии в нормальных условиях. Заинтересованность в наиболее полном решении вопроса была связана также с тем, что французы настаивали на определении общей суммы репараций, которые должны заплатить немцы, в то время как немцы надеялись на уменьшение своих ежегодных платежей и на получение, в конечном счете, политических уступок в отношении все еще осуществлявшегося над ними контроля и пребывания оккупационных войск на их территории.

Именно совпадение этих устремлений облегчило созыв в Париже в феврале 1929 г. комитета экспертов во главе с американцем Юнгом, участвовавшим еще в разработке плана Дауэса. Доклад комитета Юнга обсуждался в августе 1929 г., был принят в январе 1930 г. и вступил в силу в апреле того же года. В политическом плане он предусматривал ликвидацию агентства и комиссии по репарациям; оккупационные войска, все еще находившиеся в Германии, должны были покинуть ее до июня 1930 г., на пять лет раньше предусмотренного Версальским договором срока. В экономическом плане он устанавливал, что в погашение оставшейся части репараций в 109,6 млрд золотых марок немцы должны будут вносить платежи в течение 59 лет (вплоть до 1988 г.). В течение первых 36 лет немцам надлежало выплачивать ежегодно немногим более 2 млрд — треть в виде обязательных платежей, другие две трети — при условии, что не будет трудностей, связанных с выплатой межсоюзнических долгов (это означало первое признание американцами такой взаимозависимости, которую Соединенные Штаты всегда категорически отвергали). Впоследствии платежи должны были снизиться до ежегодных взносов в 1,6–1,7 млрд долларов, соотносимых с продолжением выплаты долгов (пункт, по которому, впрочем, отсутствовало согласие правительства Соединенных Штатов). Для того, чтобы контролировать выполнение договоренностей и сделать технически возможным перевод валюты, был создан Банк международных расчетов, расположенный в Базеле; наконец, с целью запустить механизм новых платежей, был выпущен заем в 300 млрд долларов, разделенный на две части — 200 млрд для стран-кредиторов и 100 — для немцев. Стоит отметить, что план Юнга обсуждался в 1929 г. Брианом и Штреземаном во время их последней встречи. Несколько месяцев спустя, в октябре 1929 г., министр иностранных дел Германии умер, как бы обозначив конец эпохи.

Хотя план Юнга и был задуман весьма хитроумно, он отправлялся в плавание по бурным водам. Англичане согласовали поря-

док выплаты своего долга Соединенным Штатам начиная с 1923 г., а незадолго до одобрения плана Юнга французская палата депутатов ратифицировала соглашение Меллона—Беранже 1926 г., которое теоретически урегулировало выплату французского долга Соединенным Штатам. Казалось бы, взаимосвязь между долгами и репарациями была разорвана. Но на практике события развивались в другом направлении. Экономический кризис тяжело поразили Соединенные Штаты, Германию, Великобританию и, в меньшей степени, Францию. Когда в начале 1930 г. план Юнга вступил в силу, кризис начинал распространяться по всей Европе. Взаимосвязь, отрицавшаяся на бумаге, подтверждалась в действительности. И, следовательно, не оставалось ничего другого, как учитывать новую ситуацию.

В самом деле, когда экономический кризис полностью охватил Германию, немецкий президент Гинденбург попросил Соединенные Штаты о вмешательстве. Американский президент Герберт Гувер положительно ответил на просьбу и высказался в том духе, что платежи как в счет репараций, так и по межсоюзническим долгам могут не осуществляться с 1 июля 1931 г. по 30 июня 1932 г. Своим предложением, которое сразу вступило в действие, Гувер подтвердил типичное для американцев разделение между долгами и репарациями, но в то же время открыл путь для окончания выплат последних. Годичный срок был использован для поиска всеобъемлющего решения. Затем обсуждение темы было продолжено на новой международной конференции, проходившей в Лозанне с 26 июня по 9 июля 1932 г. На ней было решено закрыть тему, положив конец немецким платежам и назначив символическую цифру заключительной выплаты — 3 млрд рейхсмарок, которую следовало осуществить до 1935 г. и которая в действительности никогда не была выплачена. Теоретически открытым оставался только вопрос о долгах Соединенным Штатам. Ни Гувер, ни Рузвельт, впервые избранный президентом в ноябре 1932 г., не хотели соглашаться с их аннулированием. Британская сторона признавала законность своих обязательств в отношении Соединенных Штатов и до тех пор, пока это было возможно, платежи продолжались. Французы в конце 1932 г. решили прервать выплату суммы, причитавшейся с них. Оставалось совсем немного до прихода к власти Гитлера, и этот аспект международной финансовой жизни лишь подтверждал хрупкость нормализации. В конце 1932 г. было отчетливо видно, что она была всего лишь иллюзией, сохранявшейся в течение нескольких лет, и что конфликты, унаследованные от войны, вновь вставали в еще более обостренной форме.

1.5 Урегулирование в Центральной Европе и советская проблема

1.5.1. «СТРАХ» ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ. РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ПОБЕДИТЕЛЯМИ

Темы, связанные с устройством границы по Рейну, с проблемами франко-германских отношений и безопасности Франции в ее политических и финансовых аспектах, были, конечно, наиболее нашумевшими из тех, что обсуждались в Париже в 1919 г. Однако столь же важной и, конечно, более насыщенной переменными и неизвестными величинами была тема урегулирования в Центральной и Восточной Европе, которой Парижская конференция посвятила серию отдельных договоров — по одному на каждую из стран-союзниц Германии. Доминирующим в комплексе этих проблем был российский кризис, проявившийся сначала в гражданской войне (1919–1920 гг.), а затем — в явном утверждении революционной власти (1920–1922 гг.). Именно успех силы, поставившей в центр своей политической деятельности идею мировой революции, и отклик, вызванный этим призывом в остальной Европе, обусловили восприятие их западными государственным деятелями, которые не обращали должного внимания на трудности самой советской власти и не понимали того, что триумф ленинизма с самого начала — это триумф власти, основанной на силе и на бюрократическом аппарате. Такая власть была, следовательно, вынуждена в первую очередь укреплять себя саму и только в последующую очередь думать о мировой революции. Это означало, что в отсутствие немедленных откликов на события в Москве и Петрограде концепция мировой революции приобретала скорее ценность лишь идеологического инструмента, чем реальной политической перспективы, и превращалась в превентивное оружие для противодействия инициативам, которые могли предпринять капиталистические страны. В самом деле, чего могли ожидать Советы от распространения революции, если не усиления давления на них и возросшего риска проиграть гражданскую войну с коалицией, в которой участвовали бы все европейские страны, объединив побежденных и победителей? Не представлялась реалистичной и гипотеза о расширении революции, поскольку после того, как немногочисленные вспышки были погашены, их результат остался ограничен дискуссиями внутри европейских социалистических партий, в которых с тех пор преобладал дуализм выбора между революцией и реформами. Однако страх (это понятие в данном случае не преувеличено) во-

зобладал над реализмом, и выбор, сделанный в Париже, был в значительной степени отражением этого страха.

Помимо этого общего настроения существовали и радикальные новшества, выдвинутые войной на передний план. Одновременный конец трех многонациональных империй (Австро-Венгерской, Российской и Германской) и смертельный кризис, к которому двигалась Оттоманская империя, делали особенно важным национальный вопрос. Вильсоновский принцип самоопределения привел к исчезновению империи Габсбургов и лежал в основе значительной части других территориальных решений, принятых в Париже, хотя практическое применение самого принципа сразу же натолкнулось на сложность ситуаций, сложившихся на этой территории, породив новые противоречия и новые элементы противостояния.

В Центральной и Дунайско-Балканской Европе история работала настолько основательно, и этнические группы и национальные культуры смешались настолько, что какое бы решение не было принято, какие-то требования остались бы неудовлетворенными и возникли бы новые обстоятельства, способные породить кризис. Таким образом созданная совершенно новая система государств, организованная в соответствии с новыми границами, таила в себе новые угрозы, то есть возникала неустойчивая ситуация, в которой доминировали перспектива нестабильности и страх перемен (или надежда на них). Ревизионистские устремления проявились еще до того, как договоры вступили в силу, и, по крайней мере в одном случае — в Турции, они оказались успешными.

Все это было тесно связано с политикой трех крупнейших европейских держав: Франции, Великобритании и Италии. Франция, постоянный оплот политики по сдерживанию Германии, являлась естественным союзником любого, кто в Восточной Европе и на Балканах мог бы внести вклад в достижение этой цели. До тех пор, пока казалось возможным поражение советской власти, французы надеялись на возрождение их традиционного союзника, хотя это могло возродить и мечту о «великой России», доминировавшей во всей Восточной Европе. Для Франции это было бы гарантией против любой попытки возрождения Германии. Но когда в начале 1920 г. советский режим одержал победу над контрреволюционными силами, ситуация изменилась также и для Франции, и тема безопасности Восточной Европы приобрела новое звучание. Если раньше можно было размышлять о безопасности применительно к возрождению германской угрозы, то теперь необходимо было иметь в виду присутствие советского коммунизма и его способность проникать в остальную часть Европы.

*1.5.2. МАЛЫЕ МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ,
СОЗДАНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ, ВЫДЕЛЕНИЕ АВСТРИИ
В САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО*

В этой ситуации позиция средних государств, созданных или признанных мирными договорами, становилась совершенно иной, поскольку они должны были выступать оплотом против двух потенциальных угроз: Германии и Советской России. Это было важно, в особенности для Польши, в отношении которой последствия изменения внешних обстоятельств были гораздо более заметны; они могли быть важными, хотя и в меньшей степени, также для Чехословакии. Вместе с тем, Франция могла стать, при определенных обстоятельствах, опорой политики сохранения *status quo* на Балканах, в том случае, если эта политика приобрела бы характер ответа на возобновление давления России или на слишком активное стремление Италии навязать свое господство в Дунайско-Балканском регионе.

Великобритания заняла в этих вопросах сдержанную политическую позицию. Установка на то, чтобы наблюдать за Европой извне и использовать возникающие на континенте противоречия в своих интересах, как это было возможно до 1914 г., не позволяла англичанам понять, что рейнский конфликт был уже исторически решен и стал бы вновь актуальным только в случае всеобщего военного конфликта. Эта позиция мешала им также понять и то, что причины для возникновения новой войны вытекали из потенциальной нестабильности на территории, расположенной к юго-востоку от Германии. Правда, англичане не скрывали своей неудовлетворенности тем, как решались проблемы (в особенности, касающиеся Польши), но эта неудовлетворенность сопровождалась явным отказом от обязательств относительно практических инициатив, которые следовало предпринять для предупреждения рисков, связанных с нестабильностью. И если сначала последствия этого отказа не были очевидными, то всего через несколько лет Локарнские соглашения выявили наличие такой проблемы. Именно в такой обстановке принимались все решения, касавшиеся Центральной и Южной Европы. Место трех «определенностей» (какими бы подавляющими они ни были) заняла всеобщая неопределенность, целый комплекс проблем, требовавших немедленного решения или изменения ранее принятых решений.

С точки зрения территориальной решения, принятые в Париже и непосредственно относившиеся к Германии, касались возрождения Польши, создания Чехословакии и сохранения независимой Австрии, сокращенной, однако, до минимальных территориальных

размеров. Решения, напрямую не затрагивавшие Германию, касались рождения сербо-хорвато-словенского государства (позднее — Югославия); создания независимой Венгрии; создания, фактически заново Румынии, поскольку с точки зрения территории она расширилась почти вдвое против своих прежних размеров; признания независимости Албании; уменьшения размеров Болгарии; увеличения греческой и итальянской территорий.

Оттоманская империя уже в течение нескольких десятилетий не являлась с территориальной точки зрения проблемой для Европы. В результате балканских войн 1912–1913 гг. она была почти полностью вытеснена с континента. Однако вопрос проливов непосредственно касался европейских стратегических интересов, и о судьбе Оттоманской империи велись наиболее дискутируемые дипломатией переговоры в период войны. Судьба, которую предназначали ей союзники (то есть стремление довести ее до состояния государства-призрака), пришла, однако, в столкновение с первым послевоенным подъемом антиколониального движения.

Каждое из таких урегулирований создавало новые проблемы.

Сен-Жерменский мирный договор (10 сентября 1919 г.), касавшийся устройства территорий, ранее принадлежавших Австро-Венгерской империи, как и Версальский договор, открыли путь к возрождению Польши. Хотя решение об этом было определенным и исправляло одну из величайших несправедливостей, совершенных династической дипломатией в конце XVIII века, границы, в которых должно было осуществляться такое решение, были гораздо менее определенными. Польша рождалась, получив австрийскую Галицию, Померанию и часть Силезии. Ее восточная граница оставалась неопределенной, в то время как южная граница была достаточно четко определена благодаря географическому положению — ее расположению по хребту карпатской гряды — все другие границы являлись предметом для обсуждения. Как можно было сочетать восстановление исторической справедливости с принципом самоопределения на землях, где присутствие многих этнических групп сделало ситуацию трудно разрешимой? Это касалось как Силезии, так и Померании, а также границы с Россией, Белоруссией и Украиной. Кроме того, вставал вопрос выхода к морю. Можно ли было возродить великое польское государство, не предусмотрев, чтобы оно имело выход к Балтийскому морю? Но где? Достаточно перечислить эти проблемы для того, чтобы понять, как в каждой из них присутствовали причины для противоречий с побежденными немцами, с австрийцами, также побежденными, и с русскими, в каком бы то ни было качестве — побежденных или революционеров. Решение

относительно Верхней Силезии было доверено плебисциту (он состоялся в 1921 г. и предоставил объективные данные, если так можно выразиться, для определения границы в соответствии с преобладанием тех или иных этнических групп). Относительно Померании решение было принято державами Антанты. Германскую территорию разрезали для выделения «коридора», который обеспечил бы Польше выход к морю. Польше предоставлялся также порт города Данциг (сейчас — Гданьск), получивший статус свободного города под контролем Лиги Наций. Таким образом, с созданием Восточной Пруссии, отрезанной от остальной Германии новыми польскими территориями, Германия утрачивала свою территориальную целостность.

Еще более сложным был вопрос о восточной границе, неразрывно связанный с действиями советского правительства. Оно уже отказалось от польских территорий (так же как и от территорий Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы) по Брест-Литовскому договору 3 марта 1918 г., положившему конец войне с имперской Германией, являвшейся в тот момент победительницей на восточном фронте. Поражение Германии позволило создать Польское государство, во главе которого встал маршал Юзеф Пилсудский, президент республики и главнокомандующий армии. Эта армия бесстрастно наблюдала за ходом гражданской войны в ожидании того, что ситуация позволит заинтересованным сторонам решить проблему границы с революционной Россией. Пилсудский ошибочно верил в прочность независимости Украины, санкционированной в Брест-Литовске. В самом деле, это дало бы независимым полякам серьезную поддержку в сопротивлении русским. Однако, когда успехи революционных сил продемонстрировали, что эта вера была плохо обоснована и что Красная армия приближается к польской территории, Пилсудский перешел в наступление и в период с апреля по август 1919 г. сумел отвоевать территорию, уже захваченную Советами, и дойти до Белоруссии.

Успех так вдохновил его, что в последующие месяцы и, в частности, в ноябре 1919 — январе 1920 г. он отверг советы Ллойда Джорджа о том, что надо искать компромиссное решение с силами русской революции. Напротив, весной 1920 г. он вступил в союз с украинским лидером Симоном Петлюрой, укrywшимся в Польше, с целью ведения совместной борьбы с Красной армией. Наступление имело большой успех и довело поляков до Киева, однако молниеносная реакция Советов драматическим образом опрокинула ситуацию. Появилась опасность того, что революция, не вспыхнувшая спонтанно, будет впервые экспортирована совет-

ской армией, которая в июне—августе 1920 г. вернула себе всю утраченную территорию и стала даже угрожать Варшаве. В условиях обострения ситуации Ллойд Джордж вновь предложил свое посредничество, однако и на этот раз предложение было опровергнуто молниеносным польским контрнаступлением (определенную помощь ему оказали французские военные), в результате которого в августе 1920 г. Советам было нанесено сокрушительное поражение и они были вынуждены поспешно отступить.

Пилсудский согласился вести переговоры с позиции силы. Поэтому сформулированное англичанами предложение о пограничной линии, соответствовавшей в общих чертах старой восточной границе Варшавского герцогства (известной как линия Керзона, по имени британского министра иностранных дел) не было тогда воспринято серьезно. После поражения Красной армии и в преддверии зимы возобладала потребность в заключении мира. Советы согласились в октябре на перемирие, оставлявшее им значительную часть Украины (которую они потеряли по Брест-Литовскому договору), но уступали Польше обширные территории, населенные украинцами и белорусами, вдоль пограничной линии, сохранившейся до Второй мировой войны (перемирие превратилось в окончательное соглашение в результате Рижского договора 18 марта 1921 г.). Таким образом создавалось крупное государство, опирающееся на сильное национальное чувство, на стремление вновь добиться былого величия, и возглавляемое такой сильной личностью, как Пилсудский, который в своей политической деятельности руководствовался авторитарно-консервативными моделями. В определенном смысле — прекрасный оплот против Советов. Однако оставались открытыми все проблемы противоречий с Германией и некоторые проблемы противоречий с Литвой (по поводу обладания городом Вильнюсом) и с Чехословакией (по поводу судьбы территории Тешинской Силезии).

На юго-восточной границе Германии, на развалинах Габсбургской империи, возникла Чехословакия. Богемский национализм был вознагражден за свою многолетнюю деятельность и за активность, проявленную во время войны. Это движение, возглавлявшееся Эдуардом Бенешем (чехом), Томашем Масариком (чехом, но словаком по матери) и словаком Миланом Штефаником, пережило значительный подъем в последний год войны, когда ему удалось убедить крупнейшие державы в необходимости разрушить империю Габсбургов и открыть путь формированию национальных правительств.

В действительности то образование, о котором было заявлено в конце октября 1918 г. и которое создало в сентябре этого года

временное правительство, не было национальным государством в полном смысле этого слова. Богемия и Моравия, имевшие глубокие культурные традиции и высокий уровень промышленного развития, объединялись со Словакией, тогда еще по преимуществу сельскохозяйственной и находившейся под властью католического духовенства. В основе объединения лежало обязательство признать автономию Словакии, которое чехи впоследствии не очень-то соблюдали и которое оказалось причиной вечных конфликтов между двумя сообществами. Кроме того, угрозой гомогенности нового государства было то обстоятельство, что оно включило в себя все территории Судетской области, населенные немцами и прежде относившиеся к Габсбургской империи. Это была еще одна причина потенциальной нестабильности, которую не учли страстные разрушители Австро-Венгерской империи. Впрочем, Бенеш и Масарик пользовались большим авторитетом и это позволило им сразу же выступить на международной сцене в качестве представителей нового порядка, сложившегося в Европе, и в качестве гарантов территориального барьера, отделявшего Германию от ее балканских соседей.

Новые границы Германии на юге в основном повторяли старые; здесь не было территориальных изменений, как на рубежах с Австрией. Рождение Австрийской республики было самым заметным знаком разрыва с прошлым. Создание этого маленького государства с населением немногим более 6,5 млн человек, четверть из которых была сосредоточена в его столице — Вене (возникшей как центр империи, чья территория была в четыре раза больше маленькой республики, создаваемой победителями), служило символом разрушения старой системы. Австрия также считалась побежденным государством, подлежащим разоружению и выплате репараций, и, прежде всего, подчиненным важнейшему политическому условию — запрету объединяться с Германией, установленному как Версальским, так и Сен-Жерменским договором.

Из всех «творений» победителей в 1919–1920 гг. создание Австрийской республики было, вероятно, самым необоснованным и чреватым потенциальными негативными последствиями: создавалось государство, жизнеспособности которого никто не мог дать реалистическую оценку. Более того, многие были настолько убеждены в невозможности его выживания, что считали единственной серьезной альтернативой присоединение Австрии к Германии. Однако это договоры предусмотрительно запрещали. В международном плане Австрия оказывалась окруженной потенциальными врагами: чехословаками, только что освободившимися от габсбургского господства, югославами, сделавшими то же самое. Что ка-

сается итальянцев, то вызванная лишь стратегическими соображениями уступка Италии Альто-Адидже (Южного Тироля), населенного в подавляющем большинстве австрийцами, создавала повод для постоянных разногласий, что не могло не привести ни к чему другому, как подтолкнуть австрийцев к поиску поддержки именно у Германии.

Тема приобретает еще большее значение, если считать, что маленькая Австрийская республика представляла собой (конечно, помимо воли тех, кто принимал касавшиеся ее решения) один из важных элементов всей системы нового равновесия, которую выстраивали (или пытались выстроить) мирные договоры. Действительно, независимая (от Германии или, парадоксальным образом, от Италии) Австрия была пунктом, где пересекались все возможные ревизионистские тенденции, возникшие в результате Парижских договоров. Ее независимость гарантировала Италии защиту от чрезмерного германского давления на границу в районе Бреннера, а Балканский полуостров — от возобновления сильного политического, торгового, финансового давления, которое Германия оказывала на него до 1914 г. То же самое относилось и к Франции, и к Великобритании. Впрочем, не имея общих с Австрией границ, эти страны были менее чувствительны к возникшей деликатной теме. Кроме того, неизбежно напрашивался прогноз (как это показало письмо Штреземана бывшему кронпринцу Германии спустя несколько лет), что как только Германия вернет себе определенную свободу действий, она обратит свой взор на Австрию, с которой она была связана узами языка, культуры, старых союзов. И все-таки, несмотря на все это, столь важная геополитическая роль была отведена хрупкому государству, экономически потрясенному поражением, деморализованному, неустойчивому. Что это было? Шедевр непредусмотрительности, последствий которого кое-кому следовало опасаться. Но кому? Парадоксальным было и то, что все державы-победительницы и, в особенности, Франция и Италия, перекладывали друг на друга эту задачу, что в итоге открыло в 1938 г. путь гитлеровскому ревизионизму.

1.6. Хрупкость нового порядка в Дунайско-Балканском регионе

1.6.1. СОЗДАНИЕ ЮГОСЛАВИИ

Если исходить из концепции, что главной причиной конфликта было стремление пресечь гегемонизм Германской империи, то урегулирование проблем Балканского полуострова нельзя

связывать напрямую с противоречиями, вызвавшими войну. Однако правда и то, что война была зажжена балканской искрой, то есть столкновением сербского национализма с империей Габсбургов. Идея «великой Сербии» или независимого государства для всех южных славян (словенцев, хорватов, сербов и черногорцев) долгое время присутствовала в европейской жизни XIX и первых лет XX веков. В отличие от проблем, касавшихся Германии, являвшихся настолько очевидными, что они не требовали комментариев, сербский национализм распространялся на регион, слишком насыщенный противоречиями и контрастами, и бросал вызов откровенными амбициями существующей реальности. Сербы — естественные союзники царской России — их интересы зависели от успехов этой страны, как их надежной защитницы, способной противостоять упорной враждебности Габсбургской империи и, в частности, Венгрии.

К тому же сербы должны были считаться с другой реальностью или тем, что от нее осталось: Османской империей, то есть государствами, занявшими ее место. Если отношения с болгарами вплоть до Второй балканской войны, показавшей связь Болгарии с Германией, были традиционно хорошими, то отношения с Румынией на севере, с Албанией на юго-западе и с Грецией на юге были далеки от стабильности, и интересы сербов лишь эпизодически совпадали с интересами этих стран.

В отношении происшедших радикальных изменений позицию Сербии (какой бы она ни была — маленькой или великой) предстояло еще выработать во всех ее аспектах. Тем более что к уже названным субъектам, действовавшим на довоенной политической сцене, следует добавить Италию, с ее надеждами на достижение территориальной целостности Истрии. Волновало ее и положение в регионах со смешанным населением, таких, как Далмация, где стратегические цели преобладали над демографическими обоснованиями, и Фиуме, где демографические соображения были принесены в жертву чужим стратегическим интересам. Когда Италия вела переговоры о заключении Лондонского договора 1915 г. (26 апреля 1915 г.), устанавливавшего условия ее вступления в войну, она добилась обещания границы на Бреннере, территорий Истрии и Далмации до мыса Планка, но она не требовала Фиуме, исходя из предпосылки, что это был необходимый выход к морю для Австро-Венгерской империи в ситуации, когда ее лишили Триеста.

Восстановить территориальное равновесие на полуострове, являвшемся первым театром военных действий, где проявлялось столько объективных противоречий, лишь внешне казалось более легким с окончанием войны, сопровождавшимся распадом Австро-

Венгерской империи и поражением Османской империи. Балканский полуостров оставался, в определенном смысле, «чистым листом» (за исключением обязательств, взятых в отношении Италии), в отношении которого были возможны различные варианты урегулирования. Однако на заднем плане вырисовывалась совсем не второстепенная проблема: кто будет осуществлять ту геополитическую роль, которую история доверила империи Габсбургов? Достаточно ли было положиться на национальный принцип в качестве регулирующего элемента нового балканского порядка? Можно ли было использовать на Балканах национальный принцип? Габсбургская империя в условиях нарастающего ослабления Османской империи занимала в геополитическом плане промежуточное положение — это касалось и проникновения Германии и устремлений России — выполняя таким образом функцию сдерживания и поддержания равновесия в регионе, подверженном частым импульсам к переменам. Кроме того, она регулировала в институциональном плане (хотя и не идеальным образом из-за враждебного отношения Венгрии к новым институциональным изменениям 1867 г.¹) сосуществование разных национальностей, предотвращая взрыв разрушительных конфликтов. Империя дорого заплатила за эту свою роль, поскольку была разрушена центробежными импульсами, исходившими от разных национальностей. Вместо многонациональной империи создавалось множество новых государств, каждое из которых претендовало на то, чтобы быть выражением национального принципа. Однако в случае с Чехословакией это было, конечно, не так. То же самое можно сказать и о Югославии.

Представители этнических групп южных славян договорились (провозгласив Корфскую декларацию 20 июля 1917 г.) о создании независимого государства, чья этническая структура характеризовалась присутствием по крайней мере трех крупных национальных групп (сербов, хорватов и словенцев), а также черногорцев, македонцев, албанцев, венгров и итальянцев, придававших временный характер новому государству, устойчивость которого могла поддерживаться только извне. В равной степени Румыния, побежденная австрийцами и немцами на поле боя и принужденная к заключению унижительного мира 7 мая 1918 г., моментально воспользовалась распадом Габсбургской империи и кризисом России для присоединения всей Трансильвании, населенной в значительной мере венграми и немцами, Бессарабии и Буковины,

¹ В 1867 г. Австрийская империя была преобразована в двуединую (дуалистическую) Австро-Венгерскую монархию. — *Прим. редакции.*

отторгнутых от Украины, и Южной Добруджи, отторгнутой от Болгарии. Таким образом рождалось другое многонациональное государство, создавая ситуацию по меньшей мере парадоксальную: только побежденные страны становились этнически однородными. Это Венгрия и Болгария (чья судьба была определена соответственно Трианонским — 4 июня 1920 г. — и Нейским — 27 ноября 1919 г. — договорами), конечно, не испытывавшие внутренних противоречий, однако, разьедавшиеся изнутри горечью поражения и стремлением к реваншу.

Если ситуация с Грецией и Албанией, связанными с судьбой Оттоманской империи, требует отдельного разговора, то для того, чтобы охарактеризовать балканскую систему, остается прояснить новую роль, которую играла на полуострове единственная великая держава, непосредственно граничащая с полуостровом или обращенная к нему, а именно — Италия. Лондонский договор, текст которого в послевоенный период был уже известен, предусматривал урегулирование вопроса о границе, не учитывавшее национальный принцип в отношении Словении, а также в отношении Фиуме, хотя большинство его населения составляли тогда итальянцы.

В 1915 г. итальянцы не выдвигали требование относительно этого города, предполагая, что сохранится Габсбургская империя. Когда это предположение отпало, националистические импульсы внутри Италии побудили итальянских делегатов на Парижской конференции потребовать, чтобы, кроме территорий, предусмотренных Лондонским договором, Италия получила бы также Фиуме. Вильсон, не подписавший Лондонский договор, выступил против как передачи Италии всей Истрии и Далмации, так и против передачи ей Фиуме. Возникшее в результате острое столкновение обусловило неспособность держав в конечном счете решить вопрос о восточной границе Италии. Сен-Жерменский договор, передававший Италии Триест и Истрию, но не Далмацию, отложил решение вопроса о границе до прямых переговоров между двумя заинтересованными сторонами.

Эти переговоры состоялись год спустя, при совсем иных обстоятельствах, и по Рапальскому договору 12 ноября 1920 г. устанавливалось, что Италия получает всю Истрию, до Монте Невозо, а также город Зара в Далмации; город Фиуме превращается в свободный порт под эгидой Лиги Наций. Это было временное решение, с учетом диспропорции в соотношении сил и напористости, с какой итальянские националисты поставили вопрос о Фиуме, где группа волонтеров во главе с поэтом Габриэле Д'Аннунцио, захва-

тившая его в сентябре 1919 г., установила автономное «управление» в качестве предпосылки для дальнейшей аннексии его Италией, и откуда их требовалось выдворять силой, когда итальянское правительство захотело выполнить условия Рапалльского договора. Однако неустойчивость урегулирования с Фиуме делала ситуацию нестабильной. В Югославии были гораздо более серьезные внутренние проблемы и она не могла позволить себе иметь открытую рану на границе с Италией. Вопрос решился окончательно (на тот момент) с заключением Римского договора 24 января 1924 г., в соответствии с которым «свободное государство» Фиуме было разделено между Италией, получившей Фиуме, и Югославией, получившей бухту Сусак. В будущем конвенция должна была соответственно урегулировать экономические вопросы.

Так же, как и в отношении германской проблемы, победители выработали ряд противоречивых решений, не способных удовлетворить основные заинтересованные в данном случае стороны, возможно, за исключением Польши и Чехословакии. На Балканском полуострове победители заменили довоенный порядок системой отношений, которая непомерно преувеличивала роль Югославии и Румынии, не способных к самостоятельной консолидации и кроме того принесенные в жертву этому новому устройству государства были преисполнены обидами.

Разумеется, такое урегулирование разрушало военный союз, поскольку им была очень недовольна Италия, одна из двух держав, которая могла бы вместе с Францией способствовать большей стабильности нового устройства на Балканах. Но именно вследствие разногласий по поводу Адриатики и той враждебности или безразличия, с какими рассматривались претензии Италии во время Парижской конференции, она оказалась в лагере недовольных и потенциальных ревизионистов. Более того, ее подтолкнули к тому, чтобы она проводила на Балканах собственную политику, не учитывая французские интересы и часто, напротив, вступая с ними в противоречие. Компромисс 1920 г., который не признавал за ней все то, что гарантировал Лондонский договор, способствовал нарастанию волны национализма, приведшей к власти фашизм. Муссолини впоследствии превратил ревизионизм в одно из знамен своей внешней политики. Так вырисовался еще один элемент нестабильности в регионе, который нуждался как раз в противоположном для достижения подлинного мира. Напротив, неудовлетворенность и разногласия, посеянные авторами договоров 1919–1920 гг., привели лишь к созданию ситуации постоянного потенциального конфликта.

1.7. Нормализация дипломатических отношений с СССР

1.7.1. ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ

В 1922 г. все европейские правительства осознали, что попытка воспрепятствовать созданию коммунистического и советского государства вместо царской империи провалилась. Это был тезис, отстаиваемый Ллойд Джорджем, вписывавшим его в свой проект, направленный на пересмотр важнейших проблем, оставшихся в наследство от мирных договоров. Результатом его воздействия было приглашение Советам прислать своего представителя (министра иностранных дел Чичерина) на Генуэзскую конференцию в мае 1922 г.

Советы также стали бо2льшими реалистами, а именно — отказались от немедленного осуществления проекта мировой революции. Тяжелая болезнь, которая поразила Ленина в мае 1922 г. и привела к его смерти в январе 1924 г., положила начало жесткому соперничеству за его наследство. Сталин, избранный Генеральным секретарем ЦК РКП(б) в 1922 г., используя личное и политическое соперничество, взял верх над представителями других партийных фракций. Он отстранил от власти (а в последующие годы и уничтожил физически) таких людей, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин. С самого начала Сталин был среди сторонников НЭП (новая экономическая политика). НЭП состояла по существу в замене принципа принудительного изъятия сельскохозяйственной продукции на налог, оставлявший крестьянам часть произведенного, которую они могли бы реализовывать, восстанавливая сельскохозяйственный «рынок». Однако, руководствуясь прежде всего мощными националистическими импульсами, Сталин стал свертывать эту политику уже с 1924 г., когда его влияние становилось преобладающим. Сталин отстаивал и осуществлял концепцию о возможности осуществить социальную революцию в одной стране, СССР. При этом под социальной революцией понималось преобразование советской экономической системы в строго плановую экономику, в соответствии с последующими пятилетними планами и ставящую своей целью быструю индустриализацию, которая изменила бы состав национального производства и уменьшила экономическое и политическое влияние крестьянского мира (в особенности, это касалось мелких собственников, которых Сталин считал неминуемыми врагами революции, подлежащих уничтожению как класса).

Начавшиеся перемены сделали возможным возобновление отношений с остальным миром. Сталин утверждал, что «победа социализма в одной стране, даже если эта страна менее развита в капиталистическом отношении, а капитализм продолжает существовать в других странах, хотя и более развитых в капиталистическом отношении, совершенно возможна и вероятна». Следовательно, налицо была также и гарантия приведения идеологии в соответствие с нормализацией международных отношений. В этом процессе участвовали без всякого предубеждения все европейские страны. Они увидели в новой экономической системе Советского Союза потенциальное поле для экспорта товаров, капиталов и технологий, то есть считали еще возможным воссоздать систему традиционных связей мирового рынка с огромной геополитической зоной, от которой остальная часть мира была отделена лишь на очень короткий период, но которая теперь могла вновь занять свое место среди взаимозависимых наций.

Некоторое время спустя западный мир осознал, что он исходил из глубоко ошибочной трактовки того способа, каким Сталин собирался трансформировать советскую экономику из отсталой и развивающейся в экономику, способную сделать очень быстрый рывок вперед к индустриализации. Однако в течение весьма недолгого времени, когда такая иллюзия еще сохранялась, европейские державы устроили настоящее соревнование с целью присоединиться к Германии и стать странами, имеющими нормальные дипломатические отношения и, если возможно, торговые договоры с советским режимом. Состязание выиграли английские лейбористы, которые признали *de jure* советское правительство 2 февраля 1924 г.; несколько дней спустя за ними последовала фашистская Италия, заявившая о своем признании 7 февраля. Затем, в 1924–1925 гг., последовали в порядке очередности Норвегия, Австрия, Греция, Швеция, Дания, Мексика, Венгрия, Франция, Япония. Советский Союз вновь вошел, таким образом, в мировое сообщество, хотя и заняв в нем обособленную позицию: он не вступил в Лигу Наций и не получил признание Соединенных Штатов, состоявшееся только в 1933 г. после избрания президентом Франклина Д. Рузвельта.

1.7.2. ОГРАНИЧЕННАЯ НОРМАЛИЗАЦИЯ

Пределы этих формальных изменений не замедлили проявиться, поскольку на деле они были вызваны соображениями целесообразности и не учитывали реальной ситуации. С одной стороны, идея о том, что империалистические страны стремились

использовать каждый удобный случай для возобновления наступления против СССР, имела глубокие корни в менталитете Сталина (и осталась в нем вплоть до его смерти). С другой, — иллюзии относительно того, что признание приведет к изменению методов советской дипломатии, или к отказу от связей с мировым коммунистическим движением, оказались необоснованными. Таким образом, за кратким периодом нормализации последовал период кризиса, в течение которого Советский Союз остался почти полностью оттеснен от большой мировой политики и от европейских споров, и всю свою энергию направил на выполнение первого пятилетнего плана (1928—1932 гг.).

Первым симптомом кризиса были Локарнские соглашения, которые Советы по двум причинам рассматривали как дипломатическое соглашение, потенциально направленное против них. Во-первых, никто не попытался вовлечь СССР в систему разрабатывавшихся соглашений, что означало признание бесполезности или даже опасности присоединения московского правительства к соглашению, которое изменило не только международное положение Германии, но и положение Советского Союза. Во-вторых, статьи Локарнских соглашений были явно несбалансированными (и это было общеизвестно) в том, что касалось устройства Восточной Европы. За этим могло скрываться намерение, которое в последующие годы не раз становилось главным мотивом советской внешней политики, — придать немецкому ревизионизму заданное направление. Это было, по всей видимости, маловероятно в 1925 г., поскольку предполагало отказ Франции от ее позиций в Восточной Европе, шаг, который парижское правительство еще не было готово совершить. Но это могло показаться возможным тем, кто с подозрением рассматривал всякую капиталистическую инициативу в Европе.

Другие признаки кризиса проявились затем в 1926 г., когда франко-румынское соглашение нанесло первый удар по советским надеждам воспрепятствовать окончательной аннексии Бессарабии Румынией. Через некоторое время итало-румынское соглашение стало последним актом, необходимым для введения в действие протокола 1920 г. об аннексии Бессарабии Румынией¹. Итало-советские отношения также вступили в фазу кризиса (между тем, однако, СССР и Германия подтвердили свою дружбу договором 24 апреля 1926 г., уравновесившим Локарнские соглашения). Еще более тяжелой была серия инцидентов, приведшая к разрыву дипломатических отношений между Москвой и Лондоном.

¹ 28 октября 1920 г. Парижским протоколом Англия, Франция, Италия и Япония признали захват Бессарабии Румынией. — *Прим. редакции.*

Британские коммунисты имели тесные связи с Коминтерном и в 1925 г. создали Англо-русский комитет единства, который должен был служить центром притяжения для движения трудящихся по всей Европе. В мае 1926 г. британские тред-юнионы, возглавляемые профсоюзом горняков, провозгласили всеобщую забастовку. Замешательство и угрозы правительственных репрессий, последовавших за объявлением забастовки, вынудили тред-юнионы после восьми дней борьбы аннулировать свое решение. Однако коммунисты, связанные с Коминтерном, истолковали забастовку как предвестник неминуемого великого революционного взрыва. Стачка шахтеров не была прервана и продолжалась более шести месяцев, усилив в результате решимость правительства Болдуина принять меры, ограничивающие право на забастовку.

В плане международных отношений это спровоцировало дипломатическое столкновение, приведшее почти на грань разрыва отношений с СССР, обвиненного во вмешательстве в британскую внутреннюю жизнь в нарушение обязательств, принятых еще в 1921 г., когда двумя странами было подписано первое торговое соглашение. Впрочем, разрыв был лишь отсрочен и состоялся в следующем году, когда британская полиция обыскала помещение советской торговой миссии в поисках документов, способных доказать причастность Советов к профсоюзным волнениям. Хотя обыск и оказался безрезультатным, он, однако, стал предлогом для разрыва дипломатических отношений между двумя странами. А это, наряду с другими моментами, приведшими к дипломатической изоляции Советского Союза, способствовало возникновению в Москве ощущения, что новое наступление «империалистов» неизбежно. Это ощущение усиливалась также кризисом отношений с Германией, вызванным арестом некоторых немецких специалистов, работавших в СССР. Вероятно, Сталин хотел создать атмосферу «осажденной крепости» для того, чтобы было легче осуществлять политическое давление, которое сопровождало выполнение первого пятилетнего плана. Но это была атмосфера, ставившая под сомнение форму, если не само содержание, нормализации.

В самом деле, в действительности кризис обозначил этап возврата назад в самой советской политической линии в большей степени, чем возобновление фронтального столкновения. Это был уже факт прошлого. Советская политика, хотя и представляла исключение с точки зрения критериев и подходов к проблемам европейского переустройства, вновь превратилась в эти годы в почти нормальный элемент дипломатических отношений между государствами. По отношению к наследию Первой мировой войны —

хотя соглашения с Турцией в 1921 г. и с Германией в 1922 г. и в 1926 г. продемонстрировали намерение использовать «противоречия» капиталистической системы к собственной выгоде — советский метод (который сам Ленин рассматривал как концептуальный момент, лежавший в основе Рапалльского договора) был ничем иным, как повторением наиболее проверенной тактики традиционной дипломатии.

1.8. Ситуация в Дунайско-Балканском регионе между стабилизацией и ревизионизмом

1.8.1. ПРЕДЕЛЫ ЛОКАРНО

Франко-германское примирение, обозначенное Локарнскими соглашениями, представлялось поворотным и умиротворяющим моментом в европейской международной жизни. В месяцы, предшествовавшие заключению соглашений, и в последовавшие за ними годы, вплоть до 1929 г. (смерть Штресемана и начало «Великой депрессии») казалось, что восстановилась нормальная атмосфера и началась новая эра мира, отмеченная «духом Локарно». После того, как взаимная резкая критика Франции и Германии, веками определявшая развитие международных отношений в Европе и провоцировавшая последствия для всего мира, завершилась достойным компромиссом, можно было предположить, что на основе этого духа умиротворения могут быть решены все другие существующие конфликты.

В действительности Локарнский компромисс был важным, хотя и ограниченным. За пределами и внутри Европы возникали новые конфликтные ситуации, которые даже отдаленно не были связаны с развитием франко-германских отношений. На всех континентах происходили изменения, в то время не улавливаемые или малозаметные, но серьезно подрывавшие идею о том, что мир может строиться вокруг франко-германского компромисса и дополнений к нему.

Учитывая эту ограниченность, не следует, однако, недооценивать тот факт, что между двумя мировыми войнами этап после Локарно был действительно уникальным периодом, когда иллюзия мира, казалось, трансформировалась в близкую и легко достижимую реальность. Основные участники международной жизни не отдавали себе отчет в том, что именно решения, с которыми они связывали эту иллюзию, подготавливали изменения в противоположном направлении, а именно, в направлении создания новых центров силы или конфликтов вне Европы, способных подорвать надежду на восстановление гегемонии.

В такой контекст вписывалась сеть соглашений, которые теоретически могли бы сформировать основу для рождения новой континентальной гегемонии Франции. В самом деле, правящие круги Великобритании, как бы удовлетвовавшись дипломатическими успехами, подтвержденными Локарнскими соглашениями, после 1925 г. едва интересовались европейскими противоречиями, за исключением случаев, когда требовалось непосредственное присутствие Великобритании, и, поглощенные колониальными и имперскими проблемами (преобразованием Империи в Содружество), предпочли путь, близкий к изоляционизму. Следовательно, именно на плечи французов и итальянцев преимущественно выпала задача дополнить установление мирных договоров, сделав заслуживающими доверия разрозненные и противоречивые решения. Оба правительства действовали в полном согласии по крайней мере до конца 1923 г., несмотря на некоторые колебания, вызванные внутренней нестабильностью в обеих странах, и несмотря на приход Муссолини к власти в октябре 1922 г. Лишь в 1924 г. после победы на выборах левого блока во Франции, то есть откровенно антифашистской коалиции, Муссолини изменил свой курс и превратился, по крайней мере, до 1929–1930 гг. в усердного соучастника и инструмент политики, которую стремились навязать ему англичане с целью осуществления своей тактики отстраненности.

Регионом, по отношению к которому обе державы должны были определить свою линию, были Центральная Европа и Балканский полуостров. В обоих секторах деятельность французов, по крайней мере вплоть до 1922 г. была гораздо более динамична и, после преодоления некоторых краткосрочных сомнений, однозначна. Для Франции обязательным мерилom являлась Польша, поскольку она служила сдерживанию Германии и препятствовала непосредственному давлению Советского Союза на Центральную Европу. Сильная Польша была противовесом в отношении сначала гипотезы, а затем и реальности германско-советского сотрудничества. Единственным ограничителем такой позиции оставалось стремление не предоставлять излишней свободы действий крайнему национализму новых польских руководителей во главе с амбициозным Пилсудским. Это не помешало парижскому правительству подписать 19 февраля 1921 г. договор о союзе с Польшей, дополненный двумя днями позже секретным соглашением о военных консультациях. Оба соглашения были задуманы с целью защитить Польшу от опасности нападения на двух фронтах для того, чтобы заложить основы французо-польского соглашения, которое Париж ошибочно считал вечным.

Вместе с тем, но в менее срочном порядке, 25 января 1924 г. был заключен договор о союзе с Чехословакией, который также сопровождался секретными военными статьями, содержащимися в письмах, которыми обменялись стороны и дополнявшими взаимные обязательства по региональным консультациям и сотрудничеству. Военное содержание обоих договоров было отчасти выхолащено Локарнскими соглашениями, то есть новыми договорами, подписанными 16 октября 1923 г. между Францией, с одной стороны, и Польшей и Чехословакией, с другой. Последние заменяли автоматические действия сторон на основе союзов 1921 г. и 1924 г. обязательством проводить предварительные консультации с Лигой Наций и политическими условиями, которые признавала Франция, соглашаясь на гарантирование Великобританией и Италией Рейнского пакта.

Более сложной была, однако, картина в Дунайско-Балканском регионе, поскольку там ситуация оказалась гораздо более нестабильной, и внутри самого французского правительства существовали заметные разногласия по данному вопросу. Наибольшее количество неизвестных таила в себе обстановка в Венгрии и именно это стало отправной точкой для последующего выбора. В самом деле, в Венгрии в ноябре 1918 г. было создано республиканское правительство, в котором доминировали консервативные партии. После провала коммунистического эксперимента Бела Куна французы сочли возможным прибегнуть к такой сильной и внушающей доверие власти, как власть представителя династии Габсбургов. Для этого они поддержали попытку возвращения на трон экс-императора Карла, в 1917 г. унаследовавшего титул от умершего Франца Иосифа и вынужденного затем покинуть собственную страну.

Сложилась очень непростая ситуация, поскольку контрреволюционные силы уничтожили республику и объявили о введении в Венгрии монархического режима, провозгласив регентом адмирала Миклоша Хорти. Это регентство (которое планировалось как временное, но продлилось, напротив, вплоть до Второй мировой войны) теоретически должно было предшествовать реставрации монархии Габсбургов. В течение некоторого времени это была карта, на которую ставили французы, действуя в том числе и в антикоммунистических целях, когда в марте 1921 г. приветствовали кратковременную попытку императора Карла вступить на престол в Будапеште. Тем самым, однако, парижское правительство совершило серьезную ошибку в оценке ситуации, поскольку этой единственной акцией достигло результатов, противоречащих его собственным интересам: Италия стала внушать

больше доверия в качестве гаранта нового соотношения сил на Балканах (стоит отметить, что компромиссный договор по границе в Венеции-Джулии, подписанный в Рапалло 12 ноября 1920 г.¹, совпал с этим этапом), а у новых балканских государств возникли опасения, что они не смогут в будущем рассчитывать на поддержку Франции.

1.8.2. МАЛАЯ АНТАНТА

Эти опасения лежали в основе проекта соглашения Румынии, Чехословакии и Югославии о взаимопомощи, что предусматривалось серией общих договоров. Они создали между 1920 и 1921 гг. так называемую Малую Антанту в качестве антиревизионистского, антигабсбургского союза в ответ на колебания и двойственность позиции французов. Теоретически лучшим союзником Малой Антанты могла бы быть Италия, вдохновительница «Антигабсбургской конвенции» 12 ноября 1920 г. Однако отношения между Италией и Югославией были по-прежнему отравлены вопросом о границе в Венеции-Джулии и тем, что фактически Рапалльский договор 1920 г. не действовал, поскольку Фиуме по-прежнему оставался оккупированным регулярными итальянскими войсками, хотя состоявшиеся в апреле 1921 г. выборы обеспечили успех сторонникам его автономии.

Структурно Малая Антанта возникла в результате подписания трех двусторонних соглашений: оборонительного союза между Чехословакией и Югославией (14 августа 1920 г.), договора между Чехословакией и Румынией (5 июня 1921 г.), направленного против венгерского и болгарского ревизионизма и, в завершение, соглашения между Румынией и Югославией (7 июня 1921 г.), имевшего такую же ориентацию. Превосходство Чехословакии в этой системе было несомненным, и это было препятствием к развитию отношений с Польшей, в свою очередь враждебно настроенной в отношении Чехословакии из-за разногласий, касавшихся определения границы в горно-рудном бассейне в районе города Тешина, решенных в пользу Чехословакии. Провенгерский выбор, сделанный в Париже, где такая ориентация аргументировалась недоверием к неявному антикоммунизму Бенеша и убежденностью в том, что Венгрия занимала ключевое положение с точки зрения любого варианта долгосрочного урегулирования в Дунайско-Балканском регионе, предоставил Италии в 1920–1921 гг. возможность осуществить сближение с Чехословакией и Югославией.

¹ Нет сноски.

Впрочем, известие о соглашении, достигнутом 2 августа 1920 г. итальянским и албанским правительствами об отводе итальянских войск, оккупировавших Влёру и ее побережье, в обмен на предоставление Албанией Италии права занять остров Сазани (Сасено), малозначимый со стратегической точки зрения, действовало в том же самом направлении, избавляя балканский имидж Италии от последствий разоблачений секретных соглашений, подписанных в июле 1919 г. министром иностранных дел Томмазо Титтони и премьер-министром Греции Элефтериосом Венизелосом. По этим соглашениям албанская территория делилась на две части. Одна отходила Греции, другая — передавалась Италии в качестве подмандатной территории (чтобы понять значение этих соглашений, следует учесть, что они предшествовали Севрскому договору и представляли собой попытку урегулирования противоречивых устремлений итальянцев и греков в отношении всего наследия Оттоманской империи).

Приход к власти Муссолини вначале разрушил благоприятное восприятие политики Италии на Балканах. В течение некоторого времени фашистский лидер проводил курс на войну с Югославией с целью завоевания Фиуме и осуществления еще более радикальных изменений, чем те, что были закреплены мирными договорами. Однако затем Муссолини отказался от этих устремлений, и Италия вернулась к добрососедскому сотрудничеству с Югославией, упроченному, помимо подписания соглашений по Фиуме, договором о дружбе и сотрудничестве (27 января 1924 г.), дополненным параллельным соглашением с Чехословакией в июле того же года.

1924 год был годом, когда Италия развернула активную деятельность по сближению с Малой Антантой в атмосфере, еще не отравленной напряженными отношениями с Францией. Между тем парижское правительство изменило свои ориентации на Балканах и начало проводить новую, более последовательную политическую линию, формально обозначенную соглашением января 1924 г. с Чехословакией. Трудно сказать, стимулировалась ли эта акция стремлением противостоять росту влияния Италии на Балканах или же вписывалась в проект объединения всех антиревизионистских сил вокруг общей программы. Условия стали другими: отношения с Советским Союзом были, с формальной точки зрения, урегулированы, политика поддержки гражданской войны в России отвергнута, внутреннее положение в Венгрии существенно изменилось. В сложившейся ситуации мотивации, пришедшие французским стратегическим интересам, стали отличаться от ориентаций итальянцев, делавших упор на политико-дипломатическое урегулирование на базе антиревизионистских позиций.

Французские интересы состояли теперь в создании стабильной и устойчивой дипломатической системы во всей Центральной и Юго-Восточной Европе. Следовало дополнить ее недостающими звеньями, то есть Румынией, Югославией и, возможно, Грецией. Соглашение с Румынией было подписано в январе 1926 г. по инициативе румын, требовавших признания аннексии Бессарабии, закрепленной протоколом, подписанным с западными державами и Японией, однако не ратифицированного Францией и Италией. Договор Парижа с Бухарестом, предусматривавший признание румынских границ, был шагом в этом направлении. Договор, подписанный Румынией с Италией в сентябре 1926 г., имел те же последствия и завершил международную легитимизацию румынского суверенитета над аннексированной территорией.

Французская политика безопасности на Балканах, направленная на сближение с Румынией, не противоречила, следовательно, итальянским интересам и даже совпадала с ними, если учитывать то, что Италия согласилась добавить к договору о дружбе 1926 г. секретную статью, предусматривавшую подписание военных соглашений по защите румынских границ. Важнейшим характерным моментом во французской политике стала ее направленность на изменение отношений с Югославией, соседкой и союзницей-соперницей Италии. Взаимоотношения этих трех стран превратились в конце концов в определяющий элемент выбора различных ориентаций в балканской политике.

Первоначальной идеей Франции, не отвергавшейся *a priori* итальянцами, был договор трех сторон: соглашение, которое не подвергало бы риску будущее сотрудничество и не раскололо бы антиревизионистскую коалицию, быстро сформировавшуюся для противодействия Венгрии и Болгарии. Однако осуществление соглашения трех сторон стало невозможным в результате эволюции итальянской политики в Албании, реакции югославов на нее, а также характера, который приобрели в конце концов франко-югославские отношения, и позиции обеих сторон в отношении Италии. Все это имело пагубные кратковременные и долговременные последствия для региональной стабильности.

1.8.3. АЛБАНСКИЙ ВОПРОС

Итало-югославский договор о дружбе от января 1924 г., был дополнен в июле 1925 г. Неттунскими соглашениями, о решении экономических и технических проблем, которые Римский договор оставил открытыми. В этих документах содержалась, в частности, взаимная договоренность о невмешательстве в дела Албании.

Однако ни одна из сторон не выполняла это обязательство. Каждая из них, используя соперничество феодальных и политических группировок, боровшихся за преобладание в новом государстве, продолжала вмешиваться в албанские дела с тем, чтобы обратить ситуацию себе на пользу и имея в виду далеко идущие цели: от поиска преданных союзников до территориальных аннексий. Ситуация осложнялась частыми изменениями ориентаций различных албанских группировок, опиравшихся, в зависимости от соображений сиюминутной целесообразности, или на Италию, или на Югославию. Уже в конце 1924 г. борьба между православным епископом Фан Ноли и президентом, а затем монархом Ахмет-бей Зогулли (известным как Зогу), вписывалась в эту схему. Муссолини с самого начала соблюдал нейтралитет, затем принял сторону епископа, наконец, стал финансировать Зогу, чтобы привлечь его на итальянскую сторону, хотя тот и являлся ранее должником гораздо более бедных югославов.

Экономические соглашения, заключенные в марте 1925 г. между Италией и Албанией, которые предусматривали создание Национального банка Албании и Общества по экономическому развитию Албании, обязанного действовать исключительно при участии итальянских предприятий, открыли дорогу к окончательному сближению Зогу с Италией. Однако наиболее важным шагом в этом направлении был секретный военный пакт от 25 августа того же года, благодаря которому Италия приобретала, как отмечает Пьетро Пасторелли, «албанский плацдарм» и «более тесно привязывала к себе Албанию Зогу», хотя она была связана секретным обязательством, оставлявшим за албанским президентом определенную свободу их интерпретации с тем, чтобы он не подвергался непосредственным ответным мерам со стороны югославов. Процесс укрепления отношений между двумя странами достиг очевидного завершения в 1926 г. после подписания 22 ноября договора об оборонительном союзе, открыто утверждавшего господство Италии над маленькой балканской страной и делавшего очевидным антиюгославский выбор, осуществленный Муссолини.

Итальянская инициатива была расценена югославами как нарушение дружбы, провозглашенной в 1924 г. С другой стороны, политическая деятельность белградского правительства стала более решительной вследствие того, что в 1925 г. ведущий хорватский политический деятель Степан Радич, положив конец длительному периоду пребывания во внутренней оппозиции, изменил свой курс, выразил готовность сотрудничать с сербами и согласился войти в правительство во главе с М. Нинчичем. Первой жертвой этих изменений стали Неттунские соглашения, которые югослав-

ский парламент отказался ратифицировать из-за очевидного влияния хорватских элементов на урегулирование в отношении некоторых территорий, ранее принадлежавших древнему Хорватскому королевству.

К совокупности этих обстоятельств добавилось подписание 5 апреля 1927 г. договора о дружбе и секретного соглашения о консультациях между Италией и Венгрией. Пакт ограничивался тем, что провозглашал мир и вечную дружбу между двумя странами, однако имел далеко идущие потенциальные последствия, поскольку намечал ревизионистский поворот в итальянской политике.

В целом, эти изменения подрывали доверие к трехстороннему договору о дружбе. Париж оказался перед необходимостью выбора — продолжать двусторонние переговоры или переосмыслить свою балканскую политику. Однако в атмосфере изменения общего отношения во Франции к фашистской Италии франко-югославский договор от 11 ноября 1927 г. о дружбе, союзе и арбитраже приобрел в этой обстановке весьма определенный смысл. В самом деле, он завершал серию соглашений, необходимых для французской безопасности, но в то же время делал очевидным то, что ранее было лишь потенциальным, а не явным аспектом скандальной балканской ситуации: новый порядок характеризовался не сотрудничеством, а соперничеством Италии и Франции.

1.8.4. ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ И ДУНАЙСКО-БАЛКАНСКАЯ СИТУАЦИЯ

Определенный проюгославский выбор Франции вызвал ответную ревизионистскую реакцию Италии, реакцию, к которой лично Муссолини был очень даже склонен, призывая к ней еще до своего прихода к власти. Однако результат состоял в том, что на смену ситуации хаоса приходило итало-французское соперничество, и его театром стал Балканский полуостров. Обстановка в целом осложнялась глубокими противоречиями, подрывавшими союз с Францией и проявившимися в последующем. В июне 1928 г. Муссолини в краткой речи, посвященной первому пятилетию его внешней политики, открыто затронул тему ревизионизма как одной из главных целей итальянской внешней политики и, в частности, ревизионизма в отношении Венгрии в качестве одного из основных условий европейского мира. Это означало, что Италия сдвигалась к ревизионистскому фронту, в то время как ее коренные интересы состояли прежде всего в соблюдении договоренностей, закрепленных мирными договорами, и, в особенности, в сохранении независимости Австрии.

Австрийская независимость являлась стержнем новой европейской системы и, следовательно, была также стержнем французских обязательств в Центральной Европе, если вообще восточная политика безопасности, направленная против Германии имела какой-либо смысл. Однако Франция и Италия, хотя и связанные этим общим интересом, сталкивались с противоречиями в отношении главной проблемы, доминировавшей в их политических акциях: исполнять или изменять мирные договоры; исполнять ли их в интересах победителей или же открыть пути для их пересмотра, которые позднее сможет использовать заметно усилившийся германский ревизионизм.

Отсутствие согласия по политике в отношении Югославии имело, следовательно, гораздо более важное значение, чем это казалось на первый взгляд. Поэтому ответ на вопрос о том, исходила ли Франция в своей политике на Балканах из потребностей французской безопасности или же из намерения противостоять формированию некоей итальянской системы, оказывался неоднозначным. Конечно, во французской политике приоритетной была цель обеспечения безопасности. Однако эта цель достигалась посредством действий, противоречивших итальянским интересам, и таким образом, в более долгосрочном плане расходилась с основными интересами французской внешней политики и содержала в себе будущие элементы конфликта.

Если прибавить к этому активность венгерского ревизионизма, которую итальянская дипломатия не упускала возможности поддержать; если добавить то обстоятельство, что в Австрии демократический режим укреплялся с трудом; что Болгария, изолированная из-за традиционной враждебности от остальной части Балканского полуострова, подпитывала как общую ревизионистскую ориентацию, так и самую настоящую войну банд, прежде всего в югославской и греческой Македонии; что исторический конфликт между греками и югославами оставался неурегулированным и еще более обострился с усилением Греции, происшедшим несмотря на ее военное поражение в столкновении с турецкими националистами, — то становится очевидным, что стабильность была лишь иллюзией. Она не отражала ни реальных успехов балканской политики Франции, ни нарастания итальянских устремлений — возникали новые мотивы для конфликтов, что делало будущее все более непредсказуемым.

В этой расстановке сил Греция занимала относительно маргинальное положение. Она была больше связана с Великобританией, чем с Францией и, следовательно, в большей степени участвовала в политике, касавшейся Восточного Средиземноморья, чем балканских событий. Однако даже Греция не могла быть изолирова-

на от совокупности проблем полуострова, в отношении которых она проводила неоднозначную политику. Корни этой политики питались крахом имперской мечты Венизелоса, который, вступив в войну в 1917 г. на стороне Антанты, надеялся построить на развалинах Османской империи «великую Грецию», бесспорную владычицу Эгейского моря, обладавшую господством над Албанией и Болгарией. Соглашения Титтони–Венизелоса 1919 г. являлись одним из воплощений этого проекта, так же как и поспешный десант в Смирне и фатальная ошибка, состоявшая в занятии передовых позиций в войне с турецкими националистами при поддержке Великобритании. Поражение, понесенное от турок Исмет-паши, поспешная эвакуация войск из Смирны, вынужденный и безоговорочный отказ от Додеканесских островов, утрата надежд на южную албанскую территорию, соперничество с Болгарией и возвращение Турции Восточной Фракии, — все это были примеры, на которых афинское правительство могло увидеть свидетельство не только более или менее явной французской оппозиции, но и итальянской враждебности. Преемник Константиноса Георгиос II, вступивший на трон в 1922 г. после вынужденного отречения отца в результате понесенного поражения, не смог воспрепятствовать ухудшению социально-политической ситуации, что привело в марте 1924 г. к провозглашению республики. Как страна, имевшая выход к Адриатическому и Ионическому морям, Греция была унижена нападением итальянцев на Корфу. Компромиссных формулировок, изобретенных на конференции послов, было недостаточно для спасения престижа Греции в ситуации злоупотребления силой со стороны Италии. Здесь также, следовательно, не просматривались признаки мирного и окончательно установленного порядка. Тем более что спору между Грецией и ее соседями суждено было длиться многие годы, вплоть до возвращения к власти престарелого Венизелоса, подписавшего в 1928 г. соглашение с Италией и в 1930 г. — с Турцией, а возможно и до реставрации монархии в 1932 г.

1.9. Кризис и конец Османской империи. Кемалистская Турция. Мандатная система на Ближнем Востоке

1.9.1. СЕКРЕТНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ПЕРИОДА ВОЙНЫ

На протяжении второй половины XIX века европейские державы обсуждали возможный распад Османской империи и вели секретные переговоры по этой проблеме. Вплоть до начала XX века

константинопольский султан находил силы для сохранения империи в поддержке, предоставлявшейся ему Великобританией в целях защиты торговых путей в Восточном Средиземноморье, ведущих к Индии, и Францией — в целях защиты ее традиционных интересов на восточном побережье Средиземного моря. Когда англо-французское и англо-русское соглашения укрепили дипломатический фронт, потенциально враждебный интересам Оттоманской империи и в особенности полному контролю со стороны Константинополя за проходом судов через проливы Босфор и Дарданеллы, стало очевидно, что появилась явная угроза. Обстановка осложнялась также переориентацией региональных союзов: Оттоманская империя, еще до Младотурецкой революции, происшедшей в 1908 г., сблизилась с Германской империей и стала все более тесно сотрудничать с ней. Воплощением этого сотрудничества стала постройка железной дороги, соединявшей Берлин с Багдадом, и, что не менее важно, доминирующее влияние, которое приобрели немецкие военные, помогая укрепить турецкие вооруженные силы.

Эта перестройка союзов отражала не только изменившуюся значимость проливов в глазах западных держав, но была вызвана также новыми явлениями в арабском мире, все еще формально подчиненном власти Порты. Зарождение арабского национализма, который в некоторых случаях начинал приобретать антибританский оттенок, но был, конечно, враждебно настроен к гегемонии константинопольского султана и турецкой нации, подпитывалось политикой младотурок.

Когда разразилась война, эти обстоятельства привели к тому, что Константинополь сделал выбор в пользу участия в конфликте на стороне Центральных держав, будучи убежден — и не без основания — в том, что это единственный путь к спасению. В действительности три крупнейших участника Антанты быстро пришли к согласию относительно планов развала Оттоманской империи, отмены «старого правила», предоставлявшего ей контроль за проходом через проливы, и предоставления серьезных территориальных уступок в Армении царской России.

Кроме того, Франция и Великобритания заключили двусторонние договоренности относительно раздела территории так называемого «плодородного полумесяца», то есть всего пространства от Восточного Средиземноморья до Месопотамии, на две сферы влияния. Соответственно Франции отводилась территория современных Ливана и Сирии, а Великобритании — территория, сегодня занятая Ираком и государствами на палестинской территории (соглашения Сайкс–Пико в мае 1916 г.). Кроме того, для

того, чтобы предупредить последствия «священной войны», которую султан в качестве «халифа» исламских верующих объявил западным державам, англичане подписали серию соглашений с «великим шерифом» (хранителем) Мекки, эмиром Хусейном, главой династии Хашимитов. Хусейн был привлечен к делу арабского национализма и в ходе переговоров с британским верховным комиссаром в Египте сэром Генри Мак-Магоном договорился с ним о том, что выступив против османского правления в войне за освобождение арабов, он будет способствовать созданию великого независимого арабского государства, простирающегося на север до 37-й параллели, на восток — до иранской границы и на запад — до районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо, за несомненным исключением побережья Сирии и Ливана, но не Палестины, судьба которой оставалась неопределенной.

В июне 1916 г. Хусейн объявил о начале арабского восстания, и в ноябре он провозгласил себя королем арабов. Он еще ничего не знал о соглашениях англичан с Францией. Он не знал также, что год спустя, 2 ноября 1917 г. британский министр иностранных дел лорд Бальфур от имени правительства Великобритании в декларации, касавшейся еврейского народа, высказал пожелание, чтобы последний создал себе «национальный очаг» на территории Палестины. Так в отношении одной и той же территории был принят ряд противоречивых дипломатических обязательств, полных неясностей и порожденных опасной неосторожностью. Все это было позднее дополнено соглашениями между державами Антанты и Италией от апреля 1917 г. о предоставлении ей обширной зоны влияния — помимо Южной Анатолии (Адалии), что уже зафиксировал Лондонский договор, — в Смирне и ее *hinterland*, отчасти в противоречии с передачей Смирны Греции в мае 1919 г. как компенсации за вступление в войну в июле 1917 г. (когда соглашения с Италией утратили силу из-за их несостоявшейся ратификации Россией в связи с Февральской революцией).

Следовательно, и в этом регионе речь шла о замене все более слабеющего, но определенного и признанного господства новой системой государств, способной удовлетворить интересы победителей с учетом сложившихся противоречивых обязательств. К этой ситуации добавлялось новое обстоятельство — Октябрьская революция, которая совсем по-иному, чем в прошлом, поставила вопрос о свободе доступа к Черному морю — в зависимости от того, собирались ли утопить в нем революционную заразу или же переправлять по его водам помощь русским контрреволюционным силам от антикоммунистических держав.

1.9.2. СЕВРСКИЙ ДОГОВОР

В Париже эта проблема рассматривалась двояко. С формальной точки зрения, та часть, которая касалась Османской империи, утверждалась Севрским договором от 10 августа 1920 г. (это был последний из Парижских договоров). В соответствии с ним территория Османской империи сокращалась до Анатолийского полуострова и небольших площадей в Европе. На карте, поскольку Восточная Фракия была передана Греции вместе со всеми островами Эгейского моря (за исключением Додеканесских островов, оккупированных итальянцами), только полоса, прилегающая к проливам в Европе, также как и аналогичная полоса на азиатской территории номинально оставалась под властью империи. Однако эта территория была демилитаризована и поставлена под контроль международной комиссии, которая должна была обеспечивать право на свободный проход через проливы в мирное и военное время для всех типов судов под эгидой Лиги Наций. Это означало, что в тот момент союзники считали для себя полезным свободное использование проливов для оказания помощи белому движению в России.

Вторая часть касалась всей оставшейся территории бывшей Османской империи. Последняя отказывалась от всех прав на Египет, Судан, Ливию и Додеканесские острова и признавала французский протекторат в Тунисе и Марокко. В свою очередь Египет, ставший в 1914 г. английским протекторатом, боролся за достижение полной независимости (предоставленной ему в 1922 г.). Что касается стран «плодородного полумесяца» и Аравийского полуострова, то проблемы выявились очень скоро. Еще до заключения Севрского договора на конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 г.) союзники решили использовать формулу «мандат типа А», предусмотренную статьей 22 Устава Лиги Наций, передав Сирию и Ливан в качестве подмандатных территорий Франции, Месопотамию (т.е. Ирак) и всю Палестину (т.е. земли к востоку и западу от Иордана) — Великобритании. Был ли мандат типа А скрытой формой колонизации или же первым шагом к независимости — этот вопрос остается открытым, подлежащим дискуссии. Однако очевиден тот факт, что решения, принятые в Сан-Ремо, заметно расходились с обязательствами, взятыми перед эмиром Хусейном.

Таким образом, в постановлениях, принятых союзниками (как в том, что касалось Османской империи, так и территорий, отнятых у нее), содержалось много оснований для сомнений в том, что они уважают принцип самоопределения и что он применен на практике. Поэтому сегодня не вызывает удивления факт,

что эти решения, напротив, послужили началом двух первых эпизодов открытой антиколониальной войны, которые не были случайными и не были вызваны просто вспышкой ксенофобии, возможно, направляемой местными властями, чьи привилегированные интересы были затронуты. То, что происходило в Турции в 1921–1923 гг., в Сирии, Ираке и Палестине — в 1920–1921 гг. было, напротив, первым этапом длительной борьбы между ведущими империалистическими державами и народами, боровшимися за свою независимость, которая продолжалась вплоть до шестидесятых годов.

1.9.3. КЕМАЛИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ И ЛОЗАННСКИЙ ДОГОВОР

Турецкие националисты, наследники движения младотурок собрались под руководство Мустафы Кемалю, который реорганизовал армию, опираясь на восточные провинции Анатолии, и бросил ее на войну с греками, высадившимися в Смирне благодаря солидной британской поддержке, в то время как итальянцы и французы заняли выделенные им зоны влияния. Мустафе Кемалю удалось мобилизовать значительные силы, которым противостояла слабая и отдаленная от своей оперативной базы греческая армия и уставшие от сражений за пять лет войны основные армии союзников. Кемаль быстро дошел до Анкары, ставшей с тех пор столицей Турции, и созвал там Национальное собрание, оно отказалось ратифицировать Севрский договор. Сразу же после этого он установил дипломатические отношения с другим правительством, боровшимся в тот момент с западными союзниками, — советским правительством.

«Антиимпериалистические» силы установили первый дипломатический контакт, заключив 16 марта 1921 г. договор, по которому Турции возвращались районы Карса и Ардагана. Тем самым территориальные проблемы решались за счет Армении, подавленной могущественными соседями и низведенной до положения республики в составе формирующегося Советского Союза. На смену вековой вражде между русскими и турками на несколько лет пришел союз, позволявший обеим странам выйти из дипломатической изоляции и действительно поддержать друг друга. В то время как для Советов это был первый важный шаг в формировании их внешней политики (а также в блокировании антиреволюционной волны на южном фронте), для турок речь шла действительно об освободительной войне против экстремальных требований империалистической политики европейских держав.

Французы, итальянцы и американцы (поддержавшие независимость Армении) отдавали себе отчет в невозможности выполнения Севрского договора. Власть султана все еще сохранялась, но становилась все более призрачной. Французские войска были выведены из Южной Анатолии, и Париж подписал с Кемалем соглашение об определении границы с Сирией южнее, чем это предусматривалось в Севре. Сразу же после этого итальянские войска также покинули Анатолию, и Рим выработал с правительством Кемаля договоренность о принципах дальнейшего экономического сотрудничества. Французы и итальянцы готовились отвести соответствующие воинские контингенты из зоны проливов, демонстрируя свое видение турецкой проблемы, в отличие от англичан.

Оставался открытым лишь греко-турецкий фронт. В августе 1922 г. Исмет-паша нанес жесточайший удар грекам и вынудил их поспешно покинуть Смирну. Около миллиона беженцев укрылось в Греции, чтобы избежать кровавых турецких преследований. На поле боя оставались только англичане, готовые противостоять установлению контроля турецких националистов над проливами, однако вынужденные в силу военной ситуации искать дипломатическое решение кризиса. Правительство султана было брошено на произвол судьбы (оно прекратит свое существование в соответствии с заключенным впоследствии мирным договором). Война была завершена подписанием Муданийского перемирия (11 октября 1922 г.), открывшего путь к переговорам о заключении нового мирного договора, который должен был заменить Севрский договор, подписать его могли только представители Турецкой республики — теперь уже единственные, кто владел ситуацией.

Переговоры, начатые в Лозанне месяц спустя после окончания военных действий, были завершены 24 июля 1923 г. в том же самом городе подписанием договора, положившего конец этому последнему акту политико-дипломатической борьбы, не завершённой Первой мировой войной. Лозаннский договор со всей очевидностью отражал новое реальное соотношение сил, сложившееся в регионе, и вынужденный поворот в политике западных стран, связанный с окончанием гражданской войны в России. Что касалось территории, то новая Турция вернулась к своим европейским границам 1914 г. с небольшими изменениями в пользу Болгарии, отдала в Эгейском море острова Греции, но приобрела контроль над ближайшими к проливам островами. Архипелаг Додеканес был окончательно передан Италии (владевшей им на временных основаниях со времен Ливийской войны); был подтвержден статус английской колонии для Кипра. Определение

границы с подмандатными территориями было отложено до последующих соглашений (только в 1926 г. вилайет (район) Мосула, важный для разведки нефтяных ресурсов, был отнесен к территории будущего Иракского государства).

В обмен на все это Турция получила: право не платить репарации; окончание системы капитуляций, которая с XVI в. ограничивала юридическую власть Оттоманской империи в случаях споров, касавшихся граждан крупнейших европейских стран; восстановление полного суверенитета над проливами, за исключением ограничений, предусмотренных в специальной конвенции по режиму судоходства, подписанной одновременно с Лозаннским договором. В конвенции предусматривалась демилитаризация региона и свободный проход для торговых судов и для определенного типа небольших военных кораблей в мирное время. В военное время порядок устанавливался исходя из участия или неучастия Турции в конфликте. В случае ее нейтралитета судоходство должно было оставаться совершенно свободным. В том случае, если бы Турция стала воюющей стороной, разрешался проход нейтральных судов, но с ограничением количества и тоннажа. Эти статьи несомненно отражали как еще относительно слабые позиции Турции, так и стремление западных стран иметь свободный доступ в Черное море в случае конфликта с Советским Союзом.

Более энергично развивалась реализация соглашений в Сан-Ремо относительно мандатов¹, однако и в них содержалось множество моментов, предвещавших трудное будущее. Создание крупного арабского государства, обещанного англичанами, оказалось мимолетной мечтой. Каковы бы ни были реальные намерения французов и англичан, мандатная система являлась предательством по отношению к обещаниям, данным Хусейн-паше, обещаниям, которые арабские народы стремились осуществить еще до принятия союзниками соответствующих решений.

После окончания военных действий один из сыновей Хусейна эмир Фейсал был назначен военным губернатором Дамаска. Сирийские националисты оказывали на него сильное давление с тем, чтобы он возглавил движение за независимость. В марте 1920 г. они собрали в Дамаске «Сирийский национальный конгресс», представлявший, по крайней мере по замыслу, также всю Палестину. Конгресс провозгласил Фейсала королем Сирии. Хотя Фейсал и был связан проходившими дипломатическими перего-

¹ Речь идет о заседании Верховного совета держав Антанты в г. Сан-Ремо (Италия) 19–26 апреля 1920 г. По решениям конференции в Сан-Ремо Великобритания получила мандаты на Палестину и Иран с Мосулом, Франция — на Сирию и Ливан. — *Прим. редакции.*

ворами с союзными правительствами, он принял предложение и не слишком позаботился о том, чтобы согласовать его с намерениями французов. Это привело к военному столкновению, которое закончилось быстрым поражением хашимитского правителя в августе того же 1920 г. и тяжелым унижением арабского народа.

В Месопотамии народ также пытался противостоять решениям союзников. Иракские националисты предложили корону своей страны брату Фейсала эмиру Абдулле. В этом случае восстановление порядка и контроля над ситуацией было бы задачей английских войск. Существовали, однако, явные различия между французской мандатной политикой, откровенно интервенистской, и британской, более склонной к формам непрямого управления и поиску сотрудничества с арабским миром.

В марте 1921 г. лондонское министерство по делам колоний (*Colonial Office*), в то время возглавлявшееся Уинстоном Черчиллем, созвало конференцию экспертов в Каире для принятия решения об упорядочивании системы мандатов. Это было стремление хотя бы отчасти уменьшить недовольство арабов. Иракскую корону предложили самому эмиру Фейсалу, который с помощью брата готовился вновь захватить Сирию. Трон эмира Трансиордании, то есть часть территории Британии под мандатом в Палестине, расположенной к востоку от реки Иордан и Мертвого моря, был предложен Абдаллаху (надеявшемуся в будущем стать сувереном всей Сирии). Абдаллах согласился, хотя его правление под британским контролем было обусловлено границами применения и реальной эффективностью декларации Бальфура.

1.10. Послевоенная ситуация на Дальнем Востоке. Вашингтонская конференция и японская политика

1.10.1. ЯПОНИЯ НА ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Во время войны Япония, союзник держав Антанты, развивала параллельную деятельность, которая непосредственно затрагивала республиканский Китай, ослабленный борьбой между силами Гоминьдана, лояльными императорской власти, и так называемыми «милитаристскими кликами», то есть крупными латифундистами, формировавшими свои собственные вооруженные силы для того, чтобы предотвратить наступление революции. Эта борьба, закончившаяся лишь в 1927 г., оказывала непосредственное влияние на ход войны, поскольку она способствовала проникновению в Китай японцев, союзников Антанты. Только Соединенные Штаты

противостояли действиям Японии, однако их собственные связи с державами Антанты являлись ограничителем для планов прямого вмешательства, основанного на принципе «открытых дверей», который они неоднократно провозглашали в качестве основы политики в отношении Китая (и в целом — мировой торговой политики). Американская поддержка способствовала смягчению давления Японии на Китай, становившегося все более сильным после того, как Токио, признав соглашения периода войны между западными державами на случай поражения Германии и в связи с устремлениями России в отношении проливов, а также относительно Оттоманской империи, получил от них взамен признание японских притязаний как на Шаньдун, контролируемый тогда немцами, так и на острова в Тихом океане к северу от экватора, также входившие в состав Германской империи.

Вступление в войну Китая (17 августа 1917 г.), немного спустя после Соединенных Штатов (2 апреля 1917 г.), изменило это соотношение сил, баланс которых был столь явно нарушен в пользу Японии. Китайцы имели немало причин для того, чтобы с тревогой оценивать как политику России, так и политику Японии, и полагали, что Германия может противостоять этому давлению. Именно такие мотивации препятствовали принятию китайцами решения ранее. Глубокие противоречия внутри китайского политического истеблишмента привели к тому, что когда пекинское правительство решило объявить войну, в Китае углубилась постоянная борьба между противоборствующими сторонами. Само политико-территориальное единство Китая было разрушено столкновением группировок, столкновением, которое, впрочем, разделяло также и Гоминьдан. Его главные руководители сформировали революционное правительство в Кантоне, в то время как в Пекине республиканское правительство сохраняло свою власть, становившуюся все более хрупкой.

На практике военные действия с участием китайцев велись только внутри страны с целью подавления восстания и завершились в 1927 г. успехом Гоминьдана, поддержанного коммунистами. Однако вступление Китая в войну имело большое дипломатическое значение, поскольку оно способствовало выявлению сил, враждебных японскому империализму, прежде всего определению позиции Соединенных Штатов Америки. Естественно, что токийское правительство поспешило прояснить отношения с американцами, что привело к заключению в ноябре 1917 г. соглашения, носившего двойственный характер, поскольку оно содержало признание американцами особых интересов Японии в той части Китая, которая соприкасалась с ее владениями, и признание, помимо принципа «открытых дверей», независимости самого Китая.

Русская революция и поражение немцев сделали возможным участие Японии и Китая в Парижской конференции в ситуации, осложненной тем обстоятельством, что японские территории на Азиатском континенте (Корея) служили опорной базой для наступления против России (во Владивостоке) и базой для действий, которые пытались развить из Сибири в западном направлении в помощь русским белогвардейцам чехословацкие войска (состоявшие из бывших военнопленных, находившихся в России).

Позиция японцев в Париже была, следовательно, гораздо более сильной, чем китайская. Это отразилось на окончательных японских требованиях. Архипелаги в Тихом океане к северу от экватора, а именно Маршалловы, Каролинские и Марианские острова были отняты у немцев и переданы японцам как подмандатные типа С (категория мандата, в отношении которого мандатарии предоставлялись наиболее обширные полномочия по вмешательству). Требование получить контроль над Шаньдунем натолкнулось на оппозицию китайцев, однако было решено в пользу Японии благодаря ее соглашениям периода войны с державами Антанты, несмотря на попытку Вильсона добиться компромиссного решения. В итоге китайская делегация была вынуждена покинуть конференцию и отказалась подписать мирный договор с Германией.

Япония становилась таким образом великим победителем в войне в зоне Тихого океана. Ее войска контролировали через Корею Восточную Сибирь и оккупировали Шаньдун. Для того чтобы ограничить масштаб этого успеха (после тщетных попыток Вильсона во время Парижской конференции), администрация президента Хардинга стала действовать с большей решительностью. Хотя она и руководствовалась изоляционистскими концепциями, но не преминула решительно выступить против Японии. В результате этой активности она добилась от англичан отсрочки обновления союза с Японией, действовавшего с начала века. Англо-японское соглашение было вызвано двумя угрозами — российской и германской, которые теперь перестали существовать. Напротив, перед угрозой потенциального конфликта между Соединенными Штатами и Японией британцы имели веские основания для сближения с американскими позициями. К середине 1921 г. англо-японский союз распался.

Это было также и выражением стремления Великобритании, поддержанной некоторыми доминионами, непосредственно заинтересованными в развитии ситуации в Тихоокеанском регионе (такими, как Канада и Австралия), избежать того, чтобы проблема нового соотношения сил в этом огромном океанском бассейне

привела к морскому соперничеству с Соединенными Штатами, результатами которого могла воспользоваться Япония к собственной выгоде.

1.10.2. ВАШИНГТОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Пытаясь совместить эти устремления с безболезненным отказом от союза с Японией, английский кабинет предложил американцам «пригласить державы, непосредственно заинтересованные в участии в конференции для обсуждения проблем Дальнего Востока и Тихого океана с целью достижения коллективного согласия, которое обеспечило бы отказ от войны и ограничение морских вооружений мирными средствами». Предложение было принято с легкостью, и конференция состоялась в Вашингтоне с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. с участием представителей Великобритании, Соединенных Штатов, Японии, Франции, Италии, Китая, Бельгии, Голландии и Португалии.

Сложные переговоры, проходившие на конференции, привели к ряду важных соглашений как по вопросам, касающимся Тихоокеанского региона, так и по более общей проблеме морского разоружения. Первым из этих соглашений был «договор четырех держав» (Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции и Японии), подписанный 13 декабря 1921 г. Он должен был создать своего рода дипломатическую рамку, в которую следовало вписать новые отношения между державами-победительницами, включая и пересмотренный англо-японский союз. С британской стороны имелось определенное стремление добиваться у союзников признания особых интересов Японии и самой Великобритании в некоторых районах Китая. Этот тезис, по которому они, естественно, были согласны с японцами, категорически отвергался американцами, добившимися преобладания своей точки зрения.

Тихоокеанский пакт, как назвали соглашение от 13 декабря, обязывал стороны, подписавшие договор, к поддержанию на деле *status quo* и к проведению консультаций как для разрешения возникающих противоречий, так и для ответа на возможные угрозы существующей ситуации. Включение Франции в пакт, касавшийся территорий, далеких от французских владений в Юго-Восточной Азии, являлось уступкой пожеланию американского госсекретаря Хьюза с целью компенсировать французам потери, которые налагало на них морское соглашение.

Договор об ограничении морских вооружений был подписан 5 февраля 1922 г. Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Японией и Италией. Он включал реальные ограничи-

тельные меры, поскольку обязывал договаривающиеся стороны прекратить на десять лет строительство линкоров и боевых крейсеров. Договор также предусматривал уничтожение уже построенных или строящихся кораблей таким образом, чтобы существующее соотношение по тоннажу между флотами крупнейших держав соответствовало следующей пропорции: Соединенные Штаты, Великобритания, Япония, Италия и Франция как — 5–5–3–1,75–1,75. Наконец, он устанавливал ряд ограничений по тоннажу и вооружениям линейных кораблей. В отсутствие соответствующего соглашения договор ничего не говорил о подводных лодках.

Значение соглашения заключалось прежде всего в трех пунктах: в признании Великобританией военно-морского паритета с Соединенными Штатами; в признании Францией военно-морского паритета с Италией (признание, которое французы не считали справедливым и которое они приняли только потому, что Франция находилась в тот момент в ситуации серьезной дипломатической изоляции); в том, что согласно статье 29 договора, договаривающиеся стороны обязались впоследствии не сооружать военные базы под своим контролем во всем Тихоокеанском регионе. Именно это позволило Японии согласиться с подчиненным по отношению к двум крупнейшим морским державам положением, поскольку обязательство не создавать военно-морские базы вблизи Японии обеспечивало японскому флоту возможность осуществлять контроль в окружающих Японию морях, в особенности в Китайском море.

Наконец, 6 февраля был подписан документ, являвшийся потенциально наиболее обязывающим из тех, что были приняты конференцией, а именно, «договор девяти держав» о политике «открытых дверей» (девять держав составляли те, кто подписал военно-морские соглашения, плюс Бельгия, Голландия, Португалия и Китай). Этого активно добивались Соединенные Штаты с целью обязать подписавшие договор государства уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную целостность Китая; побудить их помочь Китаю в достижении политической стабильности и развитии экономики и воздержаться от инициатив, противоречащих интересам дружественных держав; наконец, вынудить их уважать принцип «открытых дверей», то есть отказаться от требования особых привилегий (торговых или монопольных преференций) в торговле с Китаем.

Кроме того, наряду с «договором девяти» и при англо-американском посредничестве 4 февраля было подписано китайско-японское соглашение, по которому Япония отказывалась от своего присутствия в Шаньдуне, возвратив Китаю бывшую немецкую территорию Цзяоджоу (в то время как Великобритания в одно-

стороннем порядке отказывалась от находившейся неподалеку базы Вэйхайвэй). Японии, со своей стороны, удалось сохранить (под гарантию займа, предоставленного Китаю) контроль на пятнадцать лет над железной дорогой Цзинань-Циндао также значительную часть концессий, полученных в Маньчжурии, в особенности в сфере железных дорог.

Таким образом, в результате серии компромиссов на некоторый период был установлен новый порядок в Тихоокеанском регионе и прежде всего были определены рамки, в которых мог бы находиться под контролем японский экспансионизм, а Китай мог бы укрепиться в качестве обновленного и самостоятельного субъекта в Азии. Последствием достигнутого компромисса было недовольство французского правительства, которое вынудили смириться с уменьшением своей роли в сравнении с Италией. Однако главная опасность состояла в том, что все принятые решения были слишком нечеткими и двойственными для того, чтобы действительно сдерживать поползновения заинтересованных сторон (иными словами, Япония) к утверждению своей воли путем агрессии. На тот момент зона Тихого океана строго контролировалась англичанами и американцами. Несколько лет спустя интересы Великобритании переместились на другие направления, в то время как после 1929 г. ситуация внутреннего кризиса в Соединенных Штатах предоставила свободу рук японцам для возобновления их кампании против Китая.

1.11. Последние иллюзии коллективной безопасности

1.11.1. ПАКТ БРИАНА–КЕЛЛОГА

В довершение представления о том, что «дух Локарно» открыл путь к длительной стабилизации европейской ситуации и мира во всем мире, в 1927–1930 гг. произошли другие дипломатические события того же плана. Первым из этих событий было заключение 5 июня 1928 г. пакта Бриана–Келлога, декларировавшего незаконность использования войны в качестве инструмента для решения международных споров. Пацифистское движение и движения, которые выступали за объявление войны вне закона, были многочисленны во всем мире и в особенности распространены в англосаксонских странах. Чтобы пойти навстречу общественному мнению, не слишком доброжелательному по отношению к Франции, не выполняющей своих обязательств по межсоюзническим долгам, и движимый намерением восстановить сопричастность Соединенных Штатов к решению европейских проблем, 6 апреля

1927 г., в десятую годовщину вступления Соединенных Штатов в Первую мировую войну А. Бриан обратился к американскому народу с призывом, вдохновленным и, по сути, написанным, профессором Джеймсом Т. Шотвеллом из Колумбийского университета. В нем тема отказа от войны предлагалась в качестве предмета двустороннего соглашения Франции и Соединенных Штатов. Связь с темой европейской безопасности была очевидной, и это объясняет задержку американского ответа, поскольку двусторонний договор, каким бы ни было его содержание, в конце концов был очень близок к договору о союзе.

Несколько недель спустя, в июне 1927 г., объективно оценивая недостатки первоначального предложения, Бриан сформулировал новое, носившее более общий характер, и придал ему форму проекта договора между ведущими державами. Только через шесть месяцев после получения текста Бриана, в конце декабря 1927 г., госсекретарь Фрэнк Б. Келлог направил свое контрпредложение, в соответствии с которым проект Бриана мог быть принят, но с условием превращения в открытое и многостороннее соглашение. Это создавало юридические трудности для стран, вступивших в Лигу Наций и связанных возможностью применения статьи 16, которая в отношении санкций против агрессора не исключала применения военной силы. Необходимо было найти промежуточную формулу, на практике оставлявшую потенциальным участникам договора свободу для выполнения этого обязательства. Что касается многосторонности, то проблема была разрешена путем распространения предложения на Германию, Италию, Великобританию, Японию и ряд малых стран (общей численностью 15), которые 27 августа 1928 г. подписали в Париже основной документ. Он подтверждал осуждение войны в качестве инструмента для решения международных споров и обязывал участников во всех случаях пытаться найти мирное решение любого конфликта, который мог возникнуть с их участием.

Этот документ также, казалось, означал начало новой эпохи. К нему быстро присоединились одна за другой многие страны, всего — 57, не все из них были членами Лиги Наций. Однако за подписью не всегда следовала ратификация, и продекларированные намерения редко соответствовали реальным целям. Огрубляя, можно было бы сказать, что договор являлся сознательным обманом, осуществленным адептами державной политики. Достаточно вспомнить все, что происходило начиная с 1929 г. на Дальнем Востоке и позднее во всем остальном мире, чтобы понять, насколько смесь утопизма и цинизма, столь характерная для внешней политики Бриана, была лишена политического смысла. Однако не стоит доводить эту критическую оценку до крайности,

поскольку пакт создавал действительную юридическую основу для всех пацифистских движений и закладывал логические и идеологические основания для любого последующего осуждения актов агрессии. Это был символический жест, и в качестве такового он был осмеян циничными реалистами, такими как Муссолини (хотя Италия и была в числе подписавших документ государств). Однако, как и все долговечные символы, он был подхвачен позднее, когда идея войны стала синонимом всеобщего апокалипсиса.

С другой стороны, представление о практической неэффективности пакта Бриана–Келлога должно быть хотя бы отчасти скорректировано: хотя и отсутствовали непосредственные результаты его применения, атмосфера, укреплению которой он способствовал, помогала продвинуться по пути нормализации франко-германских отношений. Во время визита в Париж для подписания пакта Штреземан поднял перед Брианом и Пуанкаре вопрос об оккупации Рейнской области, отчасти уже решенный Локарнскими соглашениями, но частично еще ограниченный статьями Версальского договора, предусматривавшего окончание оккупационного периода в 1935 г. По мнению Штреземана, после принятия пакта Бриана–Келлога присутствие иностранных войск на германской территории не имело больше никакого смысла. Аргументация была формально безупречной, хотя французы и рассматривали оккупацию в том числе и как гарантию непрерывности платежей, которые все еще должны были поступать в качестве военных репараций. Поэтому когда вопрос был вновь поднят на сентябрьской сессии Ассамблеи Лиги наций, французы согласились его обсуждать одновременно с возобновлением переговоров по репарациям, приведших в 1929 г. к принятию плана Юнга. Во время Гаагской конференции в августе 1929 г. было решено, что эвакуация союзных войск из двух зон Рейнской области, все еще оккупированных ими, должна начаться в сентябре 1929 г. и завершиться до 30 июня 1930 г. Первыми должны были эвакуироваться бельгийские и английские войска, затем — французские (американские оккупационные войска были выведены в 1923 г. после несостоявшейся ратификации Версальского договора сенатом Соединенных Штатов).

1.11.2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ БРИАНА О СОЗДАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Те же самые импульсы лежали в основе другой инициативы того же Бриана — его проекта создания Европейского федерального союза. Европейистский утопизм делал тогда свои первые шаги (если не считать пророчеств прошлых веков). В 1923 г. авст-

рийский граф Рихард Куденхове-Калерги опубликовал в Вене книгу под названием «Пан-Европа» и три года спустя основал движение с таким же названием. Цель состояла в том, чтобы убедить политические элиты в необходимости объединения Европы для избавления ее от водоворота саморазрушительных внутренних войн и вернуть ей самостоятельную роль в мировой политике. Калерги не обладал возможностями влиять на массы, а европейская жизнь в те годы готовила их к восприятию скорее проповедей националистического экстремизма, чем европейского пацифизма. Движение имело, таким образом, незначительные практические результаты. Однако деятельность Калерги задела за живое многих политиков, разделявших ее исходные установки (можно, к примеру, среди других назвать Уинстона Черчилля), или считавших европеизм сверхидеей, полезной для мобилизации дипломатии в желаемом и надежном направлении. В эту вторую категорию входили А. Бриан и генеральный секретарь Министерства иностранных дел Алексис Леже.

Объединение Европы в конце 20-х годов в атмосфере, созданной франко-германским союзом и пактом Бриана-Келлога, могло означать добавление важного штриха к теме европейской безопасности. Бриан был вдохновлен идеей Калерги, и 9 сентября 1929 г. произнес речь на заседании Европейской комиссии Лиги Наций (в ней были представлены 27 стран), где он представил великий идеал европейского объединения в качестве инструмента борьбы за мир. Затем он преобразовал свою речь в меморандум, переданный Лиге Наций 1 мая 1930 г. Изучение меморандума проясняет политический проект, которому Бриан придавал форму Европейского федерального союза. В действительности речь шла о создании Ассоциации европейских государств внутри Лиги Наций и подчиненной ей, основанной на принципе уважения независимости и национального суверенитета (формулировка, таким образом, противоречила на практике понятию федерального союза); ее задачей была регламентация политических вопросов, касающихся европейского сообщества посредством практического распространения международных гарантий, впервые зафиксированных в Локкарнских соглашениях. В контексте многих других пожеланий сотрудничества в различных областях социально-экономической жизни, представленных в виде туманных и расплывчатых формулировок, политическая сердцевина предложения состояла, следовательно, в расширении гарантий, достигнутых в Локкарно. Сопутствующие формулировки могли лишь частично приукрасить данный аспект проекта, а это означало, что за видимостью атмосферы всеобщего примирения скрывались вновь разгоревшиеся

сильные опасения французов относительно своей безопасности. Но в 1930 г. это было более чем обоснованно. Ситуация быстро и радикально менялась, и идеям Бриана суждено было остаться на бумаге. Решение провести по ним дискуссию в Ассамблее Лиги Наций привело к обсуждению в сентябре 1930 г., выявившему многообразие точек зрения. Вопрос был отложен до работы комиссии, в недрах которой предложение Бриана после года бесплодных дискуссий исчезло как воспоминание об утраченных надеждах, символе несостоявшейся стабилизации.

1.11.5. ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ. ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МОРСКОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ

Последняя политическая тема, в отношении которой после Локарно, и еще в большей степени после пакта Бриана–Келлога, казался возможным компромисс, направленный на укрепление общей атмосферы примирения, лишь косвенно касалась Германии и, напротив, наиболее непосредственным образом затрагивала итало-французские интересы. Эта тема была связана с формированием политики дестабилизации, которую пытался проводить Муссолини, и выражала намерение французов смягчить по крайней мере этот фронт их отношений с Италией, не делая реальных уступок Муссолини, а, напротив, вынуждая его следовать логике превосходства французских интересов в вопросах европейской безопасности, той самой логике, которая диктовала инициативы К. д'Орсе после окончания войны.

Статья 8 Устава Лиги Наций утверждала принцип сокращения вооружений «до возможно низкого уровня, совместимого с национальной безопасностью, и обязательным следованием общим инициативам, вытекающим из международных обязательств». Совет Лиги Наций, должен подготовить, — добавлялось в статье, — планы разоружения для правительств разных стран. Поскольку Устав являлся частью Версальского договора, то из этого следовало, что союзники в тот самый момент, когда они вынуждали Германию разоружиться, брали на себя обязательство сделать то же самое во избежание легитимации возможного неисполнения обязательств немецкой стороной.

Вопрос разоружения реально вставал тогда только для обычных наземных и морских вооружений. Что касается наземных вооружений, то подготовительная комиссия по разоружению, созданная в 1925 г., начала свою работу только в мае 1926 г. из-за трудностей в определении предварительной формы соглашений. Ее задача состояла в подготовке схемы договора, который пред-

стояло вынести на рассмотрение международной конференции. Однако эта работа была закончена лишь к концу 1930 г., а Международная конференция по разоружению была созвана в 1932 г., когда изменения, происшедшие в Германии за это время, снизили эффективность подготовительной работы. Более быстро шел процесс в отношении морских вооружений. Эта тема была затронута в 1921–1922 гг., во время первой конференции по морскому разоружению, состоявшейся в Вашингтоне. Тогда пять крупнейших морских держав (Великобритания, Соединенные Штаты, Япония, Франция и Италия) сумели достигнуть соглашения, касавшегося боевых кораблей. Разногласия по другим пунктам вынудили участников вашингтонских переговоров отложить дальнейшие дискуссии.

В 1927 г. американский президент Кулидж предложил созвать новую конференцию, но работа, начатая в Женеве (с участием наряду с Соединенными Штатами только Великобритании и Японии, поскольку Италия и Франция предпочли присутствовать лишь в качестве наблюдателей), продвинулась не очень далеко из-за англо-американских разногласий по кораблям среднего водоизмещения. Наконец, в 1928 г. атмосфера оптимизма, созданная пактом Бриана-Келлога, создала более благоприятный фон для возобновления переговоров. Результатом насыщенной и трудной дискуссии стал проект созыва в третьей декаде января 1930 г. международной конференции по морскому разоружению после того, как все моменты противоречий между заинтересованными сторонами были решены путем ряда компромиссов, касавшихся также и темы наземного разоружения.

Плохим предзнаменованием стало разоблачение того факта, что накануне подписания пакта Бриана–Келлога французы и англичане достигли сепаратного секретного соглашения, в соответствии с которым англичане, в обмен на поддержку Британии в области морского разоружения, обязывались признать точку зрения французов в сфере наземного разоружения. Муссолини получил возможность протестовать против методов, использованных двумя державами, и занять тактически выгодную позицию. Италия готова была согласиться на ограничение собственных вооружений до возможно более низкого уровня, лишь бы он не был превзойден ни одной другой континентальной европейской державой. Что касается морского разоружения, то Италия считала (в противовес тому, о чем договорились англичане и французы), что основой подсчетов должны были стать не отдельные категории кораблей, а определение общих пределов водоизмещения флотов. Две эти темы — паритет с наиболее хорошо вооруженной

континентальной державой (Францией) и подсчет в соответствии с общим тоннажем — остались основными в позиции Италии и определили ход конференции. С другой стороны, фашистское правительство Муссолини не могло принять соглашения, закреплявшего результаты, меньшие, чем те, что были достигнуты в Вашингтоне дофашистским правительством, а именно — паритет с Францией.

В такой малообещающей атмосфере началась конференция, созванная в Лондоне 21 января 1930 г. и продолжившая полемику, которая по своему политическому значению стала преддверием нового этапа все более глубоких конфликтов. В основе полемики лежала обеспокоенность Франции активностью фашистов на Балканском полуострове и в Средиземноморье, а также намерение Муссолини придать символическое значение способности итальянского флота контролировать Средиземное море (которое фашистская риторика через несколько лет станет называть старым латинским названием *Mare Nostrum*). В такой атмосфере конференция безрезультатно работала до весны, когда было принято решение о подписании лишь части соглашений — той, что не касалась итало-французских отношений.

Подписание состоялось 22 апреля 1930 г. Великобритания и Соединенные Штаты достигли компромисса, подтверждавшего их фактический паритет, в том числе и по количеству крейсеров, в то время как японцы добились того, что отведенная им пропорция выросла с 6 до 7 на каждые 10 американских или британских боевых кораблей. Устанавливался также потолок, налагавший действенные ограничения на строительство новых линкоров и сокращавший на уже начатые программы. Соглашение было достигнуто также относительно подлодок и эсминцев, на строительство которых были наложены наибольшие ограничения, и подтверждения соотношения 10 к 7 между двумя англо-саксонскими странами и Японией. Договор должен был вступить в силу 1 января 1931 г. и действовать в течение пяти лет. Итальянцы и французы продолжили поиск компромисса, переживая надежды и разочарования. Муссолини передал руководство министерством иностранных дел Дино Гранди, игравшему роль ретранслятора импульсов внутренней пропаганды дуче на международной сцене.

Однако на деле на другой день после подписания Лондонских соглашений римское правительство приняло серьезную программу строительства новых военных кораблей. Два ответственных за переговоры, француз Рене Массигли и итальянец Аугусто Россо, работали почти год над бесчисленными техническими деталями под давлением американцев и англичан для того, чтобы соглашение

было достигнуто. Была выработана формулировка, в соответствии с которой обе державы должны были информировать о своих программах строительства, осуществляя их независимо, но согласовывая их объем. Таким образом удавалось избежать принятия формального решения о принципе паритета и все-таки сформулировать положения, которые, хотя и сохраняли небольшое французское превосходство, предусматривали также сокращение соответствующего тоннажа, что в конечном счете создавало равновесие, благоприятное для Италии. Итогом длительной дискуссии стал, следовательно, компромисс, утвержденный 31 марта 1931 г. и позволивший французам считать себя удовлетворенными, а Муссолини кичиться определенным успехом. Но в целом это был весьма грустный эпилог.

1.12. Несостоявшаяся социально-экономическая стабилизация и внутренняя политика

1.12.1. ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Невозможно говорить о нормализации, ограничиваясь проблемами международных отношений и военными проблемами. Война — это не только столкновение армий и послевоенный период был отмечен не только дипломатической борьбой. Кризис оказался гораздо глубже, поскольку он охватил все другие аспекты социально-экономической жизни. В какой степени мирные договоренности поставили и решили эти проблемы? В какой степени новые темы и новые конфликты были упорядочены?

На первом плане стоял вопрос о новых отношениях между господствующими социальными группами. До 1914 г. гегемония буржуазии не подвергалась сомнению. Наступление социализма было подавлено или поглощено первыми экспериментами в области социальной политики. Во многих странах социалистические партии интегрировались в парламентскую систему и избрали путь реформизма. Сама дискуссия, сопутствовавшая началу войны, об отношении социалистических партий к кризису, спровоцированному, по определению, империализмом и буржуазным национализмом, выявила трудности социалистического движения, когда перед ним встал вопрос о противоречии между интернационализмом и лояльностью к своему государству-нации. Это была нерешенная проблема, остававшаяся таковой по крайней мере до окончания Второй мировой войны. Она представляла как один из моментов наибольших трений, с которыми пришлось иметь дело довоенным руководящим группам социалистического

движения. В самом деле, по окончании конфликта, после того, как все социалистические партии проявили солидарность (хотя и с некоторыми нюансами и в разное время) с войной, трудно было представить себе, что старое политическое равновесие будет восстановлено быстро и без потрясений. Тем более после событий в России 1917 г. Октябрьская революция дала стимул всем социалистическим партиям для усиления максималистских течений. Они стремились следовать в направлении, указанном Лениным для соответствующих партий, или же, если это оказывалось невозможно, разрывали единство социалистических движений с целью создания коммунистических революционных партий. Эти партии сразу же противопоставили себя казавшейся им ограниченной позиции тех, кто отстаивал путь постепенных изменений перед лицом якобинского порыва сторонников немедленного восстания. Национальные ситуации и революционный миф становились лимитами, в рамках которых должно было действовать международное социалистическое движение. Но была ли в действительности возможна мировая революция? Было ли возможно, чтобы посланный революционным Петроградом 8 ноября 1917 г. призыв трудящимся всего мира к свержению своих правительств и созданию интернационала народов как единственно возможной гарантии мира вызвал отклик в остальном мире или, по крайней мере, в Европе?

Хотя с точки зрения марксистского теоретического анализа революция являлась продуктом крайней стадии развития капитализма и самосознания движения промышленного пролетариата, события, произошедшие в России, продемонстрировали, что революция могла пойти и другими путями. Первое различие в данной связи вытекало из разделения стран на страны-победительницы и страны-побежденные. В побежденных странах дегитимация правительств, связанная с поражением, всегда сопровождалась концом определенных государственно-политических режимов. В Германии, Австрии и Венгрии поражение означало также падение имперского режима и рождение республиканского правления. Республиканского и буржуазного? Ответ не был ни легким, ни быстрым.

1.12.2. ПОБЕЖДЕННЫЕ: ГЕРМАНИЯ, АВСТРИЯ И ВЕНГРИЯ

В Веймарской республике поражение вызвало острый кризис, который зачастую перерастал в классовую борьбу и переплетался с борьбой за установление демократического режима и преодоление экономического кризиса. С 1919 по 1924 г. республика пережила

одно за другим серьезные потрясения, контрапунктом которых стал экономический кризис, наглядно выразившийся в астрономической инфляции. Первое политическое столкновение, сопровождавшее само рождение республики, произошло при попытке группы «спартаковцев» (коммунистической группы под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург, образовавшейся внутри социал-демократической партии и преобразованной в начале 1919 г. в коммунистическую партию Германии) осуществить революционное восстание по ленинскому образцу и создать республику советов, основанную на силе пролетарского движения, самого мощного в Европе. Было ли в международном плане это событие, столь ожидавшееся всеми революционными силами и, в особенности, в Москве, сигналом к подъему революционной волны, которая должна была снести буржуазный порядок?

В начале января 1919 г. Берлин стал сценой революционного эксперимента, сразу же потопленного в крови (в том числе и в крови его главных героев). Временное правительство во главе с социал-демократом Фридрихом Эбертом не колеблясь обратилось за помощью к армии. С того момента был заключен пакт о сотрудничестве всех сил против коммунистов, исключивший всякую надежду на осуществление революции. Коммунистическая партия в течение определенного времени находилась вне институциональной системы и не участвовала в выборах в Учредительное собрание, которые выиграла социал-демократы Эберта, не получившие, однако, достаточного числа голосов для того, чтобы самостоятельно сформировать правительство. Начался период коалиционных правительств, включавших умеренные католические партии и либералов, на долю которых выпала трудная роль сдерживания напряженности, переживаемой страной, разорванной на части войной и охваченной страхом перед революцией. В феврале—мае попытки революционных выступлений были предприняты в Мюнхене, в Баварии. Курт Эйснер сформировал социалистическое правительство, выступавшее за отделение Баварии от Германии, однако 21 февраля он был убит. На другой день после этого преступления в Мюнхене была провозглашена советская республика, которая просуществовала дольше, чем берлинская, но была подавлена с помощью военной силы в конце апреля, подобно тому, как месяц спустя завершилась аналогичная попытка в Саксонии.

Кроме выступлений слева правительство должно было остерегаться также сторонников правых авторитарных режимов. С апреля 1919 г. по июнь 1920 г. оно столкнулось с восстанием германских войск в Прибалтике, возглавленным Рюдигером фон дер Гольцем. В марте 1920 г. настала очередь попытки переворота,

предпринятой ультранационалистами во главе с Вольфгангом Каппом и бароном Вальтером фон Лютвицем. Гораздо более опасной была фронда военных, которую возглавлял маршал Эрик фон Людендорф. В основе политики правых лежала другая концепция, не менее опасная и гораздо более конкретная, чем революционная: идея о том, что Германия проиграла войну только потому, что возглавлявшие ее политики предали страну, а затем хотели подчиниться *диктату*, навязанному державами-победительницами в виде мирного договора, — *диктату*, который противоречил обязательствам, взятым на себя самими союзниками, когда они согласились на капитуляцию Германии — не безусловную, а на основе 14 пунктов Вильсона. В этом политическом кредо содержался крайний и агрессивный национализм, уходивший корнями в военную и буржуазную среду и представлявший собой идеальную культурную почву для экстремистского ревизионизма.

В январе 1919 г. была основана национал-социалистическая партия Германии (NSDAP), к которой немного спустя присоединилась темная личность австрийского происхождения Адольф Гитлер. Партия выражала накопленные обиды и популистские, националистические, авторитарные настроения. Тогда никто не думал, что она может привлечь на свою сторону значительное число сторонников. Это казалось еще в меньшей степени возможным после провалившейся попытки путча, инсценированной Вольфгангом Каппом (март 1920 г.) — своего рода сигнала опасности, предупреждавшего о поддержке, которую могли получить реакционные силы.

В то время как Учредительное собрание занималось разработкой в Веймаре новой федеральной конституции для Германии, в тени экономического кризиса под покровом недовольства назревала буря. Немцы не смирились ни с унижениями, связанными с поражением, ни с ролью страны, поставленной под контроль, о котором державы-победительницы, и прежде всего французы, не уставали напоминать. Убийство в июне 1922 г. Вальтера фон Ратенау, еврея и министра иностранных дел, пытавшегося вплоть до Генуэзской конференции продолжать путь нормализации отношений с остальной Европой, стало еще одним симптомом этого затишья перед бурей. Революция в Германии потерпела свое самое громкое поражение, но победителем из него вышел слишком хрупкий союз между социал-демократами, центристскими силами и откровенно националистическими партиями.

Буржуазия отпраздновала свой триумф над военно-аристократической традицией и в течение нескольких лет жила надеждами, на культурное и политическое возрождение, которое Германия редко переживала в прошлом. Можно даже говорить освоенобраз-

ной культурной атмосфере, являвшейся плодом Веймарской республики. Однако этом триумфу буржуазии угрожало все более явное отстранение военной верхушки, растущее расхождение позиций крупных финансовых кругов и фанатичного национализма, посредниками между которыми пытались стать такие люди, как Штреземан, не способные скрыть подлинные цели своих действий. Господствующая буржуазия была, следовательно, готова продолжать гегемонистский курс, который Вильгельм II оставил ей в наследство и который был лишь на некоторое время прерван поражением.

Государственное устройство стало более неустойчивым в результате отказа от лояльности династии и трудностей формирования консенсуса вокруг правительственных формул, принуждавших к существованию глубоко враждебные партии, поддерживаемые столь же противоположными социальными силами. Однако постепенное стирание границ между публичной и частной сферами, предопределенное пассивным сопротивлением, борьбой против инфляции и потребностями восстановления экономики, создавало другую социальную базу, в которой нацизму легче будет укорениться.

В начале 1925 г. этот поворот уже висел в воздухе, хотя отрыв от начал проявляться только пять лет спустя. А тогда, после смерти социал-демократа Эберта, состоялись президентские выборы, и старый фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, монархист и кандидат от консервативных партий, был избран небольшим перевесом голосов, победив кандидата лево-центристской коалиции Вильгельма Маркса, католика, представителя партии «Центра», против которого голосовали коммунисты. Выдвинув на выборах своего кандидата, они фактически передали президентство в руки человека, приведшего Гитлера к власти.

Австрия и Венгрия переживали те же проблемы в сложных условиях территориального раскола, вызванного распадом Габсбургской империи. В Австрии с чувством горечи смирялись с переходом от руководства великой империи к руководству небольшим государством. Социал-демократы во главе с Карлом Реннером и Отто Бауэром начали движение за создание демократической, парламентской и прогрессивной республики. Однако если в Вене они имели сильную базу, то на остальную часть страны, где доминировала католическая христианско-социальная партия, они не могли рассчитывать. Существовало нестабильное равновесие между «красной» столицей и консервативно настроенной страной. Столкновения между правым правительством и социал-демократическим муниципалитетом Вены стали обычным явлением австрийской жизни.

В международном плане это имело важные последствия. Социал-демократы смотрели на республиканскую и политически более передовую, как тогда считалось, Германию, не скрывая стремления к аншлюсу в поисках выхода из промежуточной ситуации, когда правые силы обладали непропорционально большим весом. Христианско-социальная партия была против такой перспективы, лишившей бы ее правящего положения. В отличие от Германии проблема стабилизации в Австрии наталкивалась на серьезные политические препятствия, которые разнонаправленно воздействовали на ситуацию и отражали реальность новой страны, не основанную на автономной и сложившейся экономической структуре. Индустриальное общество и крестьянская традиция не могли выработать компромисса, и это создавало неуверенность как внутри страны, так и в международном плане, поскольку ставило под сомнение жизнеспособность республиканского государства.

В Венгрии не существовало социальных условий для столь глубокого раскола. В марте 1919 г. Бела Кун, лидер коммунистов и друг Ленина, едва вернувшись из Москвы, сумел после установления единого фронта с социалистами, захватить власть и навязать режим «революционного террора», против которого летом выступили французские, итальянские, румынские и югославские войска. В августе внутренним контрреволюционным силам, благодаря этой поддержке, и в особенности, румынской интервенции, удалось свергнуть коммунистическое правительство, развязав столь же жестокие, что и «революционный террор», репрессии. Впрочем, попытка Куна не имела ни малейшей перспективы в стране, где отсутствовало действительно широкое социалистическое движение, где было мало передовой, демократической буржуазии и где все еще господствовало социальное наследие габсбургского правления. Ностальгия аристократов и обида по поводу жесткости Трианонского договора играли, вероятно, объединяющую роль в государстве, которое насильственным образом стало однородным с этнической точки зрения, но которое испытывало горечь по поводу утраты территорий, отошедших к Югославии, Чехословакии и, прежде всего, Румынии. В Трансильвании население венгерского происхождения являлось постоянной причиной трений и нестабильности.

1.12.3. ПОБЕДИТЕЛИ: ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ФРАНЦИЯ, ИТАЛИЯ

Но и победителям не суждено было прожить первые послевоенные годы в атмосфере социального мира. Конечно, деятели, добившиеся для своих стран победы, пользовались авторитетом,

которому правители побежденных стран могли только позавидовать. Англия и Франция ожидали от своих ставших еще более обширными империй ресурсов для восстановления экономики. Возможно, только в Италии существовали условия для возникновения кризиса, способного подорвать основы системы. Поэтому в названных странах Европы не имела места связь между поражением и революцией, и чувствовался лишь отзвук, более или менее отдаленный, революции в России, но при этом — с совершенно различными акцентами.

В Великобритании сразу же после войны и завершения периода существования коалиционного правительства с участием лейбористов и консерваторов лидер либералов Дэвид Ллойд Джордж назначил новые выборы (декабрь 1918 г.), впервые на основе всеобщего избирательного права и с предоставлением права голоса женщинам. Сам премьер-министр вышел из состязания победителем, но его партия — Либеральная партия — была почти сметена с британской политической сцены и практически стала исчезать. Победа на выборах досталась прежде всего Консервативной партии во главе со Стэнли Болдуином, получившей подавляющее большинство голосов.

Лейбористы также впервые добились внушительного успеха и стали второй партией, завоевав таким образом положение официальной оппозиции в палате общин. Они преодолели расколы, имевшие место в их рядах во время войны и реорганизовали партию под влиянием группы интеллектуалов-реформистов, объединенных в Фабианское общество (*Fabian Society*). В 1920 г. им удалось создать новую структуру, органически объединявшую партию с Национальным советом труда (*National Council of Labour*), то есть с конфедерацией профсоюзов. Марксистское влияние в этой партии ограничивалось преобладанием реформизма фабианского толка. Когда в 1920 г. была создана независимая Коммунистическая партия Великобритании, обратившаяся с просьбой о вступлении в лейбористскую партию (*Labour Party*), она получила категорический отказ. В 1924 г. съезд лейбористов заявил о несовместимости принадлежности к лейбористской партии с членством в компартии. Это было откровенное и четкое разделение, не мешавшее, однако, английским социалистам с симпатией относиться к советской революции, а правительству способствовать установлению дипломатических отношений между Великобританией и СССР. Четкие различия сохранялись в определении политических целей и средств для их достижения. Таким образом социальное брожение, характерное для того периода и в Британии, также никогда не принимало разрушительного характера, какой оно имело в побежденных странах и в Италии.

Переход от военной экономики к мирной экономике был трудным, в том числе и для британцев. Инфляция и безработица вызвали ряд забастовок по всей стране, однако, за исключением отдельных случаев, не было необходимости прибегать к насильственному их подавлению. Напротив, профсоюзы сопровождали забастовки сильным давлением в поддержку конструктивных переговоров, способных найти решение насущных проблем.

Консервативно-либеральное правительство Ллойд Джорджа не всегда было на высоте ситуации. Связанное ходом Парижских переговоров и обязательством пересмотреть свою колониальную политику, оно не сумело устранить экономические и социальные причины волнений. В 1919 г. бастовала даже полиция. Протекционистские меры, принятые в 1921 г., не привели к снижению безработицы и дискредитировали Ллойд Джорджа. Впрочем, ему не удалось даже отстоять те международные проекты реконструкции, в результате осуществления которых должен был начаться, как он надеялся, производственный подъем, что помогло бы экономическому возрождению страны. Эти неудачи привели к падению его правительства. Его заменил сначала консерватор Бонар Лоу, а канцлером казначейства стал Болдуин. Были назначены новые выборы, единственным результатом которых стала демонстрация парламентского влияния лейбористов. Болезнь и смерть Бонара Лоу привели к формированию первого правительства Болдуина в мае 1923 г.

Результаты последовавших затем выборов были неожиданными, поскольку благодаря мажоритарной системе незначительное изменение количества голосов (сокращение на 0,1% у консерваторов и увеличение на 1,1% у лейбористов) привело к значительному уменьшению количества мест в парламенте консерваторов и они получили лишь относительное большинство. Лейбористы при поддержке либералов смогли в январе 1924 г. сформировать свое первое в истории Англии правительство во главе с Макдональдом, получившим полный контроль над партией. Именно тогда Великобритания, казалось, вышла из мрачной атмосферы военных лет. Хотя лейбористское правительство было лишь интермедией, оно впервые продемонстрировало желание решительно поставить ряд социальных проблем (таких, как безработица), которые до сих пор представлялись неразрешимыми. Возникло ощущение, что Великобритания вновь способна вернуться на путь постепенного социально-экономического реформизма, соответствовавшего характеру ее жизни в течение прошлого века.

Однако в октябре 1924 г. под давлением консерваторов слабое большинство Макдональда распалось. Были еще раз назначены

выборы, во время которых лейбористы расплатились за обвинения в просоветской позиции, основанные на письме с призывом к совершению революции, направленном Зиновьевым от лица Коминтерна Компартии Великобритании. Публикация письма накануне выборов положила тень подозрений в антинациональной позиции не только на коммунистов, но на всех британских левых. Консерваторы выиграли выборы, получив подавляющее большинство голосов. Болдуин вновь вернулся к власти; министром иностранных дел стал Остин Чемберлен. Все это имело прямые последствия для международной жизни, поскольку расположенность, демонстрировавшаяся Макдональдом в отношении Эррио при подписании Женевского протокола¹ была отвергнута в пользу возвращения к более традиционным подходам.

Во Франции тему мирных переговоров было труднее отделить от проблем социального характера. Социалисты СФИО (*SFIO — Section Francaise de l'Internationale Ouvriere*) участвовали в правительстве национального единства (*Union Sacree — «священное единение»*), преодолевая большие внутренние разногласия. После окончания военных действий они вышли из коалиции, возглавлявшейся до выборов ноября 1919 г. Жоржем Клемансо, главным действующим лицом последнего этапа борьбы с Германией, а также противостояния коммунистической опасности и угрозе ее распространения по Европе. Эту угрозу необходимо было предотвратить созданием «санитарного кордона», способного ограничить распространение заразы, с ней следовало также бороться, помогая русским контрреволюционерам. В 1919 г. интересы национальной политики одержали верх над социально-экономическими интересами. На выборах в ноябре социалисты и радикал-социалисты, бывшие триумфаторами в 1914 г., потерпели безусловное поражение (более явное по числу мест в парламенте, чем по числу голосов) от Национального блока, в который вошли традиционные националистические силы французской светской буржуазии и умеренного радикализма. Подавляющее большинство, которым они обладали, позволило говорить о «серо-голубой палате», по цветам мундиров многих избранных в парламент военных. Это было большинство (возглавляемое Клемансо, а с января 1920 г. — Александром Мильераном), которое стремилось урегулировать внутренние проблемы с помощью политики «твердой руки». Социальные волнения января-июня 1919 г. были успешно подавлены. Впрочем, социалистам не удалось распространить их

¹ Имеется в виду протокол «О мирном урегулировании международных конфликтов», принятый на ассамблее Лиги Наций 2 октября 1924 г. Ввиду англо-французских противоречий протокол не был ратифицирован. — *Прим. редакции.*

за определенные рамки, тем более что в июле 1919 г. они решили не присоединяться к международной забастовке протеста против контрреволюционной интервенции в России.

Социалистическое движение было сильным, однако гегемония буржуазии, преобладание проблем внешней политики, внутренний конфликт, приведший в декабре 1920 г. к расколу (о котором было заявлено на съезде в Туре, когда была основана Французская коммунистическая партия), ослабили его. В этой политической ситуации парламентское большинство, хотя и разнородное по своему политическому составу, оставалось сплоченным в проведении политики дефляции и проецирования внутренних противоречий на международную сферу.

Активность с целью утверждения ведущей роли Франции на континенте получила наибольший импульс, когда премьер-министром стал эльзасец Раймон Пуанкаре (1922–1924 гг.). В январе 1923 г. эта тенденция нашла воплощение в оккупации Рурской области. Во Франции, следовательно, численный и парламентский потенциал левых сдерживался прочностью бастиона умеренно-центристских светских сил, укреплявшегося за счет националистической кампании и недоверия к Германии. По существу, даже когда особый этап первых послевоенных лет закончился, и в 1924 г. в результате победы на выборах Левого блока, образованного радикалами и социалистами, было создано правительство Эррио (а министром иностранных дел стал Аристид Бриан), международная ориентация Франции не изменилась, хотя и стала проявляться менее явно. Не случайно, Бриан смог продолжать руководить французской внешней политикой — хотя и в череде сменяющих друг друга вариантов правительственного большинства — также и после возвращения к власти в 1926 г. Пуанкаре. Это было показателем глубокой стабильности основополагающего блока власти и интересов. Впрочем, и во Франции, хотя несколькими месяцами позже Великобритании, начиная с 1925 г. экономический подъем также способствовал излечению многих ран, нанесенных войной, и период материального благополучия, казалось, сделал ощутимой нормализацию.

Из стран-победительниц Италия в наибольшей степени испытывала последствия войны. Следы длительной полемики, предшествовавшей ее вступлению в войну в 1915 г., продолжали давать о себе знать, а то, как итальянские требования рассматривались на Парижской конференции лишь обострило — на двух противоположных фронтах — существовавшие в стране противоречия. Это ожесточило оппозиционные правительству силы, обвинявшие итальянских представителей на Парижской конференции

(Витторио Эмануэле Орландо и Сиднея Соннино) в неспособности отстоять свою точку зрения, что внесло вклад в основание мифа об «искаленной победе» (по выражению поэта Габриэле Д'Аннунцио), то есть теории, согласно которой итальянцы добились видимой победы, а по сути — поражения, оплаченного ценой больших человеческих и социально-экономических жертв, и имели, следовательно, более серьезные основания для включения в ревизионистский блок, чем для солидаризации с «удовлетворенными» державами (если допустить, что таковые были). Такую ситуацию обостряли и те, кто, особенно в лагере социалистов и демократической левой, считал ошибкой и даже преступлением участие в войне — ошибкой или преступлением, бесплодность которых подтверждалась фактами. Следствием этой неудовлетворенности была серия политических волнений, делавших еще более трудным возвращение к нормальной ситуации. Захват Д'Аннунцио Фиуме¹ был лишь первым из серии эпизодов, связанных с новой международной позицией Италии, эпизодом, обозначившим путь нарушения законности и авантюризма, по которому Муссолини спонтанно следовал в последующие годы.

С другой стороны, во внутренней социально-политической ситуации также не наблюдалось быстрой стабилизации. Проблемы, существовавшие во всех странах, которые участвовали в конфликте, переживались слабой итальянской экономикой и хрупкой политической организацией страны еще более болезненно. Правда, структура экономики укрепилась в результате войны, потребовавшей крупных инвестиций в тяжелую промышленность, что ускорило темпы роста индустрии и темпы роста прибыли в соответствии с тенденцией предшествовавшего десятилетия. Однако послевоенная конверсия промышленности, сохраняющаяся бедность в деревне, нищета на юге усугубились после окончания военных действий из-за проблемы включения в производственную жизнь ветеранов войны.

В этой экономической обстановке назрели новые важные политические события. В январе 1919 г. дон Луиджи Стурцо основал народную партию, первую организацию католического направления, вошедшую в качестве автономного субъекта в политическую жизнь страны. Социалистическая партия, основанная в 1892 г. и превратившаяся уже в предвоенный период в мощную притягательную силу для трудящихся классов, все более укреплялась

¹ В сентябре 1919 г. итальянский писатель и политический деятель Д'Аннунцио возглавил экспедицию, захватившую югославский город Риеку (Фиуме), на который претендовала Италия. Д'Аннунцио объявил Фиуме итальянским городом и оставался его комендантом до декабря 1920 г. — *Прим. редакции.*

и стала в конце концов главной политической организацией Италии. Партиям довоенной демократии не удалось приспособиться к изменениям. Когда в ноябре 1919 г. впервые состоялись выборы, основанные на всеобщем избирательном праве и пропорциональном представительстве, социалисты получили почти 32% голосов, пополари¹ — немногим более 20%. Все вместе новые партии получили больше голосов, чем партии, которые вели свое происхождение от политической традиции пострисорджименто. Это было изменение, указывавшее прежде всего на усиление левых, в отношении которых католическое движение не могло оставаться индифферентным, хотя его лидеры были склонны к союзу с буржуазными силами.

На фоне такой политико-экономической ситуации нарастали социальные волнения. Забастовки следовали одна за другой; социалистическая партия находилась под огромным влиянием русского опыта и ощущала близость революции. Реформистское крыло стало меньшинством по отношению к максималистам, которые группировались слева вокруг группы «Ордине Нуово», основанной в январе 1921 г. Итальянскую коммунистическую партию. Правительства Нитти (1919 г.) и Джолитти (1919–1921 гг.) стремились смягчить кризис и ослабить напряженность, связанную с забастовочной борьбой, используя метод заключения коллективных договоров. Ни одному из них не удалось получить поддержку, достаточную для осуществления последовательных программ. Столкновение по вопросам внешней политики (в особенности по вопросу о границе в Джулии) и последовательная светская ориентация Джолитти ограничивали поддержку, которой могли располагать оба государственных деятеля, и те политические силы, на которые они опирались. Наиболее сильный удар системе был нанесен, однако, неожиданным обострением общенационального кризиса к середине 1921 г.

Такому обострению ситуации способствовали два ряда событий, совершенно противоположные по своей направленности: деятельность фашистского движения и революционный подъем, приведший в августе-сентябре 1920 г. к занятию рабочими основных предприятий Севера. Фашистское движение было основано Муссолини в марте 1919 г. Бенито Муссолини в прошлом являлся социалистом-максималистом, затем горячим интервенционистом, а позднее — представителем мира фронтовиков. Его личность и движение воплощали в себе в 1919 г. ряд противоречивых чаяний:

¹ Пополари (*popolari*) в Италии называли членов Итальянской народной партии — Partito popolare italiano. — *Прим. перев.*

жесткую оппозицию по отношению к традиционным правящим классам, виновным в проведении недостаточно активной политики в отношении союзников (Муссолини поддержал, хотя и с некоторыми оговорками, поход Д'Аннунцио), но в то же время и столь же жесткую враждебность в отношении социалистов, обвинявшихся в предательстве национальных ценностей. Он уловил признаки упадка довоенных политических сил и трудности создания новых правящих коалиций и пытался найти пространство для утверждения формирующихся сил с неясными программами, но движимых желанием навязать смену правящей политической элиты, а также — воинствующими антисоциализмом. Ограниченность фашистского движения была связана с его неспособностью получить поддержку средней и мелкой буржуазии из-за насильственных методов, использовавшихся фашистскими отрядами в их акциях против социалистов.

Это отношение изменилось в конце 1920 — 1921 г. 1920 год стал годом, когда в Италии было отмечено наибольшее число забастовок. Огромный страх, который профсоюзное движение и левые партии вызывали в предпринимательских кругах, укрепил фашистское движение (которое, в свою очередь, усиленно акцентировало свой антисоциалистический характер). Разрешение Джолитти ситуации путем активизации деятельности предприятий методами, широко признанными в истории за их эффективность, не было воспринято их владельцами и буржуазным миром с необходимой прозорливостью. Нараставший гул революции усилил позиции тех, кто выступал за жестокие репрессии.

Фашистское движение начало расти. Его отряды, выступавшие против рабочих и батраков, формировались в городах и в деревнях. Они превратились в светскую власть, осуществлявшую репрессии от имени предпринимателей. С политической точки зрения деятельность Муссолини считалась оправданной, поскольку буржуазные партии полагали, что фашизм был всего лишь болезнью, краткой, но необходимой. По их мнению, кратковременное применение репрессивного насилия должно было смягчить ситуацию, и фашисты также вынуждены будут адаптироваться к наступившему порядку. Именно поэтому фашистские кандидаты на выборах в мае 1921 г. были включены в «национальный блок» в качестве представителей буржуазного порядка, который они призывали уничтожить и в защитников которого они превратились. В ноябре 1921 г. фашистское движение сформировалось в партию. Муссолини удалось столь искусно и эффективно маневрировать в парламенте и в стране, что в конце концов он предстал в качестве единственного человека, способ-

ного устроить Италии спасительную встряску, которая, хотя и была бы кратковременной, позволила бы стране выйти из длительного периода послевоенного хаоса и правительственной нестабильности. Социалисты не смогли достаточно решительно контратаковать его позиции.

В октябре 1922 г. после марша фашистских отрядов на Рим, организованного при многочисленных актах попустительства со стороны правительства, Муссолини был уполномочен королем Виктором Эммануилом III Савойским сформировать правительство. Для Италии начинался новый исторический период, хотя и не все полностью отдавали себе в этом отчет. В самом деле, Муссолини возглавлял партию, которая имела в палате депутатов только тридцать представителей. Ему нужно было создать себе абсолютное большинство, и он добился этого, приняв несправедливый мажоритарный закон и проведя затем избирательную кампанию в обстановке запугивания.

После выборов в ноябре 1923 г., результаты которых подтвердили его предрешенную победу, новое правительство вступило в самый трудный этап своего существования. Методы, использованные фашистами во время выборов, возмутили как их политических противников, так и многих представителей симпатизировавших им сил. Когда в июне 1924 г. был убит депутат-социалист Джакомо Маттеотти, протестовавший именно против незаконности результатов выборов, Муссолини называли виновным в убийстве или, по крайней мере, вдохновителем преступления. В течение полугодя его положение оставалось неустойчивым. В конце 1924 г. ему удалось вновь получить необходимую поддержку и доверие короля. В январе 1925 г. он начал осуществлять ряд законодательных мер, которые в последующем превратят итальянское либеральное государство в авторитарный режим, а несколько лет спустя — в личную диктатуру. Италия была первой из крупных европейских стран, переживших такую трансформацию.

Муссолини, придя к власти в Италии, не сразу проявил свою агрессивность в сфере международной жизни. Начиная с 1922 г. он стремился удовлетворить две потребности: предстать внутри страны как подлинный творец итальянского величия и мощи и добиться от других держав признания роли Италии в Европе и в мире. В 1923 г. он продемонстрировал небольшой пример своей способности вносить беспорядок в международную жизнь. Но мало кто захотел принять всерьез его действия. Впрочем, эпизод был незначительный, и можно было притвориться, что его не заметили.

В ответ на убийство в августе 1923 г. итальянского генерала Энрико Теллини, возглавлявшего международную комиссию экспертов, уполномоченную провести границу между Грецией и Албанией, итальянское правительство выдвинуло греческому правительству ультиматум с нереальными условиями (именно так, поскольку в нем требовалось поймать и осудить виновных за несколько дней). В качестве наказания за неизбежное неисполнение греческой стороной условий ультиматума после морской бомбардировки, приведшей к большому числу жертв, Муссолини отдал приказ оккупировать остров Корфу, имея в виду, что эта оккупация со временем может стать постоянной, если позволят обстоятельства. Муссолини действовал подобным образом, поскольку, находясь у власти менее года, он нуждался в шумных успехах, поднимающих его престиж, которые возвестили бы Италии и всему миру о повороте, осуществленном с приходом к власти будущего диктатора.

В свою очередь, греческое правительство, потерпевшее поражение от Турции, отреагировало весьма энергично, передав вопрос в Совет Лиги Наций, который должен был принять решение как по поводу требований, содержащихся в итальянском ультиматуме, так и по поводу протестов Греции. Это решение, однако, не было принято, поскольку Совет предпочел отказаться от своей компетенции в этом вопросе, сочтя, что данную проблему прежде всего должна была обсудить конференция послов, то есть орган, созданный державами Антанты для контроля за практическим исполнением мирных договоров — его уполномоченным и был генерал Теллини. Отказ от реализации собственных полномочий отражал ситуацию, складывавшуюся в международно-правовом плане. Муссолини предупредил других членов Совета, что в случае, если они будут обсуждать вопрос о протесте Греции, Италия может даже выйти из Лиги Наций. В то же время Франция, в обмен на поддержку, полученную от Италии во время оккупации Рура, предложила в качестве выхода юридический компромисс. Однако этот компромисс не служил обнадеживающим симптомом относительно эффективности Лиги Наций в выполнении задач, поставленных перед ней Уставом. В то же время это был удручающий симптом в отношении подчинения интересов всеобщего мира и международного права потребностям державной политики.

Несмотря на тревожный симптом кризиса вокруг Корфу и той грубой полемики, посредством которой Муссолини в конце 1924 г. помог Чемберлену провалить проект Женевского протокола, подготовленного Эррио и Макдональдом, в итальянской внешней политике в течение нескольких лет, казалось, преобладало

стремление способствовать восстановлению нормального климата в Европе. Однако при более внимательном рассмотрении за пацифизмом Муссолини с самого начала скрывалось двуличие и обиды, не отличавшиеся от тех, что испытывали другие европейские страны. Однако фашистский вождь намеревался как можно скорее добиться их реализации на практике. Главное в его двуличии состояло в абсолютной свободе выбора средств, с помощью которых можно было достигнуть укрепления имперских позиций Италии и ее позиций в Средиземноморье и на Балканах.

Муссолини рассуждал в категориях чисто державной политики и не заметил, за исключением разве что русского вопроса, масштаба происходивших изменений. Его глубочайшая неприязнь к Вильсону, сформировавшаяся во время кризиса 1919 г. вокруг Фиуме, переросла в психологическом плане в серьезные затруднения, не позволявшие ему рассматривать Соединенные Штаты иначе, чем финансовую державу, пренебрегая при этом их политическим потенциалом. Поэтому его дипломатическая стратегия базировалась на подспудном противопоставлении в европейской жизни сил, стремящихся к порядку, и сил, стремящихся к переменам. Он выбирал для Италии позицию в зависимости от обстоятельств, а не на основе постоянного и продуманного замысла. До тех пор, пока ситуация в Европе контролировалась державами-победительницами, его свобода маневра оставалась ограниченной. Однако способ, каким он перешел с профранцузской позиции 1923–1924 гг. к проанглийской в 1924–1929 гг. (за исключением периодов кратковременных разногласий) предвосхищал ненадежность его обязательств.

Вероятно, для английской дипломатии могла быть полезной возможность рассчитывать на силу, которая в Европе и в Средиземноморье противостояла французской гегемонии. Однако, отвлекаясь от такой трактовки, следует учитывать, что существовала определенная направленность итальянской политики, а именно — склонность к беспринципности, которая воплотила в себе всю хрупкость иллюзорных представлений относительно нормализации европейской ситуации. Впрочем, итальянская политика на Балканском полуострове и в области морского разоружения лишь подтверждала эти тенденции. И, следовательно, в самой слабой из держав-победительниц процесс восстановления осуществлялся новыми методами, сопровождавшимися возрождением старых амбиций, которые утверждались, однако, с новой энергией и которые отбрасывали зловещую тень на все то, что произошло позднее, когда обстоятельства изменились.

Глава вторая

**«ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ»
И ПЕРВЫЙ КРИЗИС
ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ**

2.1. Общие соображения

2.1.1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

На первый взгляд, экономическая депрессия, начавшаяся крахом на Нью-Йоркской фондовой бирже 24 октября 1929 г. и достигшая кульминации в Европе в 1932 г., а затем постепенно уступившая место подъему экономики, по-разному протекавшему в различных странах и продолжавшемуся до Второй мировой войны, противоречит отмеченной в предыдущей главе способности международной финансовой системы управлять мировой экономикой благодаря глубокому пониманию протагонистами этой системы основных проблем и их политических взаимосвязей. Кроме того, экономическая депрессия требует более точного определения границы между проблемами финансов и производства и международной политической жизнью. Иными словами, она ставит задачу установления причинно-следственных взаимосвязей между различными элементами международной жизни. В частности, требуется дать ответ на вопрос, неоднократно ставившийся в историографии, относительно связи между коллапсом мировой экономической системы и политическими процессами происхождения Второй мировой войны.

Действительно, в подходе к экономическому кризису необходимо, в частности, избежать слишком схематичной и прямолинейной трактовки связи между экономическими фактами и политическими аспектами международных отношений. Модель рыночной экономической системы восходит к периоду промышленной революции. Она получила законченный вид в XIX веке, когда это понятие стало совпадать с понятием капиталистической экономики. Однако полное совмещение этих понятий не было возможно никогда, поскольку первое делало акцент на существовании рынка как регулирующего элемента экономической жизни, а второе — на накоплении капитала в качестве характерной черты, часто преобладающей над категориями рыночной экономики,

хотя и восходящей к прошлым векам. Первая мировая война выявила разного рода противоречия и проблемы, которые следовало решать, вновь обращаясь к ним как к опыту, подлежащему рассмотрению и исправлению, но не полному отрицанию.

Хотя способ действий создателей Версальской системы допускал критический анализ как с политической, так и с экономической точки зрения, результаты такого анализа не могли быть плодом размышлений одного или нескольких теоретиков системы. Это могло быть верным в отношении антикапиталистических концепций, выводящих из критики экономической системы ряд субъективных предложений в пользу создания другой, частично или радикально модифицированной, системы. При этом не ощущалась необходимость *a priori* проводить сравнение с другими явлениями, кроме проявившихся в экономической жизни последних лет. Деятели, которые после 1919 г. должны были в рамках существующей системы отвечать на вызовы времени, то есть на периодически возникавшие проблемы, не могли иметь в своем распоряжении набора уже опробованных средств, поскольку проблемы были новыми, а готовых рецептов их решения не существовало.

Иными словами, мировая финансовая система управлялась крупными частными банкирами, руководителями наиболее значительных государственных банков, министрами финансов ведущих держав, которые впервые оказались перед необходимостью реагировать на глобальный вызов, не обладая проверенными способами «лечения». План Дауэса инициировал процесс краткосрочного оздоровления экономики. В начале 1929 г., года окончания его действия, никто не мог предусмотреть, будет ли это временное средство эффективным также и с точки зрения структуры в целом и решит ли новые проблемы, которые оставила в наследство война, а они вовсе не ограничивались только вопросами долгов и репараций. Вопреки односторонним интерпретациям, больше всего в этой ситуации поражает неспособность согласовать в своих решениях финансово-экономические аспекты с политическими, неспособность представителей деловых кругов воспринимать новые проблемы или же их медленная адаптация к новым обстоятельствам, а также способность политиков «придумывать» кризисные ситуации.

Для того, чтобы привести некоторые примеры таких противоречий, достаточно вспомнить, что финансовая система задумывалась как независимая, в то время как торговая система формировалась со все большими трудностями. Только англичане и только до 1931 г. последовательно придерживались принципов свободной торговли. Соединенные Штаты, сделавшие принципы свободной

торговли при Вильсоне своим знаменем, защищали свой рынок высокими тарифами, и хотя международная экономическая конференция, созванная Лигой Наций в Женеве в 1927 г., рекомендовала приостановить их действие, в 1930 г. законом Холи–Смута (Smooth–Hawley Tariff Act) они ввели ультрапротекционистские тарифы, скопированные в то же самое время европейскими странами и Японией. Однако самой сложной была ситуация в Австрии и в других вновь образовавшихся странах. Они должны были доказать и внутри своей страны и внешнему миру свою экономическую самостоятельность, но сделать это им удалось только с помощью жесточайшей протекционистской политики.

2.1.2. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОТВЕТ НА АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Два других характерных явления тех лет состояли в быстром изменении социальной структуры в отдельных отраслях производства, связанном с реорганизацией механизированного труда, и в общей неопределенности отношений между социальными классами. В 1922–1923 гг. страх перед неминуемой революцией уступил место восстановлению контроля правящих кругов за ситуацией с помощью традиционных инструментов или же прибегая к авторитаризму. Однако, когда исчез страх, осталась главная проблема, а именно — не был дан однозначный ответ на вопрос, поставленный кризисом, о взаимосвязи между правительствами и массовым обществом. Стало очевидно, что сами массы не хотели революции и были не в состоянии ее осуществить; но было также очевидно и то, что они не удовлетворялись возвращением к довоенному положению эксплуатируемых, и что их невозможно побудить забыть о своих собственных интересах во имя высшего национального интереса, как это происходило во время войны. Избежать столкновения классов было возможно, но ценой осуществления реформистской политики — пронизанной патернализмом в авторитарных режимах или же согласованной с социалистическими силами, как это происходило во Франции и в Великобритании, несмотря на элементы острых внутренних противоречий, сопровождавших процессы подобной перестройки. Иными словами, каким бы ни был политический режим, возникший в результате послевоенного кризиса, политические и экономические действия всех правительств мира обуславливались необходимостью по-новому определять отношения с социальными классами.

Фоном всех этих процессов и десять лет спустя после войны продолжало оставаться все еще сохраняющееся соперничество

двух держав: Франции и Германии. Эпоха Бриана и Штресемана исчерпала себя, приведя к некоторым поверхностным изменениям, сгладившим острые углы, но не устранившим глубинные причины враждебности. *A posteriori* трудно разобраться, был ли оптимизм второй половины двадцатых годов плодом наивности, простодушия, доброй воли тех, кто ограничивался построением словесных конструкций, или же это был результат взаимного и сознательного обмана, направленного на то, чтобы отложить подведение итогов до того момента, когда жертвы, только что принесенные войне, отойдут в прошлое в сознании людей и вновь станет возможным появление старого и нового национализма в старой и новой Европе. Однако в целом эти черты международной жизни препятствовали тому, чтобы размышления о мировых проблемах в категориях рационализации управления глобальными финансами, столкнулись бы с реальностью, пропитанной обидами, преобладающими над строгой рациональностью и порождающими конфликты.

Прежде чем конкретно анализировать политическое значение экономического кризиса 1929–1932 гг. следует учесть эти основополагающие моменты. В самом деле, они демонстрируют невозможность дифференциации различных проектов развития международных отношений. Следовательно, исходя из опыта первого послевоенного десятилетия, нельзя не учитывать взаимодействие между различными аспектами политики, проводимой каждым отдельным правительством.

2.2. Финансовый кризис и кризис производства

2.2.1. КРАХ НА УОЛЛ-СТРИТ

24 октября 1929 г. на фондовой бирже на Уолл-стрит в Нью-Йорке раздался первый серьезный сигнал тревоги: 13 млн. акций были проданы по рекордно низким ценам. Это было только начало. «Черным вторником» американской фондовой биржи стало 29 октября, когда после недели непрекращавшегося падения стоимости акций было продано еще 16 миллионов. Несмотря на некоторые моменты улучшения ситуации, падение стоимости акций продолжалось на протяжении всего ноября, затем остановилось приблизительно на год и продолжалось почти безостановочно, достигнув минимального значения в июне 1932 г. Лишь в 1936 г. стоимость акций поднялась до докризисного уровня. В 1932 г. средние котировки основных мировых бирж снизились на величину от трети до четверти по сравнению с уровнем 1927 г., и без

того низким. Вначале кризис создавал впечатление биржевого кризиса, связанного прежде всего с ажиотажными спекуляциями, искусственно вызвавшими повышение цен, с излишней ролью трестов и инвестиционных компаний в американской финансовой жизни, что увеличивало долю капитала, подверженного риску, и смешивало солидные предприятия с авантюрными. Кредитные ужесточения выявили перепроизводство товаров (автомобилей, продукции строительной отрасли), а также серьезные трудности, связанные с падением цен на сельскохозяйственные и продовольственные товары, такие как зерно, хлопок и мясо, составлявшие главные статьи в американском продовольственном экспорте, и затрагивавшие государства, традиционно важные для американской экономики.

Безработица возросла до 1 млн 600 тыс. человек, что еще не являлось тревожным признаком, в том числе и потому, что биржевой кризис не привел немедленно к краху производственной деятельности. Напротив, она достигла в целом в 1929 г. более высокого по сравнению с индексом 1913 г. (взятым за 100) индекса — 180, 08 пунктов, а в 1930 г. индекс производства оставался еще достаточно высоким — 148. В определенном смысле, именно искусственный рост производства в 1929 г. увеличил масштаб катастрофы, когда производство снизилось в 1932 г. ниже уровня, взятого в качестве параметра, — до индекса 93,7.

2.2.2. ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОПЫ

Если бы американский биржевой кризис остался ограниченным Соединенными Штатами, то, вероятно, он развивался бы в рамках циклического, а не структурного кризиса. Однако, он повлиял на ситуацию в Европе, в которой несколько месяцев спустя после краха на Уолл-стрит начали проявляться признаки ухудшения ситуации. В Германии приостановка потока долгосрочных кредитов из Соединенных Штатов, связанная с ростом в 1928 г. и в первой половине 1929 г. котировок на Нью-Йоркской бирже и, соответственно, с меньшей склонностью американских финансистов к инвестициям за границей, привела к резкому инфляционному скачку и кризису производства. В 1932 г. число немецких безработных достигло почти 6 млн человек (больше американского уровня), что составляло около половины всех наемных рабочих.

Связь между прекращением кредитования и безработицей очень важна. Политические последствия были неизбежными, ибо вновь возрождались страхи и недовольство, характерные для 1923 г. Когда рост пособий, выплачиваемых безработным, привел к труд-

ностям в системе социального обеспечения, существовавшей для преодоления кризисных моментов, канцлер Брюнинг и министр финансов Лютер начали проводить дефляционную политику, лишившую их поддержки социалистов. В течение нескольких месяцев Брюнинг управлял посредством декретов, затем он попытался обойти растущую оппозицию в рейхстаге, назначив на сентябрь 1930 г. новые выборы. Результат оказался обеспокаивающим, поскольку нацистская партия Адольфа Гитлера, которая до того момента имела незначительное представительство, получила более чем 100 мест. Сочетание национализма с экономическим кризисом дало свой первый результат. Брюнинг пытался найти выход с помощью проведения более динамичной внешней политики, не добившись никакого успеха, но нанеся при этом серьезный ущерб финансовой сфере, поскольку иностранные банки и, в особенности, американские, поспешно вывели свои капиталы, вложенные в экономику Германии и Австрии.

Пытаясь создать таможенный союз двух стран, Брюнинг только взбудоражил их, добившись роста недоверия к намерениям немцев. Другой сигнал был послан полупровалом займа, предоставленного по плану Юнга.

В Великобритании кризис характеризовался безработицей, явившейся следствием снижения конкурентоспособности британских товаров в результате искусственно завышенного курса фунта стерлингов. Тот же самый феномен был характерен для Италии как следствие политики «квоты 90», введенной Муссолини. Летом 1930 г. ряд итальянских банков столкнулся с серьезными трудностями, вынудившими правительство и Банк Италии осуществить меры по вмешательству, сохранявшиеся в секрете (и, следовательно, не повлиявшие на общественные настроения), в результате которых был запущен механизм спасения сначала банков, а затем промышленности, давший впоследствии жизнь Институту промышленной реконструкции (IRI).

В течение 1930 г. американский кризис начал, следовательно, сказываться на странах Европы, не проявляясь, однако, в шокирующих формах (за исключением Германии). Именно стремительное развитие ситуации в Австрии вновь поставило этот вопрос и привело к проявлению непосредственной и очевидной связи между положением в Европе и Америке, сведя на нет частичное восстановление экономики по ту сторону Атлантики в конце 1930 — начале 1931 г.

Австрийская экономика так и не оправилась от ударов, нанесенных политическим урегулированием в Дунайско-Балканском регионе по Сен-Жерменскому договору, и не восстановила спо-

способность существовать автономно. В Австрии экономическая система основывалась на тесных связях между банками и промышленностью, позволявших осуществлять движение капиталов, необходимое для инвестиций. С утратой территории империи и, в особенности, порта Триест и района Судет, наиболее выгодных для австрийской промышленности, зоны торговли оказались оторванными от производителей, сталкивавшихся с постоянными трудностями и пережившими существенное сокращение рабочей силы. Безработица до момента кризиса колебалась в диапазоне 10–15% рабочей силы; некоторые промышленные предприятия были вынуждены уступить ценные бумаги, стоимость которых падала, банкам, оказавшимся обремененными этими обязательствами. Только займы, предоставленные Лигой Наций, создавали минимальный зазор в этих экономических тисках.

Главным австрийским банком был Кредитенштальт, объединивший под своим контролем ряд небольших банков. Он получил от них в качестве взноса промышленные акции, приносившие больше потерь, чем прибылей. Когда в мае 1931 г. руководство банка оказалось перед необходимостью проверить состояние своих финансов, то выяснилось, что пассивы превышали активы, а это вело к краху. Затем последовали попытки спасения, как внутри страны, так и извне, тесно связанные с полемикой по поводу австро-германского таможенного союза, который пытались создать и отказом от которого французы обусловили свое вмешательство. Только в августе Лиге Наций удалось собрать сумму в 250 млн австрийских шиллингов, в результате чего австрийская финансовая жизнь была практически поставлена под иностранный контроль — так, как будто бы речь шла о протекторате. Тем временем случилось самое худшее. Из австрийского банка и из Австрии вывели капиталы все те, кто мог это сделать (как австрийцы, так и иностранцы), приведя в движение волну паники, охватившей весь мир, за исключением Советского Союза, осуществлявшего в изоляции свой первый пятилетний план (1928–1932 гг.). Кризис, до того являвшийся только американским и лишь частично европейским, превращался в великую мировую депрессию, мощный удар для всей финансовой системы, настолько сильный, что приходилось сомневаться в самой возможности ее выживания.

Летом 1931 г., в то время как происходили попытки спасти Кредитенштальт, весь механизм, связанный с репарациями и межсоюзническими долгами, оказался заблокированным. Платежи были прекращены, инвестиции и перемещение капиталов парализовано, банки один за другим терпели крах. В Америке финансовый кризис перерос в экономический кризис.

После Соединенных Штатов, Германии, Италии и Австрии настала очередь Великобритании. Тот факт, что сохранялся «золотой стандарт» (*Gold Standard*) фунта стерлингов, неизбежно привел к напряженности в финансовой сфере, поскольку потенциально британская валюта становилась валютой-«прибежищем». В реальности фунт стерлингов был переоценен по отношению к своей покупательной способности на мировом рынке, а золотой стандарт был связан со стабильностью мировой экономической ситуации. Растущая напряженность обнажила хрупкость британской финансовой системы. Золотые резервы и валюта Английского банка сократились до более чем рискованного предела. Тому, кто претендовал на проведение политики глобального валютно-финансового превосходства, неоткуда было ждать помощи.

Английское правительство, вверенное в тот момент Рамсею Макдональду, возглавлявшему коалицию «национального единства», было вынуждено 21 сентября отказаться от «золотого стандарта», что вызвало обесценивание всех валют, связанных с британской: валют стран Содружества, Северной Европы, части Центральной и Средиземноморской Европы, Латинской Америки. В общей сложности британскому примеру последовали 25 валют, что оказалось пагубным и для Соединенных Штатов, все еще привязанных к «золотому стандарту». Массы обладателей долларов поспешили потребовать их обмена на золото, что в итоге создало трудности для Федерального резервного банка Нью-Йорка (*Federal Reserve Bank*), вынужденного за несколько дней постепенно поднять учетную ставку с 1,5 до 3,5%. Поспешная конвертация долларов в золото немедленно сказалась и на американских ценах, которые, не будучи девальвированы, мгновенно привели к трудностям в связи с торговой конкуренцией на мировом рынке, несмотря на протекционистские меры, установленные в 1930 г. законом Хаули—Смута.

2.2.3. АМЕРИКАНСКИЙ ОТВЕТ

Иллюзия относительно того, что худший момент кризиса 1929 г. прошел, была жестоко уничтожена. Мировая экономика и, в частности, американская, коснулась дна. В Соединенных Штатах индекс производства составлял в 1932 г. 93,7 (за точку отсчета берется по-прежнему 1913 г.), что составляло половину индекса 1929 г., цены в сельском хозяйстве достигли самого низкого уровня; безработица возросла до 12 млн человек. Вашингтонская администрация, возглавлявшаяся президентом Гербертом Гувером, пыталась противостоять кризису с помощью ряда мер, но не до-

билась ощутимых результатов. На выборах 1932 г. он потерпел поражение от Франклина Д. Рузвельта, который вновь привел к власти демократическую партию, но которому не удалось сразу же осуществить поворот. Подъем экономики с трудом начался после отказа также и со стороны Соединенных Штатов от «золотого стандарта» и начала проведения политики «нового курса». Однако только в период Второй мировой войны были окончательно стерты следы пережитого потрясения.

«Новый курс» был сочетанием политики государственного вмешательства кейнсианского образца и социальных мер, направленных на облегчение положения самых обездоленных с гуманитарной точки зрения слоев. Он отвечал также ожиданиям профсоюзов, которые в те годы достигли наибольшего влияния. Таким образом был постепенно запущен производственный механизм, хотя, впрочем, мир американских финансистов вовсе не был склонен поддерживать ту смесь реформизма и осторожности, что лежала в основе рузвельтовской правящей коалиции.

Важно, однако, заметить в данном случае, что в самый драматичный момент кризиса международные согласования по видимости стали более частыми, в то время как в реальности каждая страна старалась найти внутренние ресурсы для преодоления кризиса и соответствующие рецепты. В июне 1933 г. Лига Наций предприняла последние усилия, и даже с участием Советского Союза, и созвала международную финансово-экономическую конференцию, которая должна была перестроить валютно-финансовую систему в соответствии с золотым содержанием различных валют. Однако Рузвельт отправил в Женеву однозначное послание: «Прочность внутренней экономической ситуации государства, а не стоимость его валюты, — говорил он, — является самым важным элементом благосостояния... Старые фетиши международных банкиров постепенно заменяются усилиями по созданию национальных валютных систем с целью придать валюте постоянную покупательную способность... Соединенные Штаты стремятся к устойчивому доллару, который и через поколение имел бы такую же покупательную способность и такую же способность оплаты долгов, какую мы надеемся приобрести в ближайшем будущем.... В широком смысле наша цель — стабилизация валюты каждой нации... Когда во всем мире будут согласованы варианты политики, способные достигнуть равновесия платежного баланса с помощью собственных ресурсов, тогда мы сможем обсуждать лучшее распределение золота или серебра в мире».

Речь шла о жесткой позиции, контрастировавшей со свободой торговли, о приверженности к которой заявляли тогда Соединенные

Штаты. В действительности, это был призыв ко всем странам мира, чтобы каждая из них привела в порядок собственную экономическую систему, с целью последующего возобновления на новой основе международного финансового сотрудничества. Однако в тот момент слова Рузвельта являлась также выражением изоляционистских настроений и национального подхода к проблемам. Впрочем, американский президент лишь адаптировался к тому, что уже имело место в действительности.

2.2.4. ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЯПОНСКИЙ ОТВЕТ

В 1932 г. англичане приняли решение, имевшее, помимо экономического, большое политическое значение. Поскольку Лондон не мог больше считаться доминирующей площадкой международных финансов, а фунт стерлингов был вынужденно девальвирован, решение состояло в поиске более ограниченной зоны влияния, практически сводившейся к Британской империи в новой форме Содружества, которую она принимала, и к странам, с ней связанным. Имперская конференция в Оттаве в августе 1932 г. утвердила ряд решений, принятых в предыдущие месяцы: о создании преференциальной зоны обмена, защищенной особыми тарифами; о контроле за стоимостью фунта стерлингов с последующей корректировкой и без возвращения к «золотому стандарту»; о политике, направленной на оживление инвестиций в целях преодоления кризиса производства. С 1934 г. в Великобритании возобновился экономический рост, и экономика вернулась к довоенному уровню — чего с ней не случалось ранее, за исключением 1929 г. — ее рост был хотя и медленным, но достаточным.

Франция, защищенная финансовыми мерами, принятыми в 1925 г., и своими солидными золотыми запасами, вплоть до 1931 г. была едва затронута кризисом. В определенном смысле она даже извлекла из него выгоду, поскольку приостановка платежей по немецким репарациям (на которые она уже давно перестала рассчитывать) позволила ей без колебаний отвергнуть требование американцев о продолжении выплаты долга. Это решение было узаконено Лозаннской конференцией в 1932 г. В то же время французское правительство, которое могло рассчитывать на «зону франка» в границах своих имперских владений, столкнулось с гораздо более сложной политической ситуацией по сравнению с Германией и Австрией. При этом оно стремилось расширить свое финансовое влияние и устранить последствия экономической дестабилизации в европейском регионе, представлявшем собой наиболее сложное сочетание неустойчивости и двойственности —

в Дунайско-Балканском. Франция постаралась создать своего рода дунайскую зону свободного обмена, способную регулировать свою внешнюю торговлю благодаря стабилизационному валютному фонду, формируемому богатыми странами, что на деле в 1932 г. означало финансирование единственной страной — Францией.

Немецкий ответ на кризис был сконцентрирован на двух основных моментах: дефляционной политике и строгом контроле за биржевыми операциями. Иными словами, создавалась система, в которой опасности рецессии компенсировались тенденциями к протекционистской защите внутреннего производства и внушительного экспортного потока на Балканский полуостров на основе компенсационных принципов, делавших возможным сбыт товаров по отложенным платежам, но способствовавших подъему германской экономики и приемлемых для стран-клиентов. Позднее, после прихода Гитлера к власти, подъем экономики ориентировался еще более на протекционизм, с акцентом на крупные программы внутренних инвестиций в инфраструктуру и в военную промышленность. Это была политика, не лишенная риска, поскольку в основе перестройки экономики лежало почти насильственное изъятие внутренних ресурсов. Однако импульс этой политики исходил от протекционистского выбора Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Она также вдохновлялась ревизионистскими замыслами Гитлера, и именно ими и определялась.

Что касается Италии, то в равной степени и ее экономический подъем достигался авторитарными методами, типичными для фашистского режима. Система биржевых операций была поставлена под государственный контроль через создание Национального института внешней торговли (*Istituto nazionale per i cambi con l'Estero*), а проблему концентрации финансовых ресурсов должен был решить Итальянский институт движимого имущества (*Istituto mobiliare italiano* — *IMI*), в обязанности которого входил банковский контроль за инвестиционными капиталами. Наконец, главная задача вновь созданного Института промышленной реконструкции (*Istituto per la ricostruzione industriale* — *IRI*), определялась как содействие возобновлению заблокированной экономической деятельности или облегчение положения предприятий, оказавшихся в кризисе из-за рецессии. Однако *ИРИ* быстро превратился из инструмента спасения в инструмент автаркической экономической политики фашистского правительства. Когда он создавался в 1933 г., то рассматривался как временный институт, предназначенный для регулирования продаж частным лицам улучшенных им активов. В 1936 г. от этого пути отказались. «Банковский закон» запретил депозитным коммерческим банкам предоставлять

кредиты промышленным предприятиям. Однако это была скорее не мера, связанная с проектом государственного вмешательства в экономику, а симптом (как, впрочем, и существование ИРИ) слабости рынка капиталов в Италии и необходимости — порожденной также провалом попыток выработки международных соглашений, от которых Италия могла бы выиграть, — создания протекционистской системы под государственным контролем.

Япония, в свою очередь, лишь в незначительной степени почувствовала на себе кризис перепроизводства. Ей удалось избежать его последствий в сфере торговли благодаря механизму гибкого обменного курса, принятого как раз в 1931 г., и благодаря последующему введению тарифных барьеров в 1932 и 1933 гг. Политика снижения процентной ставки, проводившаяся Банком Японии, и правительственных инвестиций, инициированных министром финансов Корекийо Такахаси, оказалась достаточной для того, чтобы обеспечить подъем экономики и быстрое возвращение к ускоренным темпам роста промышленности.

2.2.5. В ПОРЯДКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Один из крупнейших историков «великой депрессии» Чарльз П. Киндельбергер, анализируя вопросы, возникающие при попытке объяснить происходившее, предлагает следующий ряд утверждений (это *одно* из возможных объяснений, по его собственному мнению, а не *единственно возможное*):

«Депрессия 1929 г. была настолько обширной, глубокой и длительной, поскольку международная экономическая система оказалась нестабильной вследствие неспособности Великобритании и отсутствия желания со стороны Соединенных Штатов принять на себя ответственность за стабилизацию в трех сферах: а) поддержать достаточную открытость рынка для товаров широкого потребления; б) обеспечить долгосрочные кредиты для противодействия циклическому кризису; в) осуществлять учетные операции, несмотря на кризис. Шоковые потрясения, которые испытала система в результате перепроизводства некоторых основных продуктов, таких как зерно; снижения процентных ставок в США в 1927 г. (если оно было таковым); блокирования предоставления займов Германии в 1928 г. и биржевого краха в 1929 г., — не были чем-то исключительным... Мировая экономическая система все равно сохраняла бы нестабильность, если бы ее не стабилизировали некоторые страны, как это делала Великобритания в XIX веке, вплоть до 1913 г. В 1929 г. Великобритания была не в состоянии, а Соединенные Штаты не проявляли желания сделать то же самое.

В тот момент, когда каждая страна захотела защитить непосредственно собственные национальные интересы, общемировые интересы были погублены, а вместе с ними — и частные интересы всех”.

Таким образом, близорукость государственной политики доминировала над экономическими решениями. В 1924 г. некоторые американские финансисты рассматривали вопрос о необходимости вмешательства в Европе, поскольку это отвечало не только их краткосрочным интересам, но и долгосрочным интересам всей мировой рыночной системы. Это вмешательство не являлось бы плодом теоретического, научного осмысления проблемы. Литература, касавшаяся необходимости вмешательства и его форм в ситуации кризиса экономического цикла, еще не была в достаточной степени систематизирована, чтобы иметь то значение, которое она приобрела лишь с появлением работ Кейнса и более поздних исследований, ставших отражением депрессии 1929 г. Вмешательство американских государственных деятелей и банкиров вдохновлялось тонким и открытым по отношению к внешнему миру пониманием уникальности системы и необходимости вмешиваться даже в отдаленные зоны кризиса, поскольку общее благосостояние системы было полезно и необходимо прежде всего для тех, кто занимал в системе центральное место. Но именно потому, что вмешательство являлось результатом определенного процесса, а не долгосрочного проекта, оно было ограничено временным характером принимаемых мер и осторожностью, с какой они осуществлялись. По существу, план Дауса — это удачная попытка внушить, вопреки всяким ожиданиям, доверие американским вкладчикам к выпущенным ценным бумагам для предоставления займа Германии.

Несмотря на эту ограниченность, американское вмешательство вызвало ответы двоякого рода: с одной стороны, участие с целью привести в движение буксующий механизм; с другой — участие с целью выявления способности Соединенных Штатов принимать решения и доминировать. После того, что произошло во время Первой мировой войны, когда все союзники прибегали к американскому кредиту для поддержания военных усилий, это не выглядело большим новшеством. Но в определенном смысле новшеством было то, что несмотря на политику изоляционизма, американцы захотели продемонстрировать свои финансовые «мускулы». И это «открытие» повлияло на принятие решений Великобританией и Францией в 1925–1926 гг., направленных на сохранение, насколько это было возможно, центральной роли Европы в мировой финансовой системе, то есть превалирования лондонской биржи и господства фунта стерлингов в качестве средства обмена, а также особого положения франка, подкрепленного солидными золотовалютными ресурсами.

В этих вариантах действий, когда политика брала верх над экономикой, подсказывавшей, напротив, необходимость уменьшения стоимости фунта, просматривалось недостаточное понимание глобального значения данной проблемы (как было очевидно уже в 1923 г. в ходе оккупации Рура и реакции на это Германии, состоявшей в «пассивном сопротивлении» и свободном падении марки). Существовало два ограничителя, не позволявших понять необходимость такой связи: иллюзия того, что удалось изолировать революционную опасность, сведя ее к внутреннему делу Советской России, и неспособность предвидеть результаты, которые этот разрыв рыночной системы может иметь в момент, когда движение в направлении деколонизации еще только делало свои первые шаги, но уже проявилось вполне отчетливо и было достаточно изучено, чтобы наиболее опытные политики могли осмыслить то влияние, которое оно будет оказывать на мировые финансы. Поэтому американское финансовое участие казалось неким вмешательством и лишь обозначило направление, по которому должна была следовать европейская экономическая жизнь для того, чтобы действительно начался процесс оздоровления. Однако ни в Америке, ни в Европе оно не сопровождалось последовательными согласованными действиями. В результате возродились старые противоречия, к которым война добавила неприязнь и ненависть.

Таким образом, после 1932 г. началось оздоровление, однако оно пошло путями, усугубившими противоречия и обострившими их до крайности. При этом почти исчезла способность Европы выжить до того момента, пока действительно не появится повсеместное стремление встать над вечным межнациональным соперничеством и решать проблемы с точки зрения общих интересов, как это и произошло в 1947 г.

Атмосфера периода 1924–1929 гг. породила надежду на обновление способности находить мирные решения политических проблем, поскольку эти решения строились на преодолении экономического наследия, которое оставила война. Немцы согласились выплачивать репарации, поскольку знали, что они являлись частью спасительного круга, созданного Соединенными Штатами. Когда этот спасительный круг был разорван, и стало понятно, что националистические политические интересы берут верх над международным экономическим сотрудничеством, американцы первыми отступили и отказались от своего плана (или отложили его) стать гарантами экономической стабильности, финансового мира и, в конечном счете, политического порядка в системе международных отношений. В результате кризис стал распространяться подобно масляному пятну за пределы той области, где он

обнаружился ранее, и таким образом было положено начало самой острой фазе проявления национализма в европейских странах. Война 1914–1918 гг. оставила слишком много нерешенных проблем, чтобы можно было о них забыть, за исключением тех случаев, когда их преодоление навязывалось извне. Война даже не уничтожила иллюзию некоторых крупнейших европейских держав (Великобритании, Франции и Германии) относительно способности доминировать на континенте и в мире. А ее возрождение радикально изменило политическую картину, характерную для периода до начала 30-х годов, и внезапно превратило атмосферу пацифизма в атмосферу почти фатального ожидания решающего и саморазрушительного столкновения.

2.3. Политические последствия экономического кризиса. Рост нацизма в Германии

2.3.1. ЗАКАТ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ ГИТЛЕРА

Экономический кризис вновь обнажил раны в политике, которые едва начали затягиваться, и показал, что, напротив, они все еще оставались открытыми и, вероятно, сделались более глубокими от накопившихся претензий националистического характера. Раньше других стран испытали на себе его политические последствия Германия и Австрия, быстро лишившиеся свободы выбора в международной деятельности. С момента ее рождения Веймарская республика управлялась коалицией центристски ориентированных партий, часто при доминировании Социал-демократической партии, а также коалицией между ней и Демократической партией (*Demokratische Partei*) либерально-демократического направления, Немецкой народной партией (*Deutsche Volkspartei*), к которой принадлежали Штресеман и Шахт, националист и либерал-демократ, и католической партии «Центра». Правая оппозиция до прихода фашистов к власти возглавлялась Немецкой национальной народной партией, а левая — Коммунистической партией Германии (*Kommunistische Partei — KDP*). Отношения между этими партиями определялись сомнительной приверженностью правых и умеренных модели республиканской конституции, выработанной в Веймаре, и расколом левых после неудачи революционной попытки 1919 г. Для коммунистов немецкая социал-демократия являлась, в соответствии со сталинской концепцией, социал-фашизмом, с которым нельзя было сотрудничать. Результатом стало саморазрушающее столкновение.

Несмотря на глубокие политические противоречия и непомерные экономические трудности, культурная жизнь Веймарской республики представляла собой своего рода горнило, в котором переплавлялись культурные тенденции и различные течения европейской мысли. Значительная часть того, что было выработано общественной мыслью Австрии в период, предшествовавший распаду империи (а в некоторых случаях — также и в последующие годы), или Франции в первые годы XX века, вновь зазвучала в Германии в устах выдающихся представителей культуры и искусства, способных, казалось, вдохнуть в молодые республиканские установления необычайную жизненную силу. Однако достаточно было обжигающего дыхания кризиса, чтобы продемонстрировать, что все это — лишь тонкий слой иллюзий интеллектуалов. Немцы уже в 1928 г. почувствовали результаты движения американских капиталов. Приостановка предоставления долгосрочных займов привела к значительному росту безработицы и возродила призраки 1923 г. Со смертью Штресемана в октябре 1929 г. закончилась эпоха сотрудничества с западными державами с целью восстановления позиций Германии в Европе. Впрочем, ликвидация иностранного военного присутствия в стране по плану Юнга стала важным шагом в направлении освобождения от выполнения условий Версальского договора.

Спустя несколько недель правительство Германа Мюллера, возглавлявшееся социал-демократами, было распущено. В марте 1930 г. президент Гинденбург поручил формирование правительства Генриху Брюнингу, лидеру партии «Центра». Так начался период, когда социал-демократы перешли в оппозицию, правительство оказалось в ситуации нарастающей нестабильности, а его внешняя политика приобретала более явно ревизионистский характер. Этот поворот был связан с ростом влияния Национал-социалистской рабочей партии (*National sozialistische deutsche Arbeiterpartei* — NSDAP), которая, получив 107 мест на выборах в сентябре 1930 г., превратилась в одну из главных германских политических групп — силу, выступавшую против всех аспектов политики правительства. Во время выборов июня 1932 г. Национал-социалистская партия получила 230 депутатских мест и стала ведущей партией в стране. Лишь в конце 1932 г., на новых выборах в ноябре, проявились признаки исчерпанности ресурсов, и численность депутатов НСДАП снизилась до 196. Но поскольку она продолжала оставаться самой значительной по сравнению с другими партиями, то канцлерство Адольфа Гитлера становилось неизбежным.

Фигура Гитлера, который в течение двенадцати лет доминировал в политической жизни Германии, оставив после себя неиз-

гладимый след, не может быть перечеркнута несколькими росчерками пера и осуждена как проявление безумия человека, движимого экстремистскими идеями и антиеврейским фанатизмом и вовлекшего свою страну в самый обширный и кровавый конфликт, когда-либо имевший место в истории человечества, оставив за собой след из нескольких десятков миллионов жертв и ужас предумышленного убийства шести миллионов евреев. Господство Гитлера уходило корнями в глубинную жизнь Германии и Европы. В его фигуре, которая может показаться потомкам даже карикатурной, причудливым образом слились воедино основные мотивы политической и культурной жизни Германии с элементами, отнесенными также и к роли Европы в мировой истории.

Гитлер родился в Австрии в среде, пропитанной антисемитским фанатизмом, пангерманизмом и враждебностью к либерал-демократической культуре. В молодые годы он испытал в Вене бедность и одиночество, что повлияло на формирование его характера и личности — вспыльчивой, интровертной, жестокой, с неуправляемыми эмоциями, которые он способен был передавать другим и отравлять ими, что было доказано уже в двадцатые годы. Заядлый и беспорядочный читатель книг, созвучных его менталитету, он, в конце концов переварил их и жил в своего рода абсолютном и последовательном мистицизме, возделенной целью которого было утверждение превосходства «арийской расы» и освобождение Германии, Европы и человечества от врагов, которые мешали их самоутверждению и способствовали их деградации. Этими врагами были прежде всего евреи и принадлежавшие к «низшим расам»: еврей-капиталисты, осуществлявшие свою грабительскую финансовую деятельность (которых Гитлер противопоставлял германским капиталистам, выполнявшим творческую и плодотворную задачу); славяне — в любом случае, а также поскольку они испытали влияние марксистской идеологии и ленинской практики; рабочие, которых Гитлер знал по Вене как воплощение «кошмаров» развращающего социализма.

Идеи примата нации, ее очищения и миссии, извлеченные из беспорядочного чтения, составили нагромождение программных положений, к которым Гитлер добавил свой суровый жизненный опыт. Пойдя добровольцем в немецкую армию и получив ранение на французском фронте, он счел себя предназначенным для выполнения миссии отмщения за Германию темным силам, унижившим ее. Он возродил старые мечты и мифы о величии, придав им искаженную и патологическую форму и утверждая их при этом с огромной энергией, придававшей его обращениям безграничную силу убеждения. Как оратор он был способен довести

толпу до пароксизма и заставить ее вслепую «загореться» какой-либо целью.

Оправившись от ран войны и поражения, он сразу же бросился в политику, сначала устроив попытку путча, участником которого оказался маршал Людендорф, а затем занявшись созданием Национал-социалистской партии. За участие в провалившемся путче, предпринятом в конце 1923 г. Густавом фон Каром в Мюнхене, его приговорили к тюремному заключению сроком на пять лет. Сидя в камере он написал свое «евангелие» — «Mein Kampf» («Моя борьба»), два тома, появившиеся в 1925 и 1927 гг., в которых развивалась нацистская программа 1920 г., переработанная в соответствии с видением мира, где доминировало стремление бороться за спасение Германии, Европы и всего человечества. Это должно было стать делом немецкого руководящего класса, «избранного народа», которому следовало использовать безо всяких ограничений программу очищения расы и переустройства всего континента с целью спасти его будущее от господства еврейских финансов и плутократии и тем самым предопределить его грядущее величие, в центре которого засияет возрожденная европейская цивилизация. Цивилизация, построенная на трупах жертв, необходимых для очищения, подобно тому, как это происходит в скандинавских сагах, — безумная мечта, которая развивалась, однако, элементы, уже в течение десятилетий присутствовавшие в британской, французской, немецкой культуре. Именно этот момент не позволяет утверждать, что Гитлер был изолированным проявлением личной харизмы и способности манипулировать массовым сознанием, а, напротив, вынуждает отметить, что нацистская «культура» — это результат (конечно, побочный и экстремистский) семян, пустивших корни в цивилизации Западной Европы и приносивших плоды благодаря скрещению людей, идей и политико-экономических ситуаций, которые придавали неожиданную силу этому смешению и необычайную отравляющую способность нацизму. Такой эффект усугублялся еще и тем, что Гитлер утверждал, что он является немецким последователем своего итальянского предшественника Муссолини, тогда как у Муссолини и фашизма, являвшегося плодом авторитарной инволюции итальянской буржуазной мысли, общими с нацизмом были лишь политические формы режима, который уже установился в Италии и который еще предстояло установить в Германии.

Когда в 1930 г. нацизм стал одной из основных сил в германской политической жизни, никто не мог питать иллюзий, что ситуация останется неизменной. Жизнь страны уже определялась ревизионистской истерией, являвшейся прелюдией к соответствующей

щей практике. В сложившейся ситуации правительство должно было немедленно сменить курс во внутренней и внешней политике. В том, что касается последней, оно вынуждено было поспешно придать международной деятельности Германии откровенно наступательный характер, который в корне противоречил методам (если не целям) политики Штреземана. Ужесточение или неожиданную смену курса, осуществленную Брюнингом в отношении международной деятельности Германии, можно понять, только если иметь в виду, что на него постоянно нажимал противник, вынуждавший, под угрозой обвинений в предательстве национальных интересов, все время повышать ставки. Далеко не весь немецкий правящий класс считал нужным дистанцироваться от нацистов. Достаточно привести пример Шахта, осуществлявшего политику оздоровления в качестве руководителя *Deutsche Bank* начиная с конца 1923 г. В октябре 1931 г. он оставил свой пост, сблизился с нацистами и вернулся в *Deutsche Bank* после назначения нацистского вождя рейхсканцлером.

2.3.2. ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА С АВСТРИЕЙ

Брюнинг отреагировал на экономический кризис, выявивший тесную связь Германии с Соединенными Штатами и Дунайско-Балканской Европой, дефляционной политикой, которая за короткий срок привела к невиданному росту безработицы: более 3 млн безработных в начале 1930 г. и 5–6 млн — в конце 1931 г. Для того, чтобы компенсировать жесткость французской позиции в финансовой сфере и протекционизм других держав, он попытался выработать новую торговую политику, сориентированную в первую очередь на Австрию. Жизнь Австрии всегда была весьма неустойчива с экономической точки зрения. Только ряд займов, гарантированных Лигой Наций, позволили молодой республике выжить в условиях аннексионистских попыток со стороны Германии (надежда на аншлюс) и французской и итальянской оппозиции в отношении того, что представлялось грубым нарушением Сен-Жерменского и Версальского договоров и территориального урегулирования, достигнутого союзниками. В случае аннексии Австрии Германия не замедлила бы снова дать почувствовать (как ранее в 1914 г.) свою экономическую и политическую роль на Балканском полуострове в ущерб влиянию, за которое соперничали Франция и Италия.

Франция и Италия являлись естественными гарантами австрийской независимости, однако руководствовались при этом раз-

ными намерениями и вели себя по-разному. В Париже австрийская проблема рассматривалась как аспект общего центральноевропейского урегулирования. Для Италии этот вопрос имел двойное значение: с одной стороны, подтверждался факт исчезновения Габсбургской империи, исторического противника итальянской нации, но, с другой стороны, он служил также элементом, осложняющим отношения между Италией и Германией. Последние могли бы быть прекрасными, как в годы Тройственного союза, если бы этому не препятствовало то обстоятельство, что Италия рассматривала австрийскую независимость как безусловное благо для итальянской безопасности. Поэтому после аннексии в 1919 г. Южного Тироля (Альто-Адидже) она развернула в этой провинции политику насильственной италянизации, создавшей противоречия как с венским правительством, вынужденным защищать национальные права своих соотечественников, находящихся под суверенитетом другой страны, так и с берлинским правительством. Последнее, едва только после заключения Локарнских соглашений улучшились отношения с Францией, не колеблясь стало защищать интересы немцев, оказавшихся на территориях, аннексированных Италией. В результате австрийский вопрос и вопрос об Альто-Адидже превратился в фактор расхождений, препятствовавший итало-немецкому сближению и вынуждавший Италию Муссолини ограничить свою дипломатическую деятельность франко-британской альтернативой.

На этом потенциальном противоречии между итальянским и французским подходами к австрийской независимости играла начиная с 1930 г. австрийская дипломатия, которая в улучшении отношений с Италией искала противовес прохладному отношению Франции к стремлению существенно укрепить отношения между двумя странами с целью защитить Австрию от никогда не скрывавшейся склонности немецкой стороны (и многих австрийских кругов) к аншлюсу. 6 февраля 1930 г. устремления Австрии, по-видимости, увенчались подписанием в Риме договора о дружбе с Италией, лишенного, однако, реального политического смысла, за исключением того, какой хотели придать ему австрийцы в связи со своими проектами соглашения с Германией.

Инициатива Брюнинга вписывалась в этот контекст и быстро привела к разрушительным последствиям. Идея таможенного союза (*Angleichung*) между Австрией и Германией также восходила к февралю 1930 г., когда австрийский министр иностранных дел Шобер и преемник Штреземана на Вильгельмштрассе Курциус договорились о заключении соглашения по этому вопросу. Это была, как можно догадаться, процедура, требовавшая одновре-

менно осторожности и готовности к риску. Осторожности, поскольку надо было изощренным образом обойти запрет на аншлюс, наложенный мирными договорами, готовности к риску — поскольку процесс переговоров, прерванный на некоторое время, был завершен затем соглашением, которое должно было оставаться секретным и которое было скреплено обменом нотами между двумя правительствами 19 марта 1931 г.

Однако эта новость не осталась в тайне, и оба правительства были вынуждены сообщить ее официально Франции, Великобритании и Италии 21–23 марта, раскрыв таким образом, что они действовали скрытно для того, чтобы с помощью проекта «своего рода таможенного союза» (как его определили в Берлине) уклониться от выполнения важных обязательств. Если не юридически, то фактически этот союз мог нарушать мирные договоры. Как бы то ни было, он означал поворот в германской внешней политике в направлении, которое не могло понравиться ни Парижу, ни Риму. Кроме того, с итальянской точки зрения, он приобретал характер давления на Италию с тем, чтобы она выбирала — поддерживать ли Австрию, и, если поддерживать, то как, — укрепляя при этом отношения с Германией в соответствии с только что заключенным договором о дружбе, или же присоединиться к французской дипломатии в ее противодействии соглашению.

Проблема осложнилась другими аспектами того фона, на котором развивались события. Франция и Чехословакия немедленно выступили против соглашения, в то время как реакция Италии сначала казалась гораздо более мягкой именно из-за необходимости дистанцироваться от реакции Франции. Однако по существу Италия в 1931 г. была очень далека от того, чтобы одобрительно отнестись к изменению своей политики, направленной против аншлюса. Не подействовали ни обещания немцев, что это сможет улучшить отношения между Берлином и Римом, ни намерения австрийцев превратить угрозу создания таможенного союза в инструмент для получения более определенной итальянской (и французской) поддержки. Основополагающие долгосрочные интересы возобладали над краткосрочными дипломатическими соображениями.

В середине 1931 г. вопрос был передан на рассмотрение Лиги Наций на основе соглашения с британским правительством и в результате итальянско-британской инициативы, проявленной двумя странами как «гарантами» системы Локарно, в которую австрийский вопрос не входил юридически, но вписывался политически. Французы продолжали придерживаться уже упоминавшегося подхода, в соответствии с которым Лига Наций должна подготовить

план общего экономического соглашения, основанного на французской финансовой помощи, при условии, что обе стороны откажутся от проекта таможенного союза. Англичане, отметив, что они не имеют принципиальных возражений против австро-германского таможенного союза (поскольку они считали аншлюс «фатальным событием»), предложили в качестве выхода из положения передать вопрос в Международный суд в Гааге. Позиция Англии, направленная на оказание помощи Брюнингу в его затруднениях, оставляла итальянцев одних перед лицом австрийского вопроса. Тем самым Италия вынуждена была искать соглашения с Францией в момент, когда балканская политика и морское разрушение противопоставляли интересы обеих держав на европейской арене. Идея итальянцев сводилась к использованию возможности для приобретения Римом той решающей роли, которую он мог бы сыграть в случае присоединения к одной из заинтересованных сторон. Вынужденное сближение с французами стало, напротив, показателем наличия общего интереса, состоявшего в защите *status quo* в Европе от ревизионистских поползновений, к которым Муссолини был столь чувствителен.

Так начинало выявляться одно из стратегических противоречий, приведших ко Второй мировой войне. Это было противостояние, вынуждавшее Францию и Италию сделать принципиальный выбор перед лицом реального наступления германского ревизионизма. Конкретно вопрос был решен 5 сентября 1931 г., когда Гаагский суд 8 голосами против 7 (среди которых был голос британского представителя) вынес решение о несовместимости проекта таможенного союза и протокола, подписанного Австрией с Лигой Наций в 1922 г. в качестве условия предоставлявшегося тогда займа. Курциус вынужден был подать в отставку, и его сменил Брюнинг, сохранив также пост канцлера. Австрийский вопрос оставался открытым и поставил перед Италией новые проблемы, тем более что действия Германии все в большей степени приобретали ревизионистский характер.

Предложение о создании австро-германского таможенного союза, тот факт, что в то же самое время (между принятием плана Юнга и Лозаннской конференцией) изживала себя система репараций в атмосфере обид по поводу лишь частичного выполнения Германией обязательств, наложенных на нее в связи с ответственностью за развязывание Первой мировой войны, а также тот факт, что этому предшествовало полное освобождение немецкой территории от войск союзников, которые должны были гарантировать выполнение условий мирного договора, — все это явные аспекты и симптомы первого кризиса, который испытала Версальская система и который быстро привел к ее разрушению.

Кризис не означал, однако, что Германия вновь заняла центральную и доминирующую роль в европейской жизни, поскольку ни внутренняя, ни международная экономическая и политическая ситуация не позволяли совершить такой радикальный поворот. Уже при Штресемане Германия восстановила свое положение равной среди европейских держав, однако речь шла о равенстве, направленном на сохранение стабильности, на выражение стремления к компромиссу и сотрудничеству с победителями. Поворот, навязанный немецкой внешней политике после смерти Штресемана, был важен, ибо он выражал изменение стратегии. Впрочем, он мог произойти и при жизни Штресемана, поскольку вытекал из изменения ситуации, предполагавшей разноплановые действия. Из фронта стран, действовавших в интересах поддержания стабильности, Германия довольно резко переходила во фронт стран, выступавших за изменения (ревизию). Хотя ревизионистская кампания еще не приобрела те акценты неистовства, которые придавал ей позднее Гитлер (но которые, однако, уже использовал Муссолини на Балканском полуострове), внешняя политика Германии выражала, вольно или невольно, стратегию пересмотра существующего в Европе соотношения сил. Однако придавать этому повороту громкое звучание не свойственно таким правительствам, каким правительство Брюнинга. Тем не менее он обозначил крутой вираж в европейской политике.

2.4. Последствия кризиса для балканской политики. Италия и Франция перед лицом возрождения влияния Германии

2.4.1. БАЛКАНСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕРМАНСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Так же как и Австрия, весь остальной Дунайско-Балканский мир был охвачен глубоким экономическим кризисом. Система равновесия и раздел на сферы влияния, сложившиеся в первой половине 20-х годов и существовавшие до 1927 г., были нарушены теми возможностями для вмешательства, которые кризис предоставил великим державам, приведя к обострению итало-французского соперничества и в особенности — к неожиданному возобновлению активности Германии в этой части Европы, проявившемуся в попытке создания австро-германского таможенного союза. Кроме того, эта часть Европы была ближайшей к Советскому Союзу территорией и, наряду с Польшей, Балтийскими государствами и Германией, наиболее восприимчивой к постепенному изменению

уровня международного присутствия СССР, сделавшемуся возможным в результате завершения первого пятилетнего плана.

Вплоть до начала кризиса положение в этой зоне определялось доминированием Франции и Италии и их противоречиями. Несмотря на военные соглашения, связывавшие Францию с Малой Антантой, ни одна из сфер влияния не была устойчивой и стабильной. В самом деле, три государства, входившие в Малую Антанту, заметно отличались друг от друга и не могли составлять единое целое. Чехословакия, создавшая достаточно прочные демократические институты, которые, однако, по существу мало соблюдались в области охраны прав словацкой нации, была не только политически связана с Францией, разделяя с ней общие антиревизионистские устремления, но проявляла также склонность одобрительно относиться к улучшению отношений с Советским Союзом, что как бы уравнивало польские претензии на ведущую роль в регионе (страсти, кипевшие вокруг района Тешина, еще не улеглись).

Со своей стороны Румыния, которую разделял с Советским Союзом спор из-за Бессарабии, отличалась от Чехословакии, поскольку ее внутренний режим все более отчетливо тяготел к авторитарным формам. И если она оставалась в рамках Малой Антанты по причинам принципиального антиревизионизма, то в то же время не отказывалась и от сохранения хороших отношений с Италией, с коей ее связывал договор о дружбе 1926 г. и традиционное совпадение позиций.

Что касается Югославии, то и эта страна испытывала сильное притяжение общности геополитических интересов с Францией, однако она должна была всегда учитывать свою близость к Италии и последствия возможного вмешательства Рима в албанскую жизнь. Близость Австрии, которая в перспективе делала Белград открытым для давления Германии, внутреннее политическое устройство, со слабым проявлением, в отличие от Чехословакии, демократического духа, сильное неурегулированное соперничество различных наций, составлявших Королевство сербов, хорватов и словенцев (как вплоть до 1929 г. официально называлась Югославия), — все это осложняло положение страны.

Поэтому в целом Малая Антанта представляла собой ненадежного союзника для Франции. Ее активность могла, впрочем, интенсивно развиваться в направлении консолидации по мере того, как начиная с 1926 г. во внешней политике Германии возобладала ее традиционная направленность на юго-восток.

Система итальянских союзов также не была особенно прочной, хотя на бумаге она и могла показаться устойчивой благодаря

объединяющей силе ревизионистских предложений, которые Муссолини более четко сформулировал после 1927 г. В самом деле, внутри самой итальянской системы присутствовало коренное противоречие, подрывавшее ее единство. И вот почему. Итальянское присутствие на Балканах характеризовалось контролем над Албанией, от которого президент А. Зогу, провозгласивший себя королем Албании в 1928 г., пытался избавиться. Оно включало также тесный союз с Венгрией. Начиная с подписания договора о дружбе 1927 г. (не считая короткой паузы пребывания у власти правительства Карольи в 1931–1932 гг.) венгерские премьер-министры Бетлен и Гёмбёш были горячими сторонниками ориентации на Италию как способа утверждения своих ревизионистских требований. Наконец, итальянское присутствие ощущалось также благодаря растущим взаимосвязям с Австрией, которая с 1929 г. колебалась между прогерманской тенденцией и тенденцией к укреплению независимости, опирающейся на тесный союз с Италией и Венгрией.

Источником внутреннего противоречия этого международного альянса было то обстоятельство, что его объединял принцип ревизионизма. Однако в тот момент, когда ревизионизм стал реальной политикой, Австрия оказалась в сфере влияния Германии, так что Италия была вынуждена удерживать в своей орбите Венгрию с помощью ревизионистской теории, но противодействовать этой теории в том, что касается Австрии, поскольку противоположная позиция привела бы к прорыву балканского фронта, связанного с самой Италией. Кроме того, по этому конкретному вопросу, то есть по вопросу о защите независимости Австрии, итальянская политика неизбежно соприкасалась с идентичными интересами Франции и Чехословакии. Так во время дискуссий, которые итальянцы и французы часто вели в период с 1924 по 1935 г., гипотеза относительно потенциального и реального совпадения позиций между Италией и Францией всегда сопровождалась согласием относительно принципа совместной защиты независимости Австрии в качестве общей цели двух стран. Принципиальный разрыв между ними произошел, когда Рим и Париж заняли по данному вопросу разные позиции.

2.4.2. ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА В ДУНАЙСКО-БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Для изучения периода между 1929 и 1933–1934 гг., необходимо прояснить, каким образом два новых крупных явления — экономический кризис и усиление нацизма в Германии — изменили

только что описанные международные союзы, не останавливаясь здесь, за исключением отдельных случаев, на внутреннем развитии стран Дунайско-Балканского региона, слишком сложном для того, чтобы убедительно реконструировать его в сжатом виде, и к тому же всегда испытывавшем доминирующее воздействие международной политики. Действительно, Балканский полуостров являлся тогда характерным примером того, каким образом так называемый «международный контекст» влиял на внутреннюю политическую жизнь малых стран.

Кризис затронул разные страны региона в различной степени. Австрия и Чехословакия, тесно связанные с индустриальной и финансовой системой Запада и принадлежавшие к индустриальному миру, пострадали от него в разной степени [одна драматическим (как уже было показано), другая — тяжелейшим образом]. Безработица в Австрии в период 1929–1933 гг. почти утроилась; промышленное производство упало почти вдвое; уровень цен свидетельствовал о дефляционной политике правительства. В Чехословакии безработица, практически отсутствовавшая накануне кризиса (42 тыс. безработных на всю совокупность рабочей силы), в 1932 г. возросла более чем в десять раз и достигла 552 тыс. человек, а в 1933 г. она увеличилась еще больше — до 738 тыс. Напротив, в Румынии, Югославии, Болгарии — странах с преобладанием сельскохозяйственного производства, и, в любом случае, где сельскохозяйственный сектор все еще представлял стеновой хребет экономики — эти же самые явления оставались гораздо более ограниченными, поскольку ни в одном из случаев численность безработных не превысила в период рецессии нескольких десятков тысяч человек. Это означало, что отсталая сельскохозяйственная экономика, безусловно, гораздо легче переносила промышленные кризисы. Следовательно, только Австрия была подвержена воздействию всего комплекса отрицательных последствий экономического и политического кризиса, поскольку Чехословакию от него защищали дипломатические аспекты. В преимущественно аграрных странах кризис отразился прежде всего на ценах как в результате падения мирового спроса (прежде всего европейского), так и вследствие протекционистских мер, часто составлявших костяк правительственной политики.

С международной точки зрения поиск возможного ответа на кризис проходил в двух направлениях: поиск схем общего соглашения, которое стало бы всеобщей надеждой на спасение или же заключение двусторонних соглашений между различными державами. Путь двусторонних соглашений, по которому пошли только после того, как общие договоренности оказались невозможны,

был выражением политического противостояния крупнейших европейских держав в Дунайско-Балканском регионе, то есть отражением экономического национализма и политических амбиций Франции, Италии, Великобритании, а затем и Германии. Однако именно изменение политической ситуации делало невозможным достижение общего соглашения.

Вероятно, общая договоренность по вопросу об экономической стабилизации в регионе была бы возможна, если бы существующее соотношение сил не изменило появление нового (или возрожденного) фактора германского влияния, заставившего Францию предпринимать изнурительные (и почти всегда бесполезные) усилия, чтобы сочетать поиск общих договоренностей с дипломатическими гарантиями, которые подтвердили бы силу гарантий в отношении Германии. Французское правительство предприняло шаги в этом направлении в 1927 г., когда предложило создать конфедерацию государств-преемников Австро-Венгерской империи, однако предложение не имело успеха из-за оппозиции Штресемана и враждебного отношения Италии, обусловившего отрицательную позицию Австрии. На данном этапе французская политика все еще представляла собой зондаж возможности объединить усилия европейских государств, с которым Бриан связывал надежды на безопасность Франции. Эта ориентация была возобновлена в 1929–1930 гг. в форме его предложений по созданию Европейского союза.

В 1931 г. французы в сотрудничестве с чехословацким правительством вновь выдвинули свои предложения по созданию конфедерации, учитывая опыт только что провалившегося проекта австро-германского таможенного союза. По существу, их план предусматривал создание системы таможенных, тарифных, торговых и финансовых связей между Австрией, Чехословакией, Югославией, Румынией и Венгрией с перспективой все более тесной экономической, а затем и политической интеграции. Как отмечает Д'Амоия, «консервативные цели плана были даже слишком очевидны. Австрия и Венгрия, более слабые в экономическом отношении из-за промышленного и торгового превосходства Чехословакии и, кроме того, зависящие от финансовой поддержки Франции, оказались бы в подчиненном положении по отношению к Малой Антанте и вынуждены были бы признать *status quo*».

На стороне Франции была мощь ее финансовых ресурсов. Не будучи еще серьезно затронута рецессией и обладая внушительными запасами золота, она могла предоставлять «политические» займы на хороших условиях. С противоположной стороны ни Италия, ни Германия (которые по этому поводу попытались пред-

принять согласованные шаги в противодействие Франции) не располагали сравнимыми ресурсами. Кроме того, они занимали соперничающие позиции в отношении *Angeleichung*. Реализация французского проекта несколько продвинулась вперед, и в апреле 1932 г. Франция и Великобритания приняли решение организовать международную конференцию по проблемам «оздоровления» Дунайской Европы. Такая конференция открылась 5 сентября 1932 г. в г. Стреза с целью выработать предложения по оздоровлению рынка капиталов, улучшению условий торгового обмена, сбалансированию цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и контролю за ними в регионе Дунайского бассейна и в сопредельных странах.

Концепции проблем региона, противостоявшие друг другу с самого начала, проявлялись во время работы конференции. Ее главные участники сделали все возможное для утверждения соответствующих точек зрения. В какой-то момент показался возможным компромисс относительно предложения, допускавшего принцип заключения многосторонних соглашений при условии, что будут соблюдаться уже существующие двусторонние соглашения. Однако такая концепция, поддерживавшая позиции Франции и Италии, оспаривалась немцами, которые стремились истолковать ее как способ сдерживать их инвестиции в Австрии увязав это с общим сотрудничеством на Балканском полуострове. Таким образом, конференция завершилась практически ничем, приняв решения о мерах общего характера, богатых по концепциям, но чрезвычайно бедных по своей эффективности. «Спасение дунайских государств, — замечают по этому поводу Жиро и Франк, — происходило посредством их вхождения одного за другим в “клиентелу” одной из великих держав». Чехословакия, Югославия и Румыния (но эта последняя с множеством оговорок) были связаны с Францией; Венгрия, Австрия и Болгария, в большей степени выбивавшаяся из общего ряда, сближались с Италией, однако были готовы также воспользоваться плодами германского подъема; Албания контролировалась Италией и Великобританией; Греция была частью британской средиземноморской системы.

Ощущение (более или менее обоснованное), что французы хотели воспользоваться своим финансовым превосходством для того, чтобы извлечь из него политические преимущества, в конце концов обернулось им во вред. За несколько недель, в то время как Чехословакия оставалась связанной с Францией, весь Балканский полуостров вступил в этап развития, сопровождавшийся важными новшествами, и чреватый серьезными последствиями. В Югославии, где в начале 1929 г. король Александр I осуществил

преобразование королевства в авторитарном духе, отменив сербо-хорватско-словенское деление и распустив политические партии, набирали силу этнические противоречия. Ужесточение авторитарной политики, инициированное королем в середине 1932 г., привело к обострению противостояния с оппозицией. Враждебное отношение хорватов к централизации выражалось частично легально, частично нелегально. Сепаратистская группа раскололась, а ее лидеры Густав Перчеч и Анте Павелич укрылись один в Болгарии, другой в Италии, где они искали поддержку для борьбы против белградского правительства. Югославы в ответ попытались затруднить положение албанского короля Зогу и вывести его из-под итальянского контроля. Подобным же образом изменилась ситуация и в Румынии, где король Кароль II способствовал замене либерального правительства авторитарным, важную роль в котором играл министр иностранных дел Николае Титулеску. Договор о дружбе с Италией, срок которого уже истек, был продлен, и румыны продолжали колебаться в своей ориентации между Малой Антантой, Италией, а теперь — и Германией. Титулеску отстаивал возможность итало-французского соглашения, в результате которого обе державы оказались бы во главе Малой Антанты.

Более важными были изменения в Венгрии и в Австрии, а также поворот, который совершила в это время в своей международной политике Италия в результате того, что пост министра иностранных дел снова занял Муссолини. В Венгрии министерство Карольи (август 1931 — сентябрь 1932 г.) заняло не столь явно ревизионистскую позицию по сравнению с графом Бетленом, его предшественником. Экономический кризис вынудил Будапешт не обострять отношения с Францией. Однако не случайным было то, что окончание конференции в Стресе, продемонстрировавшее отсутствие результатов в этом направлении, подтолкнуло крайние силы венгерского ревизионизма к тому, чтобы способствовать приходу к власти генерала Дьюлы Гёмбёша, главы контрреволюционного движения, подавившего в 1919 г. режим Бела Куна. Гёмбёш был ярким националистом, поклонником Муссолини, антисемитом и, следовательно, потенциальным союзником Гитлера. При Гёмбёше — одном из вдохновителей секретных военных соглашений с Италией, сопровождавших договор о дружбе 1927 г., — ревизионистская политика возобновилась в полную силу. Первый осуществленный им визит за границу был визит в Рим, в октябре 1932 г. Гёмбёш намеревался поставить взаимодействие с Италией на новую основу и продвигался в направлении, указанном Бетленом, — очень тесного экономического сотрудничества между Венгрией, Австрией и Италией.

Внутренняя ситуация в Австрии изменилась с середины 1932 г., когда канцлером был назначен Энгельберт Дольфус, представитель Христианско-социальной партии. В течение некоторого времени Дольфус, не располагавший твердым парламентским большинством, размышлял над созданием правительства национального сотрудничества, которое включило бы в коалицию социал-демократов и сделало бы страну управляемой. Австрия, глубоко потрясенная экономическим кризисом, оказалась в весьма тяжелых международных условиях, связанных с отчаянной потребностью в финансовых ресурсах и с озабоченностью, вызванной проектом *Angleichung*. В международной сфере первым шагом Дольфуса было сближение с Францией, от которой зависела поддержка независимости Австрии и финансирование нового международного займа, который просило венское правительство. Франция благосклонно ответила на эти *avances*, однако обусловила предоставление займа в 300 млн австрийских шиллингов (который должен был состоять из вкладов различных стран) обязательствами выступать против аншлюса и поддерживать проекты, предлагавшиеся французами для Дунайского региона. Дольфус согласился с условиями займа, но позднее осознал, что по воле французов страна оказалась под контролем со стороны Лиги Наций, еще более суровому, чем тот, что был установлен в отношении займа 1922 г., и предоставившем юридический повод прибегнуть к помощи Гаагского суда в борьбе с *Angleichung*.

К тому же Дольфус должен был признать, что французы (с мая месяца во Франции вернулся к власти левый блок) двояко относились к австрийской социал-демократии: поддерживали ее в усилиях по созданию в Австрии правительства национального единства (необязательно во главе с Дольфусом), но не доверяли ей из-за склонности к объединению с Германией, которая была свойственна австрийским социал-демократам вплоть до прихода нацизма к власти.

Эта двойственность привела к отсрочке ратификации французами соглашения о займе, что встревожило Дольфуса. Существование его правительства опиралось в парламенте на поддержку крайне правых и, в особенности, — группы депутатов, принадлежавших к организациям хеймвера (*Heimwehren* — «Союз защитников родины»), националистической и антикоммунистической группировки, возглавляемой таким весьма сомнительным персонажем, как Эрнст Штаремберг, антинацистски настроенный сторонник независимости, который хотел стать героем возрождения своей родины — Австрии. Поэтому когда Муссолини установил с ним контакт, ему было легко настроить Штарембера против Гитлера и подтолкнуть к поддержке политики Дольфуса.

Контакты Штаремберга с Муссолини укрепились начиная с июня 1932 г., месяц спустя после создания кабинета Дольфуса. Муссолини пригласил главу австрийского правительства в Рим, и тот после периода колебаний, предшествовавшего конференции в Стресе, когда он пытался держать открытыми двери французской и одновременно итальянской ориентации, в конце октября принял приглашение. Это было начало сотрудничества, которое впоследствии станет все более тесным и перерастет в личную дружбу (если об этом можно вообще говорить применительно к международным отношениям). Однако Дольфус отнесся к итальянскому лидеру на первых порах с осторожностью. Поддержка хеймвера была нужна ему в парламенте; поддержка же Италии могла бы стать в переходный период слишком стесняющей.

Неудача конференции в Стресе, приход к власти Гитлера и его непосредственные последствия в Австрии, где сразу же заметно активизировалась нацистская и пангерманская деятельность, подтолкнули Дольфуса к поиску все более решительной поддержки со стороны Муссолини. Это сближение прошло через этап непосредственного сотрудничества между Австрией и Венгрией, которые в 1932 г. начали переговоры о заключении нового торгового договора, быстро завершившиеся в декабре этого же года.

Событие, произошедшее в январе 1933 г., сделало сближение более отчетливым и более спорным. Речь идет о «деле Хиртенберга», то есть о посылке Италией оружия хеймверу под легальным прикрытием, но в нарушение статей Сен-Жерменского и Трианонского договоров, поскольку транспортировка осуществлялась через венгерскую территорию. Отправка оружия велась почти открыто, поскольку оно принадлежало к итальянским военным трофеям 1918 г., а предлогом служило объяснение, что оружие следовало отправить на место изготовления с целью вновь привести его в боеготовность. В действительности, намерения итальянцев состояли в том, чтобы более прочно вовлечь австрийцев в тройственный союз с Венгрией. Муссолини подтолкнул Дольфуса, ослабленного полемикой по «делу Хиртенберга» в парламенте, к установлению авторитарного правления с опорой на «патриотический фронт», дистанцировавшийся от традиционных политических сил. Это была попытка почти повторить в Австрии то, что было сделано в Италии. Дольфус подтвердил свой политический курс, когда в феврале 1934 г. подавил в Вене силой выступления социалистов против его политики. Таким образом, всякая связь с прошлым была оборвана, а Дольфус действительно превратился в инструмент итальянской политики. 17 марта 1934 г. в Риме были подписаны пакт о консультациях и экономические

протоколы, которые на бумаге создавали таможенный союз между двумя странами. То, что не удалось сделать Франции, казалось, удалось Муссолини, хотя все это уже сопровождалось ростом влияния нацистской Германии.

Особенности данного этапа итальянской политики в Дунайско-Балканском регионе объясняются тем, что в середине 1932 г. Муссолини решил осуществить поворот в итальянской внешней политике, взяв в свои руки министерство иностранных дел и назначив на пост замминистра Фульвио Сувича, бывшего представителя национализма Триеста и естественного выразителя «дунайского компонента в итальянской внешней политике». В таком изменении была заинтересована не только Италия. Оно касалось всей международной ситуации в целом. В самом деле, Муссолини предугадал в изменениях, происходивших в Германии, неизбежный приход к власти политической силы, которая приведет к потрясениям и изменениям в Европе. Он предполагал достичь некоторых целей итальянской внешней политики до того, как станут ощутимыми результаты деятельности нацистов. Итальянские интересы заключались в присутствии на Балканском полуострове и территориальной экспансии в Эфиопии. Колониальная кампания была имперской мечтой Муссолини. Но для того, чтобы она стала возможной, необходимо было гарантировать ситуацию на Балканах от неожиданностей. Отсюда — необходимость действовать быстро с целью обеспечить надежную базу в Адриатике и в Средиземноморье в преддверии военных действий в Эфиопии, которые итальянский Главный штаб начал готовить именно в 1932 г. В тот период Муссолини было выгодно использовать ту тревогу, которую рост нацизма вызывал в европейских странах-победителях. В этой ситуации ему удалось усилить итальянские позиции в ущерб французскому влиянию на страны Малой Антанты еще до того, как Гитлер получил какую-либо свободу маневра.

2.5. Германская внешняя политика и проблема всеобщего разоружения от Брюнинга до Гитлера

2.5.1. ЖЕНЕВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Изменения в германской политике ясно проявились на международной конференции по разоружению, начавшейся в Женеве 2 февраля 1932 г. после семи лет подготовительной работы. Завязавшиеся дискуссии были провозглашены началом новой эпохи, как это всегда случается, когда собираются международные кон-

ференции с «высокими» целями. Количество присутствовавших делегаций (целых 62), часто представленных на самом высоком уровне, создавало впечатление «напыщенности». В действительности, за этой внешней картиной со все большей остротой проявлялись давние проблемы. Французская сторона во время подготовительного этапа всегда связывала вопрос о всеобщем разоружении с проблемой мирного урегулирования, то есть с необходимостью всеобщих соглашений, которые вписали бы разоружение в систему безопасности, что по сути воспроизводило предложения 1924 г. (Женевский протокол — арбитраж, безопасность, разоружение) как три взаимосвязанных принципа, один из которых обуславливал другой в иерархическом порядке. В 1932 г. перед лицом возрождения немецкого национализма французам не удалось выработать иной путь, чем путь возврата к гарантиям коллективной безопасности в качестве условия уступок в вопросе о разоружении.

В соответствии с этими установками план, представленный Андре Тардье, военным министром в первом правительстве Лавалея, находившемся тогда у власти, предлагал двухэтапное разоружение: первый этап — количественный (ограничение численности личного состава) и второй — качественный (отказ от части тяжелого вооружения). В дополнение предлагалось создать международные вооруженные силы под эгидой Лиги Наций. С английской и американской стороны не было столь же проработанных предложений, тогда как Дино Гранди, итальянский министр иностранных дел с 1929 г., инициатор и поборник политики примирения с западными державами, предложил достаточно внушительный ряд качественных сокращений, заявив о готовности Италии (наиболее слабой из европейских держав) согласиться с минимальным уровнем вооружений, который решат установить крупнейшие европейские страны. Но в то же самое время он избежал всякого упоминания об укреплении Лиги Наций и связал тему сотрудничества с темой международной «справедливости», где термин «справедливость» следовало понимать как расположенность к ревизионизму, то есть как прямо противоположное предложениям французов.

2.5.2. ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА ПРАВ (GLEICHBERECHTIGUNG)

Для немцев вопрос, однако, стоял иначе. Канцлер Брюнинг, уже в течение почти двух лет сдерживавший наступление нацистов, нуждался в безусловной победе для укрепления своего неустойчивого положения. Он предложил англичанам и американцам компромисс, который должен был противостоять непреклонности

французов. Тем временем правительство Лавалья пало, и 20 февраля сам Тардьё сформировал новое министерство, в котором он занял пост министра иностранных дел, что являлось подтверждением французской непримиримости. Брюнинг потребовал освобождения Германии от обязательств, которые налагал на нее Версальский договор. Основываясь на невыполнении другими сторонами требований Лиги Наций в сфере разоружения, он предложил ряд односторонних гарантий с немецкой стороны (таких, как отказ от выдвижения территориальных вопросов в течение определенного периода и согласие на разоружение под международным контролем) в обмен на признание принципа *Gleichberechtigung*, то есть равенства прав немцев на вооружение с другими державами. Признание такого принципа сделало бы возможным заключение обязывающих стороны соглашений ранее, чем любые принципы заменит суровый факт одностороннего перевооружения Германии в обход договоров.

Впрочем, германский Генеральный штаб уже тайно проводил перевооружение, в том числе и благодаря секретным военным соглашениям с Советским Союзом, заключенным начиная с 1921 г. Они позволяли немецким подразделениям испытывать новые виды вооружений и проводить учения на территории СССР. Следовательно, наступил момент чрезвычайной важности, поскольку постоянному требованию французской стороной безопасности была противопоставлена реальность происшедшего в Германии поворота и необходимость выработки позиции, которую европейские державы должны были занять в отношении этого поворота: сопротивляться ли ему; противостоять ли с помощью силы, которая впрочем отсутствовала; или же идти на уступки в надежде смягчить германский ревизионизм, способствуя выполнению канцлером Брюнингом роли посредника с учетом давления, оказываемого на него нацистами. Начиналась эпоха выбора между политикой твердости по отношению к ревизионизму и политикой гибкости, предварявшей то, что несколько лет спустя будет названо *appeasement* (умиротворение).

Англичане и американцы, отдавая себе отчет в трудностях Брюнинга, были не прочь согласиться с предложениями немцев. Итальянцы занимали промежуточную позицию, поскольку они готовились вести переговоры по интересующим их проблемам (как уже было в прошлом и как будет в ближайшем будущем) в условиях благоприятного отношения западных держав к международным амбициям Муссолини. Гранди открыто связывал проблему разоружения с проблемой итальянской колониальной экспансии: «Если постепенно придти к признанию новых ситуаций

и новых политических потребностей, — заявил он 4 мая в своей речи в палате депутатов, — то невозможно пренебречь признанием колониального фактора, представленного Италией». Однако Тардьё не изменил позицию и Франция сохраняла категорическую враждебность в отношении принципа равенства. В мае 1932 г. конференция была заблокирована этими непримиримыми позициями. Изменению ситуации не помогло и то, что в результате выборов во Франции 8 мая вместо правой коалиции к власти пришли представители левого блока, все еще возглавляемого Эррио.

В действительности Эррио стремился сблизить французскую позицию с англо-американской, смягчая не только принципиальные противоречия, выявившиеся в Женеве, но также и разногласия между двумя сторонами по проблеме Маньчжурии. Если бы англо-франко-американская позиция 1919 г. была каким-то образом восстановлена, тема безопасности предстала бы совершенно по-иному, и даже возросла бы расположенность французов к уступкам в сфере разоружения. Эррио обсудил проблему отдельно с англичанами и американцами, и в начале июня, казалось, стала вырисовываться общая позиция. Эта позиция выводила Францию из изоляции, мешала Италии наращивать свои амбиции до роли посредника и открывала диалог (на определенных условиях, касавшихся приоритета действующих норм в области безопасности) по проблемам качественного и количественного разоружения, хотя и не содержала ответа на главный вопрос, поднятый немцами.

Однако если позиция французов была смягчена, то германская, напротив, — ужесточена. Брюнинг, под давлением экономической ситуации и полемики, которую вызвали его предложения по аграрной реформе, а также неудач во внешней политике, в конце мая подал в отставку. Был распущен рейхстаг и назначены новые выборы. В результате было сформировано правительство «национального согласия» с преобладанием правых, возглавленное Францем фон Папеном, способным манипулятором, лишенным самостоятельного политического веса, ранее принадлежавшим к партии «Центра», но постепенно приблизившимся к авторитарным позициям, пользовавшимся благосклонностью президента Гинденбурга и поддержкой Гитлера.

Последний со своей стороны одержал громкую победу на выборах, состоявшихся 3 июня, и стал лидером самой влиятельной политической силы в Германии. В стране стало невозможно править, выступая против нацизма. Запреты, наложенные правительством Брюнинга на нацистские военизированные формирования, были немедленно отменены. В международной сфере фон Папен мог лишь с возросшей непримиримостью отстаивать позиции

своего предшественника. В серии встреч один на один Эррио пытался найти промежуточное решение. В свою очередь президент Гувер, связанный целями предстоящей президентской избирательной кампании (в ходе нее произойдет громкое избрание Рузвельта президентом Соединенных Штатов), считал необходимым предпринять одностороннюю инициативу, которая имела безусловный пропагандистский эффект с точки зрения общественного мнения его страны, но которая не учитывала реального хода дискуссий в Женеве. 22 июня он представил проект, предусматривавший общее сокращение всех вооружений приблизительно на одну треть. Таким образом Гувер демонстрировал, что он не считает пересмотр соглашения между французами и англичанами серьезным компромиссом. Единственным делегатом, горячо одобрявшим его предложения, был итальянец Гранди, для которого главная проблема состояла в привязке позиции Италии к позиции какой-либо другой великой державы. Для других делегатов это означало бы необходимость начать все сначала.

В конце июня конференция, работавшая параллельно с конференцией по репарациям в Лозанне, оказалась в тупике. В Лозанне принятие решения об окончании выплаты репараций сопровождалось англо-французским пактом о консультациях, частично секретным и направленным на согласование соответствующих действий в случае, если Германия вознамерится разорвать обязательства, наложенные на нее Версальским договором. Очевидно, что англичане проводили крайне двойственную и нечеткую политику, поскольку заявляли об отсутствии принципиальных возражений в отношении пересмотра определенных статей мирных договоров, а затем демонстрировали желание сделать уступки позициям французов, диаметрально противоположным такому пересмотру. Надежда на то, что можно возродить *l'entente cordiale*, была иллюзорной, так как Великобритания в эти месяцы «создавала» своего рода протекционистскую крепость, получившую название «стерлинговый блок», и каждое политическое соглашение должно было подчиняться этой цели, которую Лондон считал главной.

Поэтому Женевская конференция стала постепенно заходить в тупик. Когда 20 июля главный докладчик министр иностранных дел Чехословакии Бенеш представил свой доклад, то ни на один из главных вопросов в нем не было четких ответов. Доклад был поставлен на голосование, и делегации четко разделились: итальянцы воздержались, немцы голосовали против. 22 июля делегат от Германии Надольный объявил о своей позиции, сопроводив это заявлением о том, что Германия не будет участвовать в работе конференции до тех пор, пока не будет признано ее юридическое

и фактическое равноправие. Хотя большинство одобрило почти неоспоримым большинством доклад Бенеша (41 голос за, 2 против — среди которых вместе с немецким был также советский голос — и 8 воздержавшихся), было очевидно, что перерыв в работе конференции до конца сентября являлся не только технической мерой, но и «политическим перерывом». Будущее конференции зависело от решения германского вопроса.

Когда конференция возобновилась, позиции остались без изменений. Появилась необходимость еще раз отложить ее работу на три месяца, в течение которых германский внутренний кризис лишь усугубился. В ноябре канцлер фон Папен назначил новые выборы, и несмотря на то, что они показали некоторые подвижки в результатах, полученных Национал-социалистской партией, ему пришлось отказаться от власти. Канцлером был назначен генерал Курт фон Шлейхер, покровительствовавший Гитлеру. В этот момент французы осознали необходимость сделать наконец уступку, которая, впрочем, была уже бесполезной. В декларации, обнародованной 11 декабря 1932 г., французское, английское и итальянское правительства заявили о признании принципа *Gleichberechtigung*. Практически предшественнику Гитлера уступили в том, в чем отказывали Брюнингу, консервативно настроенному канцлеру, который, впрочем, еще был склонен попытаться возродить демократический опыт правительств левоцентристской коалиции. Это был бесполезный и ошибочный шаг. Когда Гитлер 30 января 1933 г. стал канцлером, он не приказал своему министру иностранных дел Константину фон Нейрату немедленно прекратить участие в работе конференции. Еще в течение девяти месяцев ее работа продолжалась почти в сюрреалистической атмосфере взаимных обвинений и протестов, которые не стоит анализировать. Очевидно, что Гитлер стремился заставить конференцию признать не только равноправие, но прямо-таки право Германии на перевооружение.

В мае 1933 г. конференция оказалась в состоянии полного кризиса. Гитлер уже занял позиции, делавшие невозможным соглашение, поскольку он требовал, чтобы решение, принятое 11 декабря, было реализовано, и уровень вооружений союзников был немедленно снижен до уровня вооруженной Германии. Иными словами, он требовал разоружения Франции в качестве условия того, что Германия не будет перевооружаться, и отталкиваясь от обоснованных юридических позиций, пошел на политический шантаж. 14 октября 1933 г. немцы покинули конференцию по разоружению. В тот же день они заявили, что Германия выходит из Лиги Наций. 12 ноября результаты плебисцита подтвердили, что 99% немцев были согласны с этим шагом.

2.6. Общие соображения относительно поворота, происшедшего в первой половине 30-х годов

Экономический кризис выявил проблемы, присущие капиталистической системе, основанной на рыночной экономике. Их переосмысление было необходимо для усовершенствования способности этой системы структурировать социальные и производственные изменения и служить регулирующим механизмом экономической жизни. Джон Мейнард Кейнс стал самым авторитетным выразителем необходимости такого переосмысления. Его «Трактат о деньгах», опубликованный в 1930 г. — за ним последовал целый ряд других работ, в том числе вышедшая в 1936 г. «Общая теория занятости, процента и денег» — явились своего рода манифестом нового понимания рыночной экономики: не как ее примитивная ориентация на прибыль, а как обновление ее функциональных правил с целью вернуть системе жизнеспособность. Осторожность в финансовой сфере, повсюду свойственная господствующему политическому классу, препятствовала тому, чтобы рост массового предложения сопровождался параллельным ростом массового спроса. А это оказывало непосредственное влияние «на уровень прямых инвестиций и, понижая его, следовательно, на показатели максимальной эффективности капитала» (А. Негри). Отсюда необходимость регулировать будущее развитие посредством комплекса мер государственного вмешательства, которое, не устраняя риска, внутренне присущего экономической деятельности капиталистической системы, послужило бы способом выхода из стагнации и кризиса. Новая теория требовала размышлений над задачами государства в экономике и над характеристикой производительных сил в качестве рыночных в общей капиталистической системе.

Эти размышления получили живой отклик в Соединенных Штатах, где политика Нового курса испытала явное влияние кейнсианства, позволившего стране трансформировать каждый последующий кризис в простую рецессию и пойти по пути стабильного экономического роста, что укрепило глобальное превосходство Соединенных Штатов сначала в экономической сфере, а затем, после Второй мировой войны, — в политической. В Европе глубокие межгосударственные противоречия помешали выработке общей стратегии восстановления экономики. Атмосфера политических опасений обусловила выбор экономической стратегии. Кризис способствовал принятию решений, которые не столько

ориентировались на экономически стабильные пути, сколько диктовались националистическими соображениями.

В этой атмосфере конец репараций в результате экономического кризиса и отказа немцев от их уплаты, а также неудача попытки напрямую увязать тему германских долгов с проблемой межсоюзнических долгов, подтвердили неспособность политических деятелей быстро построить, помимо политических связей, также и связи в экономической и финансовой сфере между Союзенными Штатами и Европой. Различные системы сосуществовали по-отдельности, и каждая руководствовалась своими собственными интересами. Противоречия одержали верх над осознанием необходимости создания глобальной взаимозависимой системы, которая могла бы противостоять внешним вызовам только в случае, если бы она признала свое существование в качестве единого целого.

В политическом плане поворот начала 30-х годов выявил исчезновение духа Локарно. Некоторые формальные моменты соглашений могли еще действовать, но начиная с 1929–1930 гг. Германия демонстрировала, что в своей внешней политике она стремится отойти от сотрудничества с Францией и формировать собственную политику в другом направлении. В первую очередь это означало — в направлении Австрии и Балканского полуострова. Затем — также и Польши. В этот поворот — вызванный смертью Штресмана, но более глубоко уходящий корнями в практический поиск Германией самостоятельного пути, который вернул бы ей пространство для внешней политики и торговой экспансии, отобранное в результате контроля французов, — вписалась новая позиция Великобритании. Неоднократные выступления англичан, ставшие еще более откровенными после конференции в Оттаве в 1932 г. и начала создания Содружества, отчетливо демонстрировали, что в Лондоне смотрели на аншлюс как на неизбежное событие и что в целом англичане оставались скорее индифферентными в отношении планов ревизии территориального устройства стран Восточной Европы и Балканского полуострова.

Италия, со своей стороны, продолжала проникновение на Балканы и вела военную подготовку колониальных кампаний, проводя неоднозначный курс во внешней политике, требовавший многочисленных издержек. Новый немецкий самостоятельный курс способствовал воспроизводству еще не совсем отчетливого дуализма, который возвращал Италии то поле для маневра, которое было отнято у нее соглашением Бриан–Штресман. Отношения с Францией колебались между моментами жестких столкновений и

вариантами компромисса в контексте совпадения многочисленных европейских интересов. Наиболее постоянной характеристикой итальянской международной деятельности было, однако, согласие с Великобританией. Средиземноморское соперничество еще не разгорелось. До тех пор, пока не приобрел актуальность колониальный вопрос, общая заинтересованность в сохранении *status quo* в Средиземноморье и общая склонность попустительствовать «ревизионистским» позициям сближали политику обеих стран.

Таким образом, вплоть до прихода к власти Гитлера в начале 1933 г. и еще в течение нескольких месяцев после этого поворота Франция оставалась одна в своих попытках укрепить антиревизионистский фронт, не стремясь при этом к поиску компромиссов с другими странами, которые раньше не были с ней связаны, а лишь обуславливая финансовую помощь и политические переговоры подтверждением антиревизионистских гарантий.

Это была слишком хрупкая последняя точка для того, чтобы биться до конца. Политический кризис, порожденный экономическим кризисом, не был разрешен. Противоречия продолжали обостряться. Приближался момент подведения итогов. Кризис Версальской системы трансформировался в ее крах. Европейская модель демонстрировала остальному миру внутренне присущую ей хрупкость. Только Соединенные Штаты и Советский Союз смогли бы поддержать ее существование, но ни одна из двух стран не была тогда способна, да и не стремилась, действовать в этом направлении. Слишком много было внутренних причин, слишком очевидно было различие целей и слишком сильна была враждебность в отношении сохранения вечных причин для европейского соперничества, чтобы две державы преждевременно вышли из своей изоляции. В этой обстановке за пределами Европы начала разрушать мировой порядок Япония. Муссолини, движимый стремлением избежать того, чтобы неминуемый европейский пожар воспрепятствовал осуществлению его «ревизионистских» планов, подготовился подражать ей.

Глава третья
**КРИЗИС И КРАХ
ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ**

*3. 1. Внешняя политика Японии
и захват Маньчжурии*

3.1.1. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЯПОНИИ В ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ

Определение «Версальская система», в узком смысле слова, включает не только проблемы, связанные с Парижскими договорами, но и переустройство территорий государств, являвшихся их объектами. В действительности, это определение, в сжатой форме синтезировало сложную, но однозначную реальность — оно представляло собой одну из бесчисленных попыток, но в крайней форме, адаптировать глобальные международные отношения к модели, принятой европейской дипломатией, несмотря на ее ограниченность, проявившуюся в 1914 г., в 1919 г. и в последующий период.

Более широкое толкование самой концепции этой модели позволяет утверждать, что переход от кризиса к слому системы, конец *status quo*, крушение иллюзий, родившихся в Париже в 1919 г., началось за пределами Европы — на Дальнем Востоке. Маньчжурский кризис, спровоцированный Японией, хотя и был далек от европейских противоречий, явился их отражением, по крайней мере, с того момента, когда в начале XX века японская дипломатия связала свою судьбу с европейской внешней политикой.

Этот кризис стал начальным этапом распада системы, так как основная парадигма развития кризиса открыто противоречила тому, что до 1932 г. пытались делать в Европе, где неустанно искали дипломатические решения всех споров. Только действия Муссолини и Гитлера в 1935 г. прервали эту цепь изнурительных переговоров. Кроме того, Маньчжурский кризис стал возможен именно потому, что Европа и Соединенные Штаты были слишком далеки от региона развития событий и были слишком погружены в распутывание клубка собственных экономических и политических проблем, чтобы быстро реагировать на происходящее (допуская, конечно, что у них было такое желание).

То, что произошло в Маньчжурии, было жизненно важно для сущности самой Версальской системы и затрагивало интересы

многих ведущих держав (прежде всего Соединенных Штатов, Советского Союза и Великобритании), но геополитическая удаленность страны сделала ее легкой добычей Японии. Европейская модель захватнической войны была воспроизведена в самом худшем виде, оставив после себя бездыханный труп «коллективной безопасности», т.е. Лиги Наций. Кризис развивался очень быстро: от заявлений японцы перешли к реальным конкретным акциям — это стало началом краха системы.

Превращение Японии в великую державу на Тихом Океане началось с признания этого факта в последнем десятилетии XIX века. Участие в коалиции победителей во время Первой мировой войны содействовало ее дальнейшему усилению. После войны в Японии произошли глубокие политические преобразования, начался бурный экономический рост. Политические изменения были связаны с тем, что милитаристская (или самурайская) олигархия, которая управляла страной, уступила место гражданскому правительству из представителей партий, опиравшихся на парламент, в выборах которого с 1925 г. участвовало все мужское население.

Среди наиболее крупных партий была *Сэйюкай*, которую отличала четко выраженная консервативная ориентация, так как она была связана с интересами крупных промышленников, а также крупных и мелких землевладельцев и проводила империалистическую внешнюю политику, в особенности в Северном Китае, Маньчжурии и Монголии. Другую партию — *Минсэйто* характеризовала либеральная тенденция, поскольку она была связана с деловыми и торговыми кругами и заинтересована в осуществлении торговой экспансии. Обе партии зависели от двух ведущих монополистических групп, которые господствовали в японской экономике: *Сэйюкай* от группы Мицуи и *Минсэйто* от группы Мицубиси.

Позиции двух партий — согласно Джорджу Борса — выражали интересы двух группировок. Консерваторы защищали империалистическую политику, потому что интересы Мицуи были особенно сильны в Маньчжурии. Минсэйто выступала за проведение более либеральной политики, поскольку интересы группы Мицубиси сосредоточивались преимущественно в торговле. Эта обусловленность политической деятельности экономическими интересами была настолько глубокой, что породила цепь зависимости по типу клиентелы и реакционных маневров — все это привело к кризису хрупкой японской демократии. С другой стороны, при сложившемся режиме Япония добилась значительных экономических успехов, и ее промышленное производство в 1929 г. возросло на 300% в сравнении с довоенным уровнем.

В целом, в этой азиатской стране отразились все противоречия бурного роста и нерегулируемой модернизации. Она преодолела экономический кризис, который незначительно поразил ее на короткий период (в 1930–1931 гг.), в результате протекционистских мер, принятых на международном рынке по отношению к экономике, ориентированной на экспорт. Тем не менее, уже в 1932 г. ее подъем был мощным и очевидным.

3.1.2. ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ МАНЬЧЖУРИИ И ЛИГА НАЦИЙ

Внешняя политика Японии находилась в тесной зависимости от внутренней ситуации, но в целом была очень осторожной, хотя и не могла не считаться с необходимостью сотрудничества-соперничества с Китаем и его все более растущим давлением в отношении наращивания инвестиций в Маньчжурию.

«Особые интересы» Японии в этом регионе были признаны русско-японским мирным договором 1905 г. и заключенными вслед за ним китайско-японскими соглашениями. В особенности это относилось к контролю над полуостровом Ляодун и трансманьчжурской железной дорогой, к правам на разработку залежей полезных ископаемых и к признанию привилегий японских граждан в сельскохозяйственной, промышленной и торговой деятельности. Договор с Китаем от мая 1915 г., еще более ужесточил условия реализации этих уступок. Для Китая складывалась неприемлемая ситуация, в особенности потому, что последствия кровавого перехода к послереволюционному устройству становились все тяжелее. Это объясняет, почему правительство Китая стремилось либо добиться отмены этих привилегий, либо лишить их действительности.

Китайцы пытались заблокировать право японских граждан на приобретение земель в Южной Маньчжурии, на осуществление железорудных разработок, а также на эксплуатацию железных дорог в этом регионе. Речь шла об очень важных вопросах, относительно которых существовали сложные юридические установления. На основе договоров японцы получили в свое управление железную дорогу в Южной Маньчжурии, а вместе с тем приобрели также «все привилегии, права и собственность на всю железнодорожную сеть этого региона». Эта была статья, которую японцы стремились толковать слишком широко, в ущерб китайской юрисдикции. К этому добавлялся еще и тот факт, что японцы совершенно не желали отказаться от права инвестировать в дальнейшее строительство железных дорог. В 1931 г. они построили

во всей Маньчжурии около 1000 километров железных дорог, утверждая, что хотели тем самым содействовать экономическому росту региона.

Здесь в сложном клубке сплелись разные интересы. К этому следовало добавить также вопрос о почти миллионе корейских эмигрантов в Маньчжурии, которых китайцы расценивали как авангард японского вторжения, поскольку Корея была тогда частью империи Восходящего Солнца, что подрывало власть китайского правительства и ставило под вопрос возможность Токио влиять на ситуацию.

В эти годы в Японии у власти находилось правительство под председательством Осати Хамагути, сформированное партией Минсэйто. В 1930 г. он вступил в острое столкновение с военными кругами и с Частным Советом короны в связи с тем, что на Лондонской конференции по судоходству принял условия, которые были расценены как унижительные реакционными руководителями японского военно-морского флота. В ноябре 1930 г. на Хамагути было совершено покушение фанатиком-националистом. Он умер спустя несколько месяцев, в апреле 1931 г.; на посту главы правительства его сменил другой представитель той же партии, барон Рейхиро Вакацуки, который затем представлял Японию на Лондонской конференции. Барон Хихуро Сидэхара стал министром иностранных дел. Но если Хамагути был сильной личностью, способной разрешать внутренние политические противоречия, то новый глава правительства не обладал достаточным авторитетом и не был способен противостоять давлению милитаристских кругов, действовавших в Маньчжурии.

Когда 18 сентября 1931 г. несколько военных частей, находившихся под японским командованием в Маньчжурии, заняли Мукден, главный город региона, и продолжили свое продвижение по территории Маньчжурии под предлогом защиты железных дорог, находившихся в японской собственности и якобы подвергавшихся постоянным нападениям со стороны китайских нерегулярных формирований, то правительство Токио оказалось перед свершившимся фактом. Спустя три дня китайское правительство обратилось в Лигу Наций и как участник пакта Бриана-Келлога к американскому правительству. Ситуация была сложной и требовала осторожного подхода. За пределами Японии никто не хотел создавать трудности для ее слабого правительства и министра иностранных дел Сидэхара, противопоставляя их националистической и милитаристской реакции, что произошло бы в случае осуждения за рубежом акции, которая была предпринята без одобрения правительства, с целью поставить его в затруднительное положение.

Обращение Китая в Лигу Наций было рассмотрено на основании ст. 11 ее Устава, определяющей способы политического вмешательства Лиги в случае конфликта. Совет Лиги 22 сентября единодушно (т.е. даже с участием в голосовании японского представителя) одобрил резолюцию, предлагавшую сторонам воздержаться от шагов, которые могли бы усложнить ситуацию и отвести свои войска на исходные позиции. Китай с одобрением отнесся к вмешательству Женевской организации, Япония, напротив, будучи более сильной в военном отношении, настаивала на необходимости прямых переговоров, утверждая, что уже начала отвод войск, которые и были использованы лишь в предупредительных целях.

Положение оставалось нестабильным, Лига Наций, продолжая свои попытки умиротворения, обратилась к Соединенным Штатам с предложением присоединиться к ее акциям. Американцы поддержали ее миротворческую деятельность и предприняли ряд односторонних шагов, которые понуждали японцев соблюдать договоры. Японцы продолжали свои уловки. Правительство Токио оказалось зажатым в тисках противоречивой ситуации: с одной стороны, оно испытывало международное давление, а с другой, должно было противостоять власти и силе милитаристских кругов внутри страны.

Кризис вяло развивался в этом ключе в течение нескольких недель, вплоть до 24 октября, когда Лига Наций, вопреки мнению японского правительства, четко потребовала от Токио вывести свои войска до 16 ноября. Отказ японцев принять это требование заставил Вашингтон направить 24 ноября Японии весьма решительный протест, в ответ на который министр Сидэхара обязался прекратить продвижение войск. Сидэхара выполнил свое обязательство и добился согласия генералов приостановить военные действия. Кроме того, японское правительство согласилось на создание международной комиссии и даже потребовало ускорить отправку в Маньчжурию комиссии по расследованию во главе с лордом Литтоном, которая в действительности была сформирована лишь *шесть месяцев спустя*, в июне 1932 г. Именно затяжка назначения комиссии Литтона свидетельствует, что под покровом доброй воли таились намерения и цели, далеко не столь решительные и принципиальные, как это декларировалось ранее.

Сидэхара израсходовал весь свой политический ресурс для проведения курса на умиротворение. Его резко критиковали за сговорчивость, и на следующий день после принятия решения о назначении комиссии, 11 декабря 1931 г., он был вынужден подать в отставку. Так, пока дипломаты вели переговоры, военным удалось устранить основное препятствие для свободы своих дей-

ствий. Военные операции в Маньчжурии были возобновлены, а оккупация всего региона завершилась к началу января 1932 г. Когда Литтон прибыл в Маньчжурию, то ему пришлось иметь дело с совершенно иным положением вещей, чем то, которое существовало в момент принятия решения о создании комиссии.

Резкий поворот японской политики к милитаризму означал отказ от проводившегося в послевоенное время политического курса, что привело к завершению прежней эпохи преобладания политических партий и к началу нового этапа быстрого, хотя и постепенного возврата к господству военных. В международном плане это вызвало острую реакцию со стороны американцев. Государственный секретарь Генри Стимсон направил в Токио и Пекин жесткую дипломатическую ноту, получившую позднее известность как «доктрина Стимсона».

В ней утверждалось, что правительство Соединенных Штатов не может допустить «законность любого положения *de facto*, и оно также не намерено признавать какой бы то ни было договор или соглашение между правительствами или их агентами, которые могли бы нанести ущерб правам США или правам их граждан в Китае, на основе существующих трактатов, включая те, которые относятся к вопросам суверенитета, независимости или территориальной и административной целостности Китайской Республики, касающиеся международной политики в отношении Китая, известной под названием “политики открытых дверей”. Правительство США также не намерено признавать какое-либо положение, договор или соглашение, которое будет совершено методами, противоречащими статьям Парижского пакта (пакта Келлога) от 27 августа 1928 г., участниками которого являются и Китай, и Япония, а также США».

К этому дипломатическому давлению следует добавить робкие шаги, предпринятые Лигой Наций, в ответ на брошенный открытый вызов. Осторожные (или бессильные) деятели европейской дипломатии, напротив, предпочитали укрыться за хитроумными формулами, согласно которым прежде, чем занять какую-либо позицию, следовало бы дождаться отчета комиссии расследования (с назначением ее, однако, не торопились).

Таким образом, японцы получили свободу для продолжения военной акции уже за пределами Маньчжурии, на китайской территории. Некоторые инциденты между китайцами и японцами, имевшие место в порту Шанхая, послужили предлогом для обстрела города с японских военно-морских судов, за которым последовала высадка войск (конец января 1932 г.). Впервые вооруженные силы двух государств вступили в прямое столкновение. Китайское

сопротивление даже в большей мере, чем вмешательство Лиги Наций, заставило японцев положить конец военным действиям. 5 мая бои в Шанхае прекратились, и некоторое время спустя японцы вывели свои войска.

Итак, благодаря отвлекающему военному столкновению в Шанхае, японцы взяли Маньчжурию под свой полный контроль. 18 февраля 1932 г. они преобразовали регион в независимое государство под названием Маньчжоу-Го и спустя некоторое время назначили его правителем бывшего императора Китая Пу И, лишившегося трона в юном возрасте и теперь получившего новое имя Канг Те. В сентябре между Японией и Маньчжоу-Го был подписан союзный договор, в котором подтверждалась зависимость Маньчжоу-Го от Японии. Эти события оказали воздействие на и без того неустойчивую ситуацию в Китае, они стали предвестником экспансионистских действий Японии, что нашло подтверждение несколько лет спустя.

Хотя американцы не очень четко выразили свое отношение к свершившемуся факту, но подтвердили позицию «непризнания» его, которую разделяла и Лига Наций — японское правительство осталось к этому равнодушным. Из опубликованного 1 октября доклада комиссии Литтона стали известны уже очевидные факты: существующие японские интересы в Маньчжурии заслуживали защиты, но создание искусственного государства Маньчжоу-Го было неоправданным произволом, потому что было бы достаточно, если бы Китай предоставил широкую автономию Маньчжурии, сохранив свой суверенитет на эту территорию.

В дальнейшем историки восхваляли объективность доклада комиссии, но в действительности было бы более справедливым отметить содержащиеся в нем очевидные и бесполезные банальности. Обычно достаточно легко дать формальную оценку свершившимся фактам, особенно если отсутствует стремление представить пусть слабые, но конкретные объяснения случившегося.

Ни одна из европейских держав не была в состоянии в тот момент действовать против Японии. Великобритания, чрезмерно поглощенная заботами о восстановлении своей имперской мощи и не намеревалась подрывать традиционную дружбу, которая связывала ее с Японией. У Советов были совершенно иные заботы, требовавшие их внимания, хотя акция Японии представляла для них реальную угрозу, поскольку исходила от ближайшего соседа. Американцы, которые переживали самый тяжелый период экономического спада, были заняты избирательной кампанией, требовавшей осторожных действий во внешнеполитических вопросах. Французы могли бы предвосхитить мировое значение «разрыва», несущего угрозу всей Версальской системе, но у них, конечно, не

было ни сил, ни возможностей, ни политической воли действовать в одиночку, в то время как Германия и Италия готовились предпринять свои акции в Европе.

В этой ситуации Японии ничего не оставалось, как вести короткую арьергардную кампанию против признания Лигой Наций доклада Литтона. Затем, когда Женевская ассамблея в феврале 1933 г. одобрила рекомендации комиссии расследования и потребовала, чтобы Япония подчинилась им, то японцы заявили о своем выходе из международной организации. Лига Наций могла лишь с горечью констатировать свой провал при первом же серьезном испытании, которому она была подвергнута (в 1923 г. Лига уклонилась от непосредственного участия в решении кризиса на Корфу). Японцы не остановились в Маньчжурии и начали постепенно просачиваться в Северный Китай, уверенные в тот момент, что никто им не помешает.

3.2. Колебания Муссолини между германским ревизионизмом и политикой европейской безопасности. Австрийский вопрос

3.2.1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МУССОЛИНИ

С тех пор, как Муссолини пришел к власти, установив затем личную диктатуру, он по существу не изменил основные направления итальянской внешней политики, и, по крайней мере до 1927–1928 гг. не сменил даже лиц, которым был вверен международный курс Италии. Лишь в 1928–1932 гг. он пытался провести некоторую фашизацию внешней политики, но результаты были скромными, так как международные концепции, за небольшим исключением (в частности, взгляды князя Карло Сфорца, министра иностранных дел в 1920–1921 гг.), совпадали с представлениями национализма, характерного для идеологии Муссолини.

Муссолини изменил лишь внешние характеристики традиционных концепций, что выразалось в двух аспектах. Первое новшество было связано с обостренным восприятием Муссолини проблем внутреннего консенсуса и поддержки общественного мнения: поэтому формировалась постоянная потребность обращаться к пропаганде — сфере, где Муссолини в течение долгих лет был искусным мастером. Он умел убедить как итальянцев, так и зарубежных государственных деятелей, что после 28 октября 1922 г. ситуация изменилась коренным образом, что даже поражения, резкие выражи или тактические отступления были ни чем иным, как попыткой Италии играть новую роль в Европе и мире.

Другое новое качество, которое Муссолини придал традиционной дипломатии, было ощущение неотложности, нетерпения или неспособности ждать, пока обстановка созреет. Подобная окрашенность внешнеполитической деятельности была непосредственно связана с пропагандистским аспектом, который порождал потребность непрерывно демонстрировать дипломатические победы; но эта сторона внешней политики была тесно связана с исторической ситуацией, сложившейся в те годы в Европе.

После 1919 г. на континенте господствовали только французы и итальянцы. Все другие великие державы переживали последствия войны либо испытывали трудности во внутренней и внешней политике, что парализовало их деятельность. Не надо было обладать проницательностью гениального государственного деятеля, чтобы понять временный характер сложившейся ситуации и что рано или поздно, по крайней мере, Германия и Россия, или Советский Союз (как страна стала называться с 1922 г.) снова станут главными участниками событий на мировой и европейской арене, а Италия неизбежно окажется государством более низкого ранга. И это вынуждало Муссолини добиваться осуществления своих амбициозных целей, прежде чем произойдет подобное возвращение на круги своя.

Определить эти цели в течение всего фашистского эксперимента, не составляло большого труда. Вкратце можно сказать, что они заключались в способности развеять впечатление «увечной неполноценной победы», в умении получить компенсацию в колониальной сфере в тех же пропорциях, что получали (или думали, что получают) англо-французы с приобретением мандатов, в частности типа А.

Главная цель была связана с положением Италии на Балканском полуострове. Здесь итальянцы всегда играли значительную роль, которую теперь хотели усилить, создав на полуострове систему союзов, чтобы контролировать весь бассейн Адриатического моря. Это могло бы послужить предпосылкой для создания обширной зоны влияния, по согласованию с Великобританией, во всем Средиземноморье — от Испании до Ближнего Востока.

Что касается колониальных амбиций, Муссолини стремился к тому, чтобы Италия получила, хотя бы один мандат на опеку. Во всяком случае, он намеревался вернуть Ливию, которая во время войны фактически вышла из-под контроля Италии, и, прежде всего, ставил своей задачей добиться подтверждения привилегированной позиции в Эфиопии, признанной за Италией в 1906 г. по договорам с Францией и Великобританией. Особое положение Италии могло выражаться в разных формах: от экономического

преобладания на той или иной территории до протектората и прямой колонизации, которую Муссолини расценивал как наиболее дорогостоящий вариант.

Италия сама не имела достаточного международного веса, чтобы добиться подобных результатов. Для их реализации необходимы были два условия: существенная международная поддержка и благоприятные обстоятельства. Именно в тот момент благоприятные обстоятельства существовали, и сложились они еще в 1934–1935 гг.; вопрос заключался в получении международной поддержки. Здесь возникает проблема отношений фашистского режима с другими европейскими державами. Сложности в отношениях с Великобританией не возникали, по крайней мере, до 1935 г. Проблемы существовали в отношениях с Францией.

Притеснения, испытанные на протяжении веков в качестве жертвы других более сильных государств, придали дипломатии итальянских государств особый характер, который часто расценивался поспешными историографами как негативный аспект итальянской политики. Но в действительности это было проявление духа выживания, и особый характер объяснялся вечным стремлением увеличить собственные силы (почти всегда ничтожные) с помощью подходящих союзов с гораздо более мощными соседями, которые зачастую сражались на итальянской земле. Подходящие союзы означали союзы, продиктованные требованиями момента, которым изменяли в соответствии с изменением обстоятельств, потому что не было никакого смысла соблюдать лояльность к установленным соглашениям в мире и в эпоху, когда для всех привычным было именно обратное отношение. Конечно, в трудные моменты более сильным было легче обвинять более слабых в вероломстве. Но кто всерьез мог бы принять эти обвинения, предъявленные только одной стороне?

Эта традиция оставила глубокие корни в итальянской дипломатии. К ней прибегали и до объединения страны, и с приходом Кавура, и после объединения. В конце XIX века некоторые государственные деятели в возникновении двух различных систем союзов, разделявшихся растущим соперничеством, увидели расширение возможностей для итальянской политики маневрирования, т.е. средства для придания нового веса ограниченной итальянской мощи, превратив Италию в стрелку европейских весов. На практике это означало заключение в 1882 г. соглашения с Францией, которое изменяло соотношение сил, ослабив исключительные связи в рамках Тройственного союза с Германией и Австро-Венгерской империей.

Эта политика требовала присутствия двух разных и различных субъектов, между которыми можно было бы вклиниться, чтобы усилить собственную позицию. В 1919 г. подобной ситуации больше не существовало. В 1923 г., в первый год внешней политики Муссолини, казалось, что обстоятельства вновь стали благоприятными в связи с оккупацией Францией Рура, но ситуация сразу же изменилась, поскольку Штреземан произвел поворот во внешней политике своей страны. Пока Штреземан оставался у власти, и франко-германское сотрудничество превалировало в европейских отношениях, возможности для маневра у Муссолини были ограничены, и вся итальянская внешняя политика строилась на устойчивых отношениях с Великобританией и менее устойчивых с Францией. Именно поэтому итало-французским отношениям придавалось столь важное значение в период фашизма, с 1926 по 1936 г., и, возможно, вплоть до Второй мировой войны. Итак, не имея альтернативы, Муссолини был вынужден в своей международной деятельности ориентироваться на Францию, а когда возникали альтернативные ситуации, то он оказывался перед серьезной проблемой выбора в противоречивых и порой трудных обстоятельствах, хотя иногда международные коллизии складывались для него необычайно благоприятно.

Итало-французские отношения лишь частично зависели от неприязни левоцентристских правительств Франции к фашизму. В некоторых случаях это обстоятельство имело определенное значение, но, в общем, не мешало развитию реалистических отношений вплоть до 1936 г., когда одновременно произошли два важных события — было сформировано первое правительство Народного фронта во Франции и вспыхнула гражданская война в Испании. Но на ход итало-французских отношений в большей степени влияли конкретные вопросы соотношения сил и интересов.

До 1934 г. обе страны стремились перейти друг другу дорогу. Это взаимовраждебное отношение сохранялось, хотя в австрийском вопросе их мнения совпадали. И Франция, и Италия не хотели аншлюса Австрии к Германии. Но в отличие от Италии, Франция не имела возможности непосредственно воздействовать на Австрию и вынуждена была проводить свою политику через Чехословакию или Италию. Таким образом, отношение Италии к ситуации в регионе обуславливалось не только ее спецификой. Если Чехословакия последовательно выступала с антиревизионистских позиций в силу жизненных интересов, то этого нельзя было сказать об Италии, как показали некоторые ее колебания в связи с вопросом о признании принципа равенства прав в области вооружений.

Балканская и австрийская проблемы, в их совокупности не создавали неизбежных противоречий между Францией и Италией. Обе страны, если бы захотели, могли согласовать общую политическую линию. Если бы они стремились выработать совместную позицию, то французы согласились бы на то, что итальянцы просили с 1919 г., т.е. на выполнение обязательств по Лондонскому пакту 1915 г., который предусматривал урегулирование колониального вопроса с учетом интересов Италии в случае победы над Германией и увеличения колониальных владений союзников. Именно на решении колониального вопроса настаивали итальянские правительства и до прихода к власти фашистов. С теми же требованиями более или менее агрессивно, в зависимости от обстоятельств, выступал Муссолини. Кроме того, он предъявил, не уточняя, новые запросы, в которых легко читалось предложение отдать Эфиопию под полный контроль Италии, что не вызывало возражения французов. С решением этих проблем было связано и два небольших спорных вопроса: один касался статуса итальянских граждан в Тунисе, это обсуждалось на протяжении десятилетий (с 1896 г.); другой — требования Италии играть более важную роль (какую-нибудь роль) в управлении Суэцким каналом, к которому Рим проявлял растущий интерес.

Муссолини и Дино Гранди, занимавший в 1929–1932 гг. пост министра иностранных дел Италии, связывали, постоянно и последовательно, возможность соглашения с Францией по европейским вопросам с решением колониальных проблем. С 1922 г., когда Муссолини впервые встретил Пуанкаре и лорда Керзона, накануне открытия конференции в Лозанне, и до 1932 г. все его предложения, касающиеся компромисса в вопросах разоружения или конференции о Балкано-Дунайском урегулировании, включали и требования Италии. Но если до 1929 г. у Франции не было причин прислушиваться к заявлениям Италии, а между 1930 и 1931 г. появились некоторые основания, то, начиная с предложения признать принцип равенства прав в области вооружений и до значительных успехов нацистов на выборах в Германии, аргументация итальянцев обрела вес. «Определяющий вес», по выражению Муссолини и Гранди, ставшему затем привычным для характеристики этого периода фашистской внешней политики.

3.2.2. МУССОЛИНИ И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ: ПАКТ ЧЕТЫРЕХ

С момента прихода нацистов к власти в Германии и до 1935 г. можно утверждать, что позиция Италии в Европе была действительно «определяющей», но не благодаря особым заслугам итальянцев.

янской дипломатии или мощи страны, а скорее в силу общей ситуации на континенте. Другими словами, этот «вес» определялся не соотношением сил; он был приобретен после того, как Великобритания дала понять французам, что склонна считать аншлюс не отрицательным явлением, а скорее неизбежным и даже желательным. В тот период сравнительно небольшой (хотя и не минимальный) вес Италии в европейских масштабах того времени становился ключевым элементом в соотношении сил в Европе, когда Германия не успела еще перевооружиться, а Гитлер маскировался под пацифиста.

Муссолини остро почувствовал это изменение ситуации, что подтверждает факт возвращения под его прямой контроль министерства иностранных дел в середине 1932 г. Об этом же свидетельствует передача министерства в июне 1936 г., спустя месяц после окончания акции в Эфиопии, в руки Галеаццо Чиано, считавшегося тогда поборником союза с Германией. Это назначение, возможно невольно, стало объективным отражением того, что период свободы маневра близился к завершению, и наступали другие времена, когда Италии предстояло сделать свой выбор. Будучи хорошим тактиком во внешней политике (и посредственным стратегом), Муссолини стремился извлечь максимум выгоды из сложившейся ситуации.

Первый шаг, который Муссолини предпринял в новых условиях, был весьма амбициозным: он постарался избежать затруднений, связанных с выбором между двумя ориентациями (что, в сущности, свойственно любой политике, основанной на тактике маневрирования между двумя противоположными полюсами), заняв позицию посредника и арбитра. После нескольких месяцев подготовки, в марте 1933 г., Муссолини сформулировал предложение пакта четырех в виде записки, представленной министерством иностранных дел. Формально его целью было сдвинуть с мертвой точки работу конференции по разоружению, которая зашла в тупик после признания принципа равенства прав в области вооружений и прихода Гитлера к власти.

Проект Муссолини предусматривал соглашение между Италией, Германией, Францией и Великобританией. В действительности он был нацелен на создание своего рода европейской директории, аналогичной той, что была создана на основе Локарнских соглашений, но в отличие от нее, ориентировалась бы на принцип регламентации ревизионизма, и даже более того — на его предупреждение. В задачу директории входило бы обязать подписавшие соглашение страны проводить подлинную политику мира, в соответствии с пактом Бриана–Келлога, осуществлять политику

и принимать решения, приемлемые в случае необходимости для третьих стран.

Это обязательство, которое теоретически закладывало основы мощной коалиции, должно было сопровождаться применением принципа ревизии мирных договоров в тех ситуациях, когда назревал конфликт, но в соответствии с нормами, предусмотренными ст. 19 Устава, и «благодаря взаимопониманию и согласованию совместных интересов» (это частично обходило нормы Лиги Наций). Проект предусматривал, что принцип равенства прав в области вооружений, признанный за Германией в декабре 1932 г., будет осуществляться бы ею постепенно, в соответствии с соглашениями, которые предстояло выработать. Срок действия пакта устанавливался в десять лет.

Цель, которую преследовал Муссолини, была достаточно очевидной: с одной стороны, признание ревизионизма могло привести к разрешению проблемы Данцигского коридора (так он говорил представителям Германии); с другой, пакт позволял бы контролировать темпы вооружения Германии. В более общих чертах, пакт создавал бы правовые рамки, в которые был бы заключен взрывоопасный потенциал германского ревизионизма. При этом антагонизм Франции и Германии контролировался бы Великобританией и Италией, которые выступали уже не в качестве гарантов, как это предусматривалось Локарнскими соглашениями 1925 г., а в качестве государств-балансиров, обеспечивающих постепенный характер перемен.

Замысел пакта был весьма амбициозным и выражал стремление до конца использовать возможности итальянской позиции. Муссолини доверительно говорил, что новое французское правительство, которое возглавлял Эдуард Даладьё с Жозефом Поль-Бонкурром в качестве министра иностранных дел, намеревалось приблизиться к его позициям, а назначение Бертрана де Жувенеля новым послом в Риме свидетельствовало об очевидном намерении Парижа улучшить отношения с Италией. Что касается англичан, то визит в Рим премьер-министра Макдональда и министра иностранных дел Саймона предоставил дуче возможность добиться их сближения с его концепцией. Теоретически это было возможно, но англичане не могли согласиться с фактическим перечеркиванием Версальских решений, что имплицитно предлагалось в документе Муссолини.

Затем в течение нескольких недель никто не хотел разочаровывать Муссолини, потому что никто не намеревался подтолкнуть его к отходу от позиции равноудаленности, которую он тогда афишировал; все стремились смягчить документ и даже лишить его

реального политического содержания. К тому моменту, когда Муссолини и послы трех государств-участников официально подписали разработанный документ, он полностью утратил свой оригинальный характер и превратился в расплывчатые обязательства о консультациях «с оговоркой относительно обязательности решений органов Лиги Наций», включая выполнение некоторых статей ее Устава (ст. 10 о взаимных консультациях в случае агрессии, ст. 16 о процедуре осуществления санкций против агрессора и ст. 19 о пересмотре договоров). Подписанный документ содержал также обязательство обеспечить успех конференции по разоружению, которая катилась к провалу, а также декларировал намерение сконцентрироваться на экономических вопросах, представляющих общий интерес. От новизны, характерной для первого варианта документа Муссолини, не осталась и следа, договор, действительно, превратился в «клочок бумаги», относительно которого ни у кого не осталось иллюзий. Когда пакт четырех был официально подписан — 15 июля 1933 г., он уже отставал от развития событий.

Муссолини первым осознал иллюзорность своих надежд стать, возможно, в сотрудничестве с Великобританией, арбитром европейской ситуации. Действительность состояла в том, что сложились две противоположные группы государств, интересы которых со всей очевидностью были несовместимы. Новая ситуация требовала от дуче, как стали в Италии называть Муссолини, изменить дипломатическую тактику.

3.2.3. АВСТРИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ИТАЛИЕЙ

Германия не проявляла намерений немедленно добиваться аннексии Австрии, она стремилась сначала устранить канцлера Дольфуса, как проводника итальянского влияния, заменив его правительством, которое контролировалось бы нацистами. Эта ситуация заставила Муссолини действовать по двум направлениям, которые не требовали от него немедленного выбора, но позволяли ему определить границы возможного маневра. С одной стороны, следовало выяснить, до какого предела немцы намерены действовать в Австрии, а, с другой — на какие уступки по колониальному вопросу согласно было бы французское правительство. Установив эти две неизвестные величины, Муссолини располагал бы составляющими дипломатического выбора, или знал бы, каковы его возможности заставить учитывать вес Италии, по крайней мере, в течение некоторого времени.

Итальянская политика в отношении Австрии часто оценивалась слишком односторонне. Поддержка, оказанная Дольфусу,

жесткое противостояние маневрам Германии, намеренное внешнее дистанцирование, продемонстрированное фашизмом относительно австронацизма, и, наконец, подписанные в марте 1934 г. соглашения об ограниченном таможенном союзе между Австрией, Венгрией и Италией — все это позволяло думать, что Муссолини выступал тогда ревностным защитником независимости Австрии, и подобная позиция составляла основу итальянской внешней политики. В действительности, ситуация была несколько иной. Прежде всего, оппозиция политике нацистов не была столь твердой, как казалось внешне, потому что заключавшиеся в это время секретные контакты противоречили официальной линии. И даже поддержке Дольфусу были свойственны оговорки и ограничения. Более того, чтобы выявить возможности компромисса с Германией, Муссолини в июне 1934 г. согласился встретиться с Гитлером.

Встреча в Стра-Венеция, первая между двумя диктаторами, состоялась 14–15 июня 1934 г. В целом, это событие было недооценено, обычно его интерпретировали как первое сближение между «учителем и учеником», и подобного рода замечаниями пестрели публицистика и мемуары того и более позднего времени. В действительности, встреча имела совершенно иное значение. Основной темой во время переговоров был австрийский вопрос. Гитлер в пяти пунктах изложил свой проект соглашения, в котором повторялись уже известные позиции: аншлюс был для немцев делом решенным; требовалось лишь сменить руководство Австрии и провести новые выборы, в результате которых австрийские национал-социалисты вошли бы в правительство. Все экономические вопросы, касающиеся Австрии, должны были решаться по взаимному согласию между Германией и Италией. Муссолини не вдавался в детали предложений. Но оба собеседника признали, «что австрийский вопрос не был и не может быть препятствием для развития их отношений». Переговоры отнюдь не стали столкновением интересов, они были первым важным шагом в направлении преодоления еще имевшихся серьезных разногласий, и два года спустя, в 1936 г., привели к австро-немецким соглашениям.

Между тем, переговоры с Гитлером были лишь одним из аспектов деятельности фашистской Италии. Тогда у Муссолини не было никакого намерения жертвовать Австрией в угоду германскому ревизионизму. Он хотел лишь выяснить подлинные планы Германии и готовность Гитлера учитывать потребности Италии, прежде чем оказать серьезную поддержку Дольфусу, либо избрать другую ориентацию и пойти на соглашение с Францией.

Ясный и весьма убедительный ответ германской стороны на итальянские вопросы пришел весьма быстро. Внутренняя вражда между фракциями Патриотического фронта, который объединял сторонников Дольфуса, не прекращалась; такая же вражда между нацистскими группировками привела 30 июня 1934 г. к кровавой чистке. Гитлер с трудом удерживал под контролем в столь сложный момент все австрийские нацистские движения, развязавшие 25 июля вооруженный путч, во время которого был убит Дольфус (хотя путч и завершился провалом). Муссолини без колебаний возложил на Гитлера ответственность за то, что произошло в Австрии. И хотя отсутствуют доказательства личной ответственности германского канцлера, нельзя отрицать, что убийство Дольфуса связано с политической деятельностью национал-социалистской партии. Об этом свидетельствует тот факт, что в ходе силовых действий путчистов было назначено временное правительство во главе с одним из вождей австрийских нацистов Антоном Ринтеленем.

Разочарование было полнейшим: попытки нацистов провалились, и их противники смогли создать новое правительство под руководством деятеля социал-христианской партии Курта фон Шушнига. Муссолини стало ясно, что в австрийском вопросе и в отношениях с Германией он не может рассчитывать на достаточное продолжительный спокойный период для свободного решения других — колониальных проблем, если бы Италия располагала более определенным согласием французов.

Менее чем через месяц после путча Муссолини встретился с новым австрийским канцлером. На предложение Муссолини поддержать вступление Италии на территорию Австрии для оказания военной помощи в противостоянии Гитлеру, Шушниг ответил отрицательно, мотивируя отказ тем, что итальянские действия могли бы спровоцировать реакцию Югославии и Чехословакии, а также тем, что у Австрии, впрочем, есть достаточно сил, чтобы контролировать ситуацию. Ввиду равнодушия англичан и слабого интереса французов к тому, что произошло в Вене, Муссолини пришел к заключению: предотвратить аншлюс собственными силами невозможно. Единственная надежда, возможно, в том, чтобы отсрочить его.

Подтверждением этого вывода послужила реакция других европейских стран на венские события. Муссолини приказал некоторым итальянским частям провести в Венето передислокацию в направлении Бреннера, однако воздержался от посылки двух корпусов итальянских вооруженных сил непосредственно на Бреннер, как об этом обычно говорят, потому что эта акция была бы бесполезной, способной вызвать лишь реакцию, о которой говорил Шушниг и которую дуче предвидел сам.

Муссолини стремился произвести военными перемещениями дипломатический эффект, поскольку он организовал их в тот момент, когда даже французы, будучи наибольшими сторонниками австрийской независимости, не смогли пойти дальше простого выражения протеста. Убедившись, что ни роль арбитра, ни осторожные переговоры с Гитлером не дали результатов, Муссолини, при поддержке прессы, направляемой Римом, и громких антигерманских выступлений, дал маятнику итальянской внешней политики резкий толчок в противоположном направлении. Впервые за более чем десять лет острой взаимной вражды, он почувствовал расположенность Парижа. В период между началом 1933 г. и летом 1934 г. произошли весьма важные события, и Франция осознала, что настал момент изменить свою политику в отношении Италии. У Муссолини появилась возможность убедиться, что, используя «определяющий вес» Италии в пользу французской политики, он, «может быть», не упустит некоторые ощутимые результаты.

3.3. Реакция Франции на приход Гитлера к власти. Поиск новых союзов: Италия и СССР

3.3.1. ОТВЕТ ФРАНЦИИ НА ГЕРМАНСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ

Жан-Батист Дюрозель точно и красноречиво озаглавил свою работу, посвященную французской внешней политике с 1932 по 1939 г., одним словом: «Упадок». В действительности, после фактического, если не юридического, краха Локарнской системы в 1932 г., французы не смогли создать вместо нее стратегию внешней политики, которая была бы в состоянии учитывать изменения, свершившиеся в Европе. Они оказались зажатыми между концепцией безопасности и стремлением постоянно уточнять ее содержание, что в результате вело их от одного разочарования к другому, вплоть до психологического ощущения бессилия. В решающие моменты это мешало им сделать смелый выбор без предвзвешенности, связанный с трудными временами. Так, ослабление способности контролировать европейскую систему, которое восходит к поражению Наполеона I (что не исключало длительные периоды другого характера), привело к уменьшению значимости французской позиции в мире.

Этот длительный процесс, связанный с неспособностью к обновлению французской политики, проявился в конце деятельности Бриана. Он был вызван и нестабильностью правительственных коалиций, и противоречиями между формулами лево- и правополитического большинства, что приводило к непрерывной смене

руководителей французской политической жизни. Все это сопровождалось резкими, хотя и не всегда оправданными поворотами, порождавшими растущее чувство пессимизма в коллективном менталитете французов. Единственным свидетельством преемственности в министерстве иностранных дел оказался генеральный секретарь Алексис Леже, который в марте 1933 г. пришел на смену Филиппу Бертело, не изменив, однако, по существу концепции Бриана. Авторитетный французский журналист Андре Жеро, писавший под псевдонимом Пертинакс, так излагал идеи Леже в статье, которую процитировал Дюрозель: «Приоритет принадлежит согласию и сотрудничеству с Великобританией, необходимо сохранять союз с Польшей и Чехословакией, развивать отношения с Советским Союзом, чтобы дистанцировать его от Германии, преобразовать Лигу Наций ввиду возникающих моментов опасности в военный и экономический союз, который оказывал бы поддержку западным державам».

Но эти положения не учитывали нацистский динамизм, итальянские амбиции, замыслы Советов, двойственность англичан и, прежде всего, развитие кризиса вследствие роста противоречий между европейскими державами.

В левоцентристском правительстве, сформированном Эррио в июне 1932 г. после победы на выборах левого блока, премьер-министр оставил за собой министерство иностранных дел, но проводил колеблющуюся линию по вопросам разоружения. Международные переговоры по этим вопросам зашли в тупик, и это вызывало тревогу в связи с сообщениями о военных ассигнованиях, утвержденных декретом Гитлера. Внешнеполитическая линия Эррио колебалась между перспективой примирения с Германией (что гитлеровская дипломатия вначале демонстративно принимала как некое продолжение духа Локарно и как выражение анти-советского поворота, который Германия открыто одобряла) и противоположной политикой, направленной на углубление контактов с Москвой после долгих лет враждебности или взаимного равнодушия. В этой обстановке Эррио под давлением англичан и итальянцев признал принцип равенства прав победителей и побежденных, который в свое время не признавал его предшественник Тардье.

Характер этого согласия был тот же, что позже пытался реализовать, но с другими намерениями, Муссолини в пакте четырех. В обоих случаях целью ставилось создание группы европейских государств, которая изолировала бы Советы. Последние после прихода к власти Гитлера значительно сблизились с международным сообществом; они отказались от предвзятого подхода (но не

от принципа) их сущностного отличия от капиталистического лагеря и согласились участвовать в общей конференции по разоружению. Именно с целью уравновесить уступку, сделанную Германией, Эррио намеревался возобновить, наконец, переговоры, которые в течение многих лет советская дипломатия пыталась вести с Францией.

Еще с 1927 г. правительство Москвы предлагало пакт о ненападении, что резко противоречило секретным соглашениям об осуществлении германского вооружения на советской территории. Но в 1932 г. даже Сталин почувствовал необходимость, по крайней мере внешне, показать свою враждебность германскому ревизионизму: это был самый подходящий путь, чтобы убедить французов принять предложение советского министра иностранных дел Максима Литвинова и подписать 29 ноября 1932 г. пакт о ненападении между двумя державами. Для Франции это был, пусть небольшой, шаг вперед, который мог привести к весьма заметным результатам.

Правительство Эррио пало в конце 1932 г. Во Франции наступил смутный период, отмеченный финансовыми скандалами и бурными политическими событиями. Если до 1931 г. экономический кризис еще не давал о себе знать во Франции, то в 1932 г. французы почувствовали его воздействие: безработица, падение промышленного производства, трудности в торговой сфере, рост напряженности в международных отношениях. В результате Франции становится все труднее добиваться реализации своего курса: оказание финансовой помощи в обмен на обязательства участвовать в ее системе безопасности.

В течение года сменилось пять различных правительств, хотя на Кэ д'Орсе до начала 1934 г. оставался Жозеф Поль-Бонкур. Деятельность этого министра резко осудил Дюрозель за его приверженность формуле «коллективной безопасности» именно в то время, когда японцы завершали захват Маньчжурии, а в Берлине перешел в наступление Гитлер. В этих новых обстоятельствах Поль-Бонкур долгое время льстил себя надеждой на сближение с Германией. Гитлер демонстрировал французам свои добрые устремления к достижению взаимного компромисса, в особенности потому что, как считали англичане и американцы, в ситуации, когда конференция по разоружению продолжала свою работу, хотя и дышала на ладан, именно французы должны были бы проявить добрую волю. По мнению США и Великобритании, вопрос о безопасности мог серьезно рассматриваться только *после* того, как Франция предпримет символический шаг по сокращению своих вооруженных сил, которые казались им весьма мощными

в сравнении с германскими, существовавшими еще только в планах Гитлера, а не в действительности.

Как и планы Муссолини, нацеленные на подрыв Локарнских соглашений, предложение Германией компромисса с Францией было ни чем иным, как уловкой с целью воспользоваться случаем и оттянуть время, чтобы потребовать от конференции по разоружению принять календарь реконструкции германской военной машины. Это стало абсолютно ясно в конце 1933 г., когда, воспользовавшись отказом других стран поддержать предложения Германии, Гитлер спровоцировал выход Германии из Лиги Наций с шумным скандалом. Его аргументы сводились к тому, что другие державы, признав и для Германии положение о равенстве прав в области вооружений, препятствовали его практической реализации. Таким образом, Франция утратила инициативу, внимая циничным посулам Гитлера и погрязнув в безрезультатных переговорах по пакту четырех.

3.3.2. СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ

Отношения с Советским Союзом стали единственным направлением внешней политики Парижа, которое получило определенное развитие. Обмен краткими визитами привел к подписанию в августе 1933 г. временного торгового протокола, трансформированного 9 января 1934 г. в окончательное соглашение. Наиболее важным элементом была идея пакта о взаимопомощи, выдвинутая Советским Союзом и содержащая в зародыше будущее соглашение 1935 г. Сближение этих двух стран вызывало тревогу и опасения восточных союзников Франции, прежде всего, Польши, которая не случайно 26 января 1934 г. подписала с Германией пакт о ненападении. Это не было разрушением старой системы союзов, но сама акция была воспринята как призыв к Франции и к Европе в целом обратить внимание на то, с какой быстротой разворачиваются события в Германии, и на то, что новая международная ситуация таит опасность для Франции.

Эти страхи передались по наследству Луи Барту от его предшественника Поля-Бонкура. Придерживаться неизменной концепции безопасности означало суметь преобразовать ее в систему эффективных, не противоречивых союзов. Единственный союз, который мог приобрести подобный характер, был союз Франции и Великобритании, т.е. единственный, который не был оформлен договором, но существовал по самой природе вещей, хотя и находился постоянно под угрозой в связи с тем, что англичане относились с опасением к претензиям французов на гегемонию.

Все другие соглашения были либо слишком хрупкими, либо противоречивыми. Соглашение с Чехословакией не было прочным, потому что это государство раздирали межнациональные противоречия и к нему враждебно относилась нацистская Германия. Столь же непрочным было и соглашение с Югославией, которую пытались использовать как инструмент в противоборстве с Италией, что потенциально вело к изоляции Франции в Европе, если иметь также в виду возможность итало-германского соглашения. Полна противоречий была и система соглашений с Советским Союзом.

Эта система явилась результатом параллельных действий Советов и Франции, которые должны были привести к единому результату, но они были настолько полны противоречий, что вызывали страх и опасения тех, кто боялся претензий Франции на гегемонизм, либо реакции Германии, и даже просто усиления влияния Советского Союза с его коммунистическим режимом.

Во внешнеполитической деятельности Франции выделяются несколько четких этапов, связанных с переговорами по экономическому урегулированию в Балкано-Дунайском регионе, началом которых послужили конференции в Лондоне и в Стресе. Прежде всего был обновлен договор о дружбе с Югославией (вместе с его секретными статьями). В феврале 1933 г. государства Малой Антанты подписали организационный пакт, направленный на укрепление их отношений: с этой целью создавались постоянные консультационные органы. В эту линию с трудом встраивается пакт о Балканской Антанте, подписанный 9 февраля 1934 г. между Югославией, Румынией, Турцией и Грецией, поскольку что отсутствие Чехословакии и включение Греции, если не искажали антиревизионистской направленности Антанты и, следовательно, ее курса на поддержку Франции, то со всей очевидностью придавали соглашению антисоветский характер.

Балтийская Антанта, созданная 3 ноября 1934 г. Литвой, Латвией и Эстонией, также имела антиревизионистскую направленность, но в то же самое время участие Литвы расценивалось как предупреждение Польше. Антисоветская окраска Балтийской Антанты несомненна, хотя по существу соглашение было ограничено консультациями на случай кризисных ситуаций.

В свою очередь, Советы, выражая свое глубокое стремление участвовать в системе всеобщей безопасности, в начале июля 1933г. заключили ряд соглашений с пограничными странами. 3 июля они подписали общую конвенцию об определении агрессии с Афганистаном, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией и Персией; на следующий день было подписано аналогичное согла-

шение с Малой Антантой в целом и Турцией; наконец, 5 июля состоялось подписание сепаратного соглашения с Литвой, которая не участвовала в общем соглашении, так как не хотела присоединяться к нему из-за участия Польши. Литву и Польшу разделял спор о границе в районе Вильнюса, возврата которого требовали литовцы.

Советы продолжали сплочение антигерманского фронта. Они добились соглашения с Италией сначала в экономической сфере, а затем и в политической, и 2 сентября 1933 г. подписали с ней договор о ненападении и нейтралитете. В начале 1934 г. они заявили о своей готовности вступить Лигу Наций и даже подписать соглашения о взаимопомощи с Францией, Бельгией, Чехословакией, Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией и Финляндией. Они проявили готовность полностью поддержать позиции Франции по проблемам безопасности, так что, казалось, их взгляды целиком совпадают и грядущий союз неизбежен. Советский Союз таким образом продемонстрировал, что в его политике произошел поворот в сторону Лиги Наций и подтвердил свое намерение участвовать в этой организации. И, действительно, 18 сентября 1934 г. (почти год спустя после скандального выхода Германии) подавляющим большинством голосов он был принят в Лигу Наций, получив постоянное членство в ее Совете. Несмотря на все это, система безопасности оставалась нерешенной проблемой, хотя и сохранила основное, ключевое значение для будущего Европы.

Франция и Советский Союз проводили два параллельных и, казалось, совпадающих курса с целью формирования системы союзов, способной изолировать Германию. Однако ни во Франции, ни в остальной Европе, заинтересованной в создании подобной системы, не сложилось единого мнения относительно места, которое должен был занимать в ней Советский Союз. Признание Советским Союзом идей коллективной безопасности могло объясняться внутренними причинами, связанными с завершением первого этапа выполнения пятилетних планов и укреплением власти Сталина. Возможно, это было продиктовано международной ситуацией и было условием Франции, которая хотела выявить подлинность поворота в политике СССР, а также реальность прекращения его двойственных отношений с Германией. Немецкое государство было не только «бельмом на глазу» для западных держав, но представляло реальную опасность и для Советского Союза. У Сталина, как и у его соратников, не могло быть иллюзий на этот счет — они знали, что в соответствии с нацистской доктриной «жизненное пространство» Германии распространялось на Восточную Европу и Украину.

Но тогда вопрос ставился иначе: в каких пределах западные державы могли бы доверять Советскому Союзу, которого они не признавали в качестве партнера по антигерманскому и антиревизионистскому соглашению. Корни трудностей для демократических капиталистических стран заключались в том, что они не могли согласиться с необходимостью возможного сотрудничества с классовым врагом в целях противоборства с грозящим господством нацизма, считавшегося внутренней проблемой капиталистической системы. На эти же трудности наталкивались многие инициативы западных держав в периоды до и после Второй мировой войны, что предоставляло свободу беспринципным действиям Гитлера и Сталина.

3.3.3. ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ БАРТУ И «ВОСТОЧНОЕ ЛОКАРНО»

В условиях продолжения политики постепенного окружения Германии 9 февраля 1934 г. во Франции к власти пришло правительство национального единства под руководством Гастона Думерга, в котором пост министра иностранных дел занял Луи Барту, получивший в наследство результаты деятельности Поля-Бонкура. С приходом Барту на Кэ д'Орсе французская политика стала более последовательной и динамичной. Дюрозель видел в нем единственного французского государственного деятеля, обладавшего стратегическим, а не доктринерским видением проблем внешней политики. Более того, можно сказать, что его политика была жестко реалистической, она не зависела от идеологии, на нее не давил груз традиций недавнего прошлого. Это было и преимуществом и вместе с тем недостатком, потому что в случае неудачи после Барту остались бы руины того, что он разрушил.

Диагноз Барту был точен: подлинным врагом Франции оставалась Германия, но проблему безопасности нельзя было решить с помощью формулы коллективных соглашений. Они потерпели провал, а проще говоря, были изжиты в связи с изменением ситуации. Продолжать политику, руководствуясь прежними установками, означало проводить политику, опираясь на пустоту. На смену коллективной безопасности должна была прийти система союзов. Это не означало безразличия к Лиге Наций, в которой действовало соглашение с Великобританией и куда должен был вступить (как это и случилось) Советский Союз.

Наряду с Лигой Наций на континенте должна быть создана система союзов, более эффективная и четкая, чем та солидарность, которую готова продемонстрировать Великобритания. Но порой

англичане, и до и после Локарно, проявляли полное равнодушие к некоторым вопросам, как это произошло во время международного обсуждения скользких проблем Восточной Европы. В таком случае собеседников не выбирали, они были predetermined: это были традиционные союзники по балкано-дунайской системе соглашений, Советский Союз и, наконец, Италия, относительно которой, как считал Барту, настало время изменить политику.

Внешним выражением этих перемен стал документ, разработанный под руководством Барту, принятый французским правительством и опубликованный 17 апреля. В нем было недвусмысленно заявлено, что Франция считает бесполезным продолжать переговоры с Германией, начатые Полем-Бонкуром и которые правительство Берлина пыталось возобновить в первые месяцы 1934 г. Барту прочел «Майн Кампф» и не принимал уверения тех, кто оценивал эту работу как обычную книгу, не имевшую конкретного политического содержания. Произведение Гитлера распространялось в Германии миллионными тиражами, что убеждало Барту в обратном: Гитлер излагал в своей книге цели, в которые продолжал верить.

Принимая во внимание эти факты, Барту провел, как всегда лично, широкие консультации, чтобы выявить возможности заключения договора о гарантиях. Этот договор никогда не был подписан, но он вошел в историю как «Восточное Локарно», хотя в нем было очень мало и даже почти ничего не было от духа Локарно. В конце апреля Барту отправился в поездку по Восточной Европе. Он начал с Варшавы, столицы государства, вызывавшего недоверие Парижа после заключения соглашения с Германией и укрепления авторитарного режима Пилсудского. Затем Барту посетил в Прагу, где последовательность Бенеша не вызывала никаких сомнений, проследовал в Бухарест и прибыл, наконец, в Белград, где он пригласил короля Александра посетить Францию 9 октября 1934 г.

Предметом переговоров Барту было предложение пакта о взаимопомощи и взаимных гарантиях, в котором должна была участвовать также и Германия. В тексте договора было много сложных формулировок, что отражало переплетение тайного и явного соперничества в вопросах, затронутых в проекте. Сложность проекта была связана с позицией, которая отводилась Советскому Союзу в рамках соглашения. Поэтому с самого начала предпочтительной была формулировка об «особой конвенции между Францией и СССР», направленной против возможности германской агрессии (именно в этом отличие от Локарно 1925 г.) и не связанной с проблемой всеобщих гарантий. Это был уже значи-

тельный шаг в направлении двустороннего соглашения между Францией и СССР.

Нерешенными оставались две проблемы: Великобритания и Италия. Англичане реагировали на беспокоящие Барту проблемы с опасной легкостью. Им казалось, как говорил министр иностранных дел сэр Джон Саймон, что идея защититься от германской угрозы является «безрассудной». Англичане были непреклонны в своем убеждении, что не следует проявлять предпочтений в отношении французов, которые решительно создавали новые союзы, по возможности, *с участием* Великобритании, но если необходимо, то и *без* нее, т.е. с Советами. В результате англичане поддерживали, хотя сдержанно и уклончиво, проект Барту.

Что касается Италии, то реакция Муссолини на попытку путча в Австрии и убийство Дольфуса убедила Барту в отказе Рима от политики равноудаленности по отношению к Гитлеру. Хотя предшественник Барту в сотрудничестве с англичанами и немцами спровоцировал провал пакта четырех, но в Париже сохранилось активное стремление к компромиссу и даже к более тесному союзу. В подтверждение этих намерений Поль-Бонкур, после провала миссии Жувенеля, направил в Рим нового посла, настроенного в пользу заключения подобного соглашения, графа Шарля де Шамбрена.

Как только Париж смог преодолеть недоверие, вызванное односторонними действиями Рима в отношении Австрии и Венгрии (протоколы по экономическим вопросам от 17 марта 1934 г.), позиция Франции стала более позитивной. Роль Италии становилась особенно значимой из-за трудностей, с которыми столкнулся проект «Восточного Локарно» в связи с прохладным отношением к нему Германии, двойственной реакцией Польши и безразличием Великобритании.

В начале сентября планы Барту совершить визит в Рим приобрели конкретные очертания. Проблемы, разделявшие обе страны с 1919 г., стали обсуждаться более тщательно и детально. В новой атмосфере сотрудничества было нетрудно определить вопросы, относительно которых был возможен компромисс. Но основным препятствием оставались взаимные амбиции общего характера. Барту думал, что сможет убедить итальянцев проводить единую политику на Балканах, и вместе с тем надеялся убедить Югославию улучшить отношения с Италией (в этом заключался один из резонов приглашения короля Югославии во Францию). В свою очередь, Муссолини считал, что ситуация изменилась настолько, что Италия может ставить более амбициозные цели, чем просто решение «зависших» проблем в отношениях с Францией.

Такова была ситуация в конце сентября 1934 г. Напомним: Советский Союз был только что принят в Лигу Наций, а сроки визита Барту в Рим были назначены на 4–11 ноября. И вдруг внезапная трагедия парализовала все. Король Югославии Александр I на борту крейсера «Дубровник» 9 октября 1934 г. прибыл с официальным визитом в порт Марселя, где его встречал сам Барту. Оба стали жертвами хорватских экстремистов, принадлежавших к группировке усташей, руководимой Кватерником и Павеличем, которых в определенной мере поддерживал Муссолини. Противоречия нарастали вопреки интересам Италии, хотя она и не несла прямой ответственности за трагедию, подготовленную в другом месте (на территории Германии?).

Смерть Барту означала конец правительства Думерга. Месяц спустя премьер-министром был избран Пьер-Этьен Фланден, министром иностранных дел стал Пьер Лаваль. Французская внешняя политика утратила ясность и определенность. Прежняя твердая антигерманская позиция Барту стала менее четкой. Лаваль, не придерживавшийся устойчивых принципов, отказался от целостной стратегии Барту. По его мнению, игра была еще не сыграна: можно было вернуться к тактике Поля-Бонкура и его предшественников и соглашению с Советским Союзом попытаться противопоставить компромисс с Германией, который к тому же можно уравновесить рядом других договоров, прежде всего, более тесными соглашениями с Италией и Великобританией. Лаваль не стремился выработать собственно «французскую» внешнюю политику, он вернулся к неустойчивой политике колебаний в быстро менявшейся ситуации.

3.3.4. МАКИАВЕЛЛИЗМ ЛАВАЛЯ И РИМСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ ЯНВАРЯ 1935 г.

Иллюзорность возможности умиротворить Гитлера вскоре подтвердилась во время решения проблемы Саара. Согласно Версальскому договору, через пятнадцать лет после его вступления в силу в области следовало провести референдум, и население должно было решить вопрос о принадлежности области Саара Франции или Германии. Уже за несколько месяцев до голосования французы заняли твердую позицию и готовы были всеми средствами бороться с прогерманской пропагандой.

Лаваль отказался от этой линии поведения и согласился с тем, что референдум пройдет под контролем международных сил и под эгидой Лиги Наций. Этот поворот породил настроения равнодушия, что помогло произойти тому, что, возможно, и долж-

но было произойти — победе прогерманских сил. Отсутствие подлинной заинтересованности, проявленное Францией, привело к тому, что результаты референдума носили характер снежного обвала, так как 90% саарцев проголосовали (13 января 1935 г.) за возвращение к Германии (ставшей нацистской); это перечеркивало другой результат, достигнутый в итоге Первой мировой войны, и позволило Гитлеру положить начало расширению территории Германии. Однако политика отстраненности, проводимая Францией, не принесла ожидаемых результатов: франко-германские отношения не улучшились, доказательством чему стало германское заявление, сделанное 16 марта 1935 г., о восстановлении обязательной воинской повинности.

Продолжение диалога с Италией было более плодотворным и потенциально эффективным как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане. На него не повлияло компромиссное отношение Рима к хорватскому сепаратизму, от которого Муссолини поспешил в это время дистанцироваться, отдав необходимые распоряжения полиции. Планы визита Лавалья в Рим возродились. Решение о дате визита, намеченного на 4–7 января 1935 г., было принято несколько дней спустя после инцидента, происшедшего 5 декабря в Уаль-Уале, на границе итальянского Сомали с Эфиопией, где несколько итальянских военных были убиты эфиопами. В связи с этим инцидентом правительство Парижа выступило с осуждением Эфиопии.

Визит Лавалья в Рим ознаменовал собой новый этап в отношениях между двумя странами, которые, особенно после 1924 г., были проникнуты острыми противоречиями почти по всем направлениям европейской политики. Во время визита, 7 января 1935 г., было подписано несколько соглашений, которые помогли поставить точку в ряде долговременных спорных проблем. Но самым важным результатом визита стало то, что обе стороны поверили в возможность достижения столь желаемого стратегического соглашения.

Преамбула документов, подписанных 7 января, содержала общее заявление, в котором правительства обеих стран обязывались «сотрудничать в духе взаимного доверия в целях сохранения всеобщего мира». Затем следовал протокол, в котором обе стороны признавали взаимную заинтересованность в сохранении стабильности в Центральной Европе, и в частности в Австрии; они обязывались не вмешиваться во внутренние дела этого региона и способствовать подписанию общей конвенции, к которой присоединились бы все заинтересованные страны. В ожидании подобной конвенции Франция и Италия договорились о взаимных

консультациях, а также о консультациях с Австрией, если этого потребует угроза независимости этой страны или ее территориальной целостности. В другом протоколе говорилось, что в случае принятия Германией одностороннего решения отказаться от своих обязательств в области вооружений и ее действий согласно принципу полной свободы, вооружения Франция и Италия определят совместный согласованный ответ.

За этими предваряющими документами следовал двусторонний договор, касавшийся интересов обеих стран в Африке. Первым рассматривался давний вопрос об итальянских гражданах, проживавших в Тунисе, статус которых определялся конвенцией, подписанной в 1896 г., но в 1918 г. денонсированной Францией. Оба правительства договорились подписать новую конвенцию, согласно которой вопрос решался постепенно в течение тридцати лет и в соответствии с пожеланиями французов, т.е. статус всех детей, родившихся в Тунисе у итальянских родителей, регулировался бы нормами, установленными для французских граждан.

Вопрос о «компенсациях», предусмотренных Лондонским пактом (1915 г.), был решен с некоторыми поправками в интересах Италии в отношении Берега Сомали и с уступкой 113 000 км территории в южной Ливии в соответствии с географической картой, прилагавшейся к договору. Кроме того, французское правительство обязалось уступить Италии 2500 акций компании, владевшей железной дорогой Джибути—Аддис Абеба (это подтверждалось обменом письмами).

Эти колониальные компенсации значили для Италии не очень много и были бы недостаточны, чтобы развеять сомнения Муссолини, если бы договор не сопровождался двумя протоколами, которые не предназначались для публикации и касались вопроса об Эфиопии в целом. В первом из этих протоколов итальянское правительство обязывалось не возводить укреплений на побережье Эритреи напротив Баб-эль-Мандебского пролива. Во втором протоколе (который был оформлен обменом нотами между Муссолини и Лавалем), французское правительство, обращаясь к трехстороннему итало-франко-британскому соглашению 1906 г., обязывалось не преследовать в Эфиопии иных интересов, кроме связанных с экономическими вопросами эксплуатации железной дороги Джибути—Аддис Абеба. Такова была формулировка, которая выражала отказ Франции от претензий в отношении Эфиопии или, если угодно, предоставление Италии «свободы рук» в этом регионе.

Сложный характер соглашения, а также вызванная им полемика требуют некоторых пояснений.

Основной обмен мнениями между Муссолини и Лавалем происходил в присутствии лишь одного заместителя министра Сувича, который подготовил очень краткое и полное недоговоренностей изложение беседы, поэтому только изучение секретных документов позволяет объяснить, в пределах возможного, полемику, вспыхнувшую между двумя государственными деятелями. Когда Лавала обвиняли в том, что он способствовал агрессии Италии в Эфиопии, французский министр, защищаясь, утверждал, что предоставил Италии «свободу рук» только в целях *экономической*, а не *политической* экспансии в Эфиопии. Этот аргумент представляется лишенным основания по очевидной причине: в начале 1935 г. предоставить Муссолини «свободу рук» в Эфиопии означало отказаться от определения точного значения этой формулы. Дуче еще в 1932 г. отдал приказ о подготовке итальянских вооруженных сил к предстоящим действиям в Эфиопии, а 30 декабря 1934 г. внес уточнение в военные приказы, определив, что их целью является «уничтожение абиссинских вооруженных сил и полное завоевание Эфиопии». (Нужна была именно такая формулировка в одном из секретных военных планов, целью которых было достижение максимального результата, если это станет необходимым.)

Эти уточнения, на первый взгляд слишком категоричные, были сделаны, хотя наряду с военными планами, давно готовилось альтернативное соглашение с державами-участницами договора от 1906 г. Предусматривалось, что они, предоставив Италии «свободу рук», позволят ей установить контроль над Эфиопией, формы и методы которого еще предстояло определить (при этом обеспечивались экономические интересы этих держав). Радикальные формулировки («полное уничтожение» и т.п.) использовались лишь в «секретнейшем» военном плане, утвержденном Муссолини 30 декабря. Накануне встречи с Лавалем Муссолини поспешил уточнить, что подобные действия должны быть осуществлены быстро и эффективно, чтобы опередить реакцию Франции и Великобритании. Правда и то, что после встречи с Лавалем Муссолини писал Дино Гранди, бывшему тогда послом Италии в Лондоне: «Моя задача решить проблему Эфиопии радикальным образом либо установлением нашего прямого господства, либо в какой-то иной форме в зависимости от обстоятельств».

Итак, в то время как военные осуществляли приготовления в соответствии с намеченными планами, дипломаты отвечали на запросы из Лондона и Парижа в связи с замыслами Муссолини. При этом помимо радикальных действий рассматривалась так же возможность эффективных и менее затратных альтернативных решений, например, установление протектората, либо изменение границ между Эритреей и Сомали (в прошлом колонии Италии),

либо короткая символическая война с изолированным и беззащитным противником, прежде чем перейти к массированному вооруженному нападению.

Однако предложение компромисса в виде соглашения Хора–Лавалья, сделанное год спустя, в декабре 1935 г., когда война уже началась, было встречено Муссолини весьма доброжелательно. Это свидетельствует, что он даже тогда был готов к иному решению, не предусматривавшему полную победу над Эфиопией и ее ликвидацию. Причина такого отношения очевидна, поскольку связана с проблемой военных ресурсов, которые требовались Италии для установления полного контроля над обширной территорией Эфиопии, населенной различными этническими группами, приверженными своей идентичности и, следовательно, прямой контроль над которыми было очень трудно установить. Итак, содержание уступок Лавалья было неясным, потому что не были определены и оперативные планы Муссолини. Из протокола беседы двух государственных деятелей, который сделал Сувич, следует, что Муссолини информировал Лавалья о намерениях Италии завершить полное «проникновение» в Эфиопию, соблюдая при этом экономические интересы Франции и Великобритании.

Необходимо подчеркнуть политическое значение намечавшегося союза, от которого неотделимо тайное соглашение Муссолини–Лавалья. Точнее говоря, намечавшийся союз был возможен на основе соглашения о том, что Франция и Италия проводят единую политику в отношении Австрии, по вопросу вооружения Германии и, с многочисленными оговорками, по балканским проблемам.

Это соглашение было уступкой, сделанной Италией Франции, и означало готовность Муссолини предоставить Лавалю то, чего его предшественники не могли добиться от Рима. Но уступка была сделана также в связи с обсуждением *статуса* итальянских граждан в Тунисе, а, возможно, и в обмен на *соответствующие* уступки, сделанные Францией в колониальном вопросе. Между тем, определять публично согласованные в Риме уступки по колониальным проблемам как «соответствующие», в этом случае было бы смехотворным, если не принимать во внимание, что они дополнялись полнейшим отказом Франции в пользу Италии от ее позиций в Эфиопии. В общем, как писал Лефевр д’Овидю, «итальянская сторона во всех письмах поясняла, что Эфиопия должна стать подлинной компенсацией в колониальном вопросе».

Впрочем, обмен нотами между Муссолини и Лавалем имел определенное значение, поскольку французский министр утверждал, что его правительство стремится решить в Эфиопии только ограниченные экономические задачи, касающиеся железной доро-

ги Джибути -Аддис Абеба, при соблюдении итальянских интересов. Соблюдение интересов в каком случае? Именно этот вопрос неизбежно приводит к выводу: в случае акций, которые итальянское правительство сочтет необходимым предпринять в Эфиопии. В договоре от 1906 г. зона французских интересов была определена как «зона возможного политического влияния» в случае, если целостность Эфиопии будет нарушена. Теперь Лаваль изменил характер и территориальные границы зоны французских интересов. Уступка Италии, сформулированная от противного, была своего рода уловкой, предназначенной избежать слишком явной компрометации Франции, когда договор будет опубликован и расхождения текстов будут представлены в Лиге Наций.

Основная характерная черта соглашения Муссолини — Лаваль состояла в том, что Муссолини открыто склонялся к сотрудничеству с Францией, чтобы на волне неприятия нацистской политики в Австрии создать противовес Германии. Военные переговоры, которые маршал Бадольо, начальник итальянского генерального штаба, начал несколько дней спустя после заключения соглашения Муссолини — Лаваль со своим французским коллегой генералом Гамеленом были конкретным доказательством избранного курса, имевшего более общее значения. Переговоры проходили регулярно с марта по июнь 1935 г. и позволили во время визита Гамелена в Рим (несколько дней спустя после подписания 16 июня англо-германского соглашения о морских вооружениях) подписать протокол, который предусматривал военное взаимодействие между сторонами в случае германской акции в Австрии. Стоит добавить, что это соглашение между генеральными штабами обеих стран сохраняло силу вплоть до Второй мировой войны.

Это был самый благоприятный период в итало-французском сближении. «Латинские сестры», казалось, нашли основу для постоянного союза. Но союзу угрожала нерешенная проблема политической двойственности. Это касалось не столько формы заключенных соглашений, сколько их политического значения. Для Муссолини они стали этапом в выполнении программы и открывали ему путь в Эфиопию после одобрения Великобританией его африканской акции. Вместе с тем, соглашения призваны были способствовать тому, чтобы его действия не подорвали позиции Италии в Европе. Для Лавала соглашение было ни чем иным, как одним из аспектов его европейской политики, этапом в решении проблемы создания различных союзов. В январе Германия еще не объявила ему шах, приняв решение об обязательной воинской повинности.

Когда стало известно об этом решении, ограниченный характер соглашений, подписанных в Риме, стал очевидным.

3.4. Противоречия «фронта Стрезы». Советско-французский договор и англо-германское соглашение по морским вооружениям

3.4.1. «ФРОНТ СТРЕЗЫ»: ПЕРВЫЙ ЭТАП УМИРОТВОРЕНИЯ

Лавалю требовалось прояснить отношения с Великобританией и Советским Союзом, чтобы реализовать недостающие вектора его политики. Не следует забывать о том, что политика французского министра иностранных дел постоянно была направлена на противостояние нарастающей германской опасности. Соглашение с Италией стало для него одним из способов блокировать проникновение Германии на Балканы, но позиция Великобритании оставалась весьма неопределенной.

Правительство Лондона не разделяло опасений Франции, оно проявляло большую озабоченность как имперскими поползновениями Италии, так и попыткой Франции предусмотреть более конструктивную роль в Европе для Советского Союза. Великобритания была склонна вытеснить СССР на задворки Европы и питала иллюзорные надежды возобновить переговоры в рамках конференции по разоружению. Немцы не оказывали открытого противодействия этим переговорам, потому что, как уже было в 1932–1933 гг., невыполнение другими своих обязательств давало им возможность законно предпринимать односторонние действия.

Впервые попытку прояснить отношения с партнерами Лаваль сумел в связи с одной из таких акций Германии: 16 марта 1935 г. в нарушение ст.173 Версальского договора она объявила о возобновлении обязательной воинской повинности. Это был первый серьезный удар, нанесенный по Версальской системе в международно-правовом плане. Он должен был незамедлительно вызвать суровую отповедь. В действительности, это привело лишь к созданию эфемерного антиревизионистского «фронта Стрезы», который предоставил возможность трем заинтересованным европейским державам (Франции, Италии и Великобритании) свободно продолжать односторонние действия: каждая из них стремилась к реализации собственных национальных целей, которые имели мало общего с проблемой международной безопасности и очень много со старой традицией державной политики.

Акция Гитлера свидетельствовала о ловкой тактике немецкого диктатора, который отлично понимал, что европейские противники действуют по разным направлениям. Еще в 1934 г. он пред-

ложил англичанам заключить соглашение по регламентации воздушных вооружений (предполагая подтолкнуть Великобританию к укреплению ее вооруженных сил, он рассчитывал включить в этот процесс и Германию), что привело к разногласиям между англичанами, французами и итальянцами. Убийство Дольфуса не позволило англичанам принять предложения Германии, в результате Гитлер почувствовал себя свободным в реализации концепции «равенства» воздушных вооружений для Германии, о которой была достигнута предварительная договоренность в декабре 1932 г.

Когда стих резонанс австрийских событий, специальный посол Гитлера в Лондоне фон Риббентроп встретился в ноябре 1934 г. с министром иностранных дел Великобритании Саймоном и Антони Иденом, бывшим тогда лордом-хранителем королевской печати, чтобы обсудить с ними другую важную проблему: ограничение морских вооружений.

Затем, спустя нескольких месяцев, Гитлер продемонстрировал английскому правительству свою готовность подписать соглашение, в соответствии с которым соотношение между британским и германским флотом (Берлин питал надежды на его восстановление) составило бы 100 к 35. Саймон планировал свой визит в Берлин на 7 марта 1935 г., чтобы обсудить условия соглашения, которое позволяло Германии иметь внушительный флот. Он представлял это решение как меру контроля над вооружением Германии. 4 марта англичане обнародовали свои предложения относительно воздушных вооружений, чем воспользовался Гитлер для реализации одной из своих самых жестких политических акций. Он отложил визит Саймона и вскоре, 16 марта, объявил о восстановлении обязательной воинской повинности.

На этом этапе существовавшие противоречия еще не проявились открыто. Франция шла своей дорогой (соглашение с Италией, переговоры с СССР, особое внимание к Балканским проблемам, продолжение осторожного обмена мнениями с Великобританией); Италия была нацелена на реализацию эфиопской акции; Великобритания не доверяла никому, в том числе и Гитлеру, но именно потому, что правительство Лондона предчувствовало опасность со стороны Германии, оно считало уместным действовать в отношении нее осторожно, так осторожно, что закрывало глаза на все.

Нарушение ст. 173 Версальского договора было настолько возмутительной акцией, что могло бы привести к возрождению единства трех европейских держав, одержавших победу над Германией, при условии, что каждая получила бы что-то от других или уступила бы в чем-то. Встреча в Стрезе (11–14 апреля 1935 г.), созванная для реализации этой возможности, завершилась совме-

ственным коммюнике, которое подтверждало общее стремление не допускать нарушений Версальского договора и предупреждало об «опасности для мира в Европе». После этого совещания несколько недель говорили о так называемом «духе Стрезы», о вновь обретенном согласии, о восстановлении прочного антиревизионистского фронта, но по существу это был самообман и обман друг друга — все это лишь на короткое время беспокоило Гитлера.

Официально ничего не было сказано о том, что все знали, — о проблеме Эфиопии. Трое главных участников, Муссолини, Лаваль и Макдональд, не проронили ни слова, и даже министры иностранных не касались этого вопроса. Дипломаты меньшего ранга, в особенности английские и итальянские, в длительных дискуссиях искали подходящую формулировку, которая соответствовала бы договору 1906 г., что было одобрено Лавалем, т.е. позволила бы ограничить интересы Великобритании вопросом о водах озера Тана и другими экономическими, а не политическими проблемами. Англичане не согласились с таким подходом. Муссолини уехал из Стрезы, уверенный, что молчание союзников не было выражением их негативного отношения, и у него осталась возможность маневрировать. Разочарованные французы покинули Стрезу, убедившись в бесполезности слов и в необходимости идти по намеченному пути. Такую же позицию занимали англичане.

3.4.2. СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДОГОВОР ОТ 2 МАЯ 1935 г.

В этой ситуации, очень подходящей для эффектных акций Гитлера, был заключен советско-французский договор о взаимопомощи. Именно проблема вооружений Германии (к тому моменту как наземных, так и воздушных) подтолкнула к действиям в этом направлении. В действительности, Лаваль не был, как Барту, решительным сторонником подписания договора с Советами, в то время как Сталин и его министр иностранных дел Литвинов предлагали заключить соглашение, которое связывало бы Москву и Париж обязательствами об автоматическом оказании взаимопомощи. В апреле вопрос был решен, и 2 мая 1935 г. в Париже был подписан советско-французский договор о взаимопомощи. Он обязывал обе стороны немедленно оказывать друг другу помощь и поддержку в случае «невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства».

Стремясь успокоить встревоженных англичан, французы настаивали на том, чтобы статьи договора были связаны с Локарнскими соглашениями и Лигой Наций. Агрессия, рассматривав-

шаяся как *casus foederis*, должна была, следовательно, признаваться как таковая Советом Лиги Наций в соответствии со ст. 16 ее Устава. Но именно время с момента агрессии и вплоть до решения Совета Лиги Наций исключало возможность автоматически реализовать гарантии, что и было характерно для всех пактов о взаимопомощи, подписанных на таких условиях.

Кроме того, договор учитывал два немаловажных аспекта: возможность нападения со стороны Японии (тогда весьма вероятное), а также то обстоятельство, что при отсутствии общих границ между Францией и СССР необходимо было предусмотреть позицию Польши или ее условия, чтобы получить практические выгоды от пакта о взаимопомощи. Позиция Польши стала ключевой проблемой, как выяснилось в 1939 г. Подписание этого документа и последовавшее заключение 16 мая 1935 г. соглашения о взаимопомощи между СССР и Чехословакией с оговоркой об обязательном участии Франции в его реализации, если Чехословакия подвергнется нападению, имели большое политическое значение, поскольку позволяли Франции укрепить свою систему союзов антигерманской направленности.

Все эти союзы были непрочными, обусловленными рядом сомнительных уступок и двусмысленных оговорок, но вместе с тем могли бы создать впечатление о формировании разветвленной дипломатической системы, альтернативной той, которую Гитлер стремился полностью разрушить, если бы не новое англо-германское соглашение о морских вооружениях: оно поставило под вопрос прочность антиревизионистского фронта.

3.4.3 АНГЛО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЯХ

Несмотря на решение Берлина восстановить обязательную воинскую повинность и «соглашения Стрезы», несмотря на то, что 17 апреля Ассамблея Лиги Наций заявила о своем осуждении нарушения Германией условий Версальского договора, переговоры между англичанами и немцами не были прерваны. Саймон и Иден в середине марта нанесли визит Гитлеру в Берлин с предложением общего союза против большевистской угрозы в мире. Они также высказали свое мнение о том, что германские военно-воздушные силы получили большое развитие и уже стали более мощными, чем британские.

В начале июня Гитлер приказал фон Риббентропу возобновить переговоры о соглашении по морским вооружениям, что впервые поставило англичан перед стратегическим выбором. В прошлом

они, в отличие от французов, часто недооценивали опасность со стороны Германии. Теперь они должны были решить, пойти ли на соглашение с Гитлером, чтобы понять, в какой мере возможно контролировать его, или же твердо противостоять ему и поддерживать «общий фронт», о котором было заявлено несколько недель назад в Стрезе.

Иначе говоря, та же проблема стояла перед Муссолини, когда в 1933 г, но в совершенно другой обстановке, он выступил с предложением пакта четырех. Но тогда речь могла идти о предотвращении германских вооружений прежде, чем Гитлер начнет их; теперь же стояла задача их сдерживания после того, как немцы достигли превосходства в воздухе, а на земле добились весьма существенных результатов. Великобритания приняла решение после нескольких дней переговоров. 18 июня 1935 г. было подписано соглашение о морских вооружениях. Чтобы подсластить горькую пилюлю, Гитлер дипломатически «поставил» условие, что договор станет предпосылкой к созыву всеобщей конференции по ограничению морских вооружений.

Соглашение явилось полной неожиданностью для европейской дипломатии. В его оправдание Великобритания использовала аргументацию, ставшую привычной для политики «умиротворения». В действительности, договор, значение которого англичане стремились преуменьшить, был первым крупным успехом гитлеровской дипломатии, потому что он вызвал недоверие между ее противниками, подорвал их единство и узаконил морское вооружение Германии.

Как писал Курт Брахер, договор стал поворотным моментом необычайной важности, его значение было больше символическим, чем практическим. Договор стал знаковым актом для тех, кто верил в возможность договориться с Гитлером и сотрудничать с ними в иной форме, чем согласились поляки или той, что грозила австрийцам. Гитлеровская дипломатия приобрела некоторую респектабельность, которую придавало ей именно сотрудничество с англичанами. Договор стал своеобразным водоразделом в период распада Версальской системы: между этапом скрытого развала и явного краха. Эта система пала не под ударами судьбы, а в результате соучастия жертв ее развала. Более того, договор подпитывал надежды Гитлера на реализацию его проекта стратегического соглашения с Великобританией (и Италией), чтобы добиться мирового господства.

К тому же, договор разрушил антиревизионистский «общий фронт» Стрезы и ставил французов перед необходимостью в следующие недели решать: следует ли преодолеть антибританские

настроения или пассивно следовать курсу на изоляцию Италии. Действительно, англичане подчеркивали, что договор о морских вооружениях является выбором Великобритании между двумя ревизионизмами: германским в Европе и итальянским в Средиземноморье и Африке. Англичане решили поддержать первый. Молчание Идена в Стресе по эфиопскому вопросу приобрело новый смысл.

3.5. Итальянская агрессия в Эфиопии и ее последствия

3.5.1. ИТАЛИЯ И ЭФИОПИЯ

Нападение Италии на Эфиопию, предпринятое 3 октября 1935 г., было первой широкомасштабной военной акцией, осуществленной европейской страной после окончания Первой мировой войны. Оно послужило началом серии конфликтов, затем один за другим охвативших Европу и вылившихся во Вторую мировую войну. Кроме того, оно стало последней завоевательной колониальной войной, которую помнит история. Тем не менее, несмотря на все эти замечания, итальянскую акцию в Эфиопии трудно назвать поворотным событием, четко обозначившим конец европейского мира и движение в сторону всеобщего конфликта, либо определившим этап более масштабный, чем предшествовавший захват Маньчжурии Японией. Напротив, сегодня кажется, что итальянская агрессия в Африке скорее принадлежит завершавшейся эпохе, а не наступавшей эпохе нового грандиозного конфликта.

Многие наблюдения приводят к этому суждению. Акция Муссолини принадлежала прошлому. Она не давала Италии конкретных и ощутимых преимуществ, а лишь позволяла ей произвести впечатление сильной державы. Рим не мог один контролировать столь обширную территорию, раздробленную этнически, очень отсталую и остро нуждающуюся в инвестициях, чтобы потенциал ее ресурсов был оценен по достоинству. Даже в конце XX века Эфиопия все еще была среди самых бедных стран в мире (также в силу плохого управления, от которого она всегда страдала), а в 1935 г. она скорее стала тяжелым грузом, чем представляла выгоду для такой небогатой и не модернизированной страны, как Италия того времени. Все положительное значение акции Муссолини касалось имиджа государства, так как завоевание весьма обширной территории создавало бы Италии и внутри страны, и вне ее образ великой колониальной державы, которая владела уже не

«коллекцией пустынь» (какой считалась тогда Ливия), а «империей», достойной этого названия.

Так реализовывались неудовлетворенные империалистические устремления, уходящие корнями в XIX век, которые сохранились в Италии, где их подпитывали сильные националистические настроения и римские традиции, культивировавшиеся Муссолини. Имперские завоевания означали для дуче конкретное достижение того подлинного равенства среди великих держав, которого Италия прежде пыталась добиться дипломатическим искусством. Превратившись в империалистическую державу, Италия больше не испытывала неудовлетворенных амбиций и могла бы войти в число «довольных» стран Европы.

Менталитет прошлого, который привел к завоеванию Эфиопии, подтверждается тем фактом, что эта акция готовилась итальянской дипломатией (как и ливийская в 1911 г.) в течение десятилетий. После поражения при Адуа в 1906 г., показавшего ограниченность любого империалистической трактовки Тройственного союза, Италия постоянно стремилась добиться от международного сообщества признания ее права на опеку над территорией Абиссинии. В 1906 г. это право было частично признано договором, подписанным с Францией и Великобританией, который определял соответствующие сферы политических и экономических интересов трех стран на территории Эфиопии.

С 1919 г. правительство Рима требовало, чтобы, согласно Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г., французское Сомали (Джибути), английское (Бербера), Джубалэнд в южном Сомали и часть области на севере страны, пограничной с Эритреей, до Кассала, были переданы Италии как выражение возвращения Эфиопии под преобладающее итальянское влияние. Все эти требования не были услышаны, и после провала острого дипломатического столкновения Муссолини решил в 1923 г. поддержать предложение Франции о принятии Эфиопии в Лигу Наций (28 сентября 1923 г.) наравне с другими участниками со всеми вытекающими правами и обязанностями.

2 августа 1928 г. эта политика поддержки Абиссинии (Муссолини все еще надеялся превратить ее в опеку) была закреплена подписанием договора о дружбе и арбитраже во время визита в Рим эфиопского регента Тафари Маконнена, ставшего в 1930 г. императором под именем Хайле Селассие. В то время он нуждался в поддержке, так как соперничал за власть с другими вождями эфиопских племен. Подобное соглашение служило своего рода ширмой, скрывавшей подлинные намерения Муссолини в отношении Эфиопии. Вместе с тем, две европейские державы, Вели-

кобритания и Франция, вовлеченные в дела этого региона, были заинтересованы в сохранении внешней лояльности Муссолини.

В действительности, правительство Рима уже в 1925 г. вернулось к намерению изменить положения договора 1906 г. В обмене нотами между Италией и Великобританией 14 и 25 декабря 1925 г. обе стороны дали новую интерпретацию договору от 1906 г., согласно которой признавалось право англичан защищать свои интересы в районе озера Тана в связи с сооружением плотины и в бассейне Голубого Нила. При этом они не проконсультировались с Францией, действуя в духе личного сотрудничества, которым были проникнуты отношения между Муссолини и Остином Чемберленом. Практически Италия получила больше, чем Великобритания, которая обязалась содействовать Риму в строительстве железной дороги между итальянскими колониями Эритреей и Сомали, что фактически подразумевало рост политического влияния Италии в Эфиопии.

Короче говоря, с 1906г., или, по крайней мере, с 1925 г. признавалось, как и прежде, своего рода преобладание итальянских интересов в Эфиопии. Соглашения Муссолини–Лаваль лишь завершали серию актов, признавших приоритет Италии в этом регионе, добавив одобрение Франции. Однако итальянская дипломатия не сумела добиться поддержки со стороны англичан. Хотя интересы правительства Лондона в Эфиопии были связаны лишь с экономическими вопросами, но во время последующих переговоров на конференции в Стресе и даже во время встречи непосредственно между Муссолини и Иденом в июне 1935 г. в Риме, недоверие англичан проявилось весьма четко. В Лондоне были согласны пойти на некоторые уступки Италии, но не соглашались отдать Эфиопию под полный контроль Рима. Это расценивалось как более тяжелый удар по имперским интересам Великобритании, чем ревизионистские акции Гитлера в Центральной Европе.

У Муссолини не было ясного понимания глубины разногласий, и он полагал, что даже Лондон, в конце концов, не будет протестовать против военных действий Италии в Эфиопии. Его могли обмануть слова британского министра иностранных дел Саймона, который характеризовал сотрудничество с Италией в Европе (в духе фронта Стрезы) как «более ценное, чем суверенитет Абиссинии».

В действительности, англичане не придавали никакого значения «фронту Стрезы» и готовы были нарушить его основополагающие положения, как показал договор с Германией о морских вооружениях. В начале июня 1935 г. кабинет министров лейбориста

Макдональда сменило правительство во главе с консерватором Болдуином, министром иностранных дел стал Самюэль Хор и министром без портфеля Иден, в круг обязанностей последнего входили отношения с Лигой Наций. Новое правительство Его Величества считало возможным сделать некоторые уступки Муссолини, чтобы предотвратить разрастание эфиопского кризиса, его переход из дипломатической стадии (вызванной обсуждением инцидентов в Уал Уале и доклада комиссии по расследованию, работавшей тогда в Женеве) в стадию откровенного военного конфликта. Но Великобритания стремилась только утихомирить Муссолини, чтобы его действия оставались в допустимых границах, не обостряли международную ситуацию и не подрывали авторитет Лиги Наций.

Иден прибыл в Рим и предложил Муссолини согласиться, чтобы Великобритания передала Эфиопии порт Зейла в британском Сомали в обмен на уступку Эфиопией провинций Огаден Италии. Но эти незначительные уступки не могли удовлетворить претензии дуче. Иден встретился с Муссолини в обстановке, которую он сам назвал «скорее грустной, чем враждебной». К тому же, правительство Лондона испытывало давление британского общественного мнения, поскольку оно одобряло соглашение о морских вооружениях, оценивая его как миролюбивую акцию, а Муссолини не посчитал нужным маскировать откровенно агрессивный характер своих действий. Постепенно стала проявляться деструктивная сущность, скрытая за псевдопацифистскими выступлениями политики умиротворения, популярными тогда в Лондоне.

Лига Наций провела с помощью международных организаций опрос по проблемам мира, результаты которого были опубликованы в июле 1935 г. Он показал, что 90% англичан проголосовало в поддержку Лиги Наций, разоружения и невоенных санкций против стран-агрессоров. Значительно меньшее число (58,6%) высказалось за военные санкции. Правительство было скованно в своих действиях, так как опасалось общественной критики накануне ноябрьских выборов, до проведения которых оставалось несколько недель.

Более того, Хор и Иден в Женеве обещали, что Великобритания выполнит свои обязательства. 18 сентября в Женеве обсуждался доклад Комиссии, которая должна была уладить итало-эфиопские разногласия относительно инцидента в Уал Уале. Хотя ее тон был доброжелателен в отношении Италии настолько, что в историографии доклад характеризовался почти как предоставление Риму мандата на свободу действия, но Муссолини получил эту информацию слишком поздно, когда итальянское общественное мнение уже ожидало быстрого успеха легкой военной акции в Эфиопии.

3.5.2. НАПАДЕНИЕ ИТАЛИИ НА ЭФИОПИЮ

В этой международной обстановке агрессия Муссолини против Эфиопии стала не просто авантюрой неуравновешенного диктатора, а рассчитанной акцией, направленной на достижение успеха для укрепления его собственного престижа. При этом он спекулировал на всеобщем стремлении к миру и высокомерно считал, что одобрение, хотя и косвенное, его действий практически получено. Хотя на словах государства-члены Лиги Наций демонстрировали свое решительное неприятие итальянской акции, но делали они это потому, что Эфиопия, как это ни парадоксально, именно благодаря Италии, стала членом Лиги.

Если бы Эфиопия не была членом Лиги Наций (поскольку не располагала для этого необходимыми данными, но ее гарантами выступили в свое время Франция и Италия), итальянская акция имела бы совершенно иные последствия, чем она действительно вызвала, и которые были, в сущности, достаточно мягкими, хотя и широко афишированными по форме. Иначе говоря, итальянская агрессия рассматривалась как чрезмерная реакция на спорный казус, а не как акт, неприемлемый с точки зрения международного права.

Итак, когда 5 октября правительство Эфиопии обратилось в Женеву с протестом против итальянской агрессии, то 9 октября в ответ ей сообщили, что в соответствии со ст. 16 Устава Лиги Наций к Италии применены экономические санкции. Однако из них были исключены такие стратегически важные товары, как железо, сталь, медь, цинк, свинец, хлопок, шерсть. Примечательно, что санкции не касались и поставок нефти, хотя одной этой меры было бы достаточно, чтобы парализовать действия Италии, особенно если бы был закрыт Суэцкий канал, чего заинтересованные стороны не сделали.

Эта водевильная обстановка вызвала в Италии подъем националистических чувств и недовольство действиями западных империалистических стран. Впервые Муссолини «во имя любви к родине» получил неожиданную поддержку, столь широкую, что она включала даже часть коммунистов, находившихся в изгнании. Лига Наций предприняла неубедительную попытку притормозить или прервать агрессию. Эти «благородные» намерения выглядели еще менее убедительными, поскольку одновременно продолжались секретные англо-французские переговоры о компромиссной формуле, которая позволила бы вернуть Муссолини в число участников «фронта Стрезы» (с поощрительной премией за агрессивную акцию) в обмен на прекращение вооруженных действий, а это

можно было бы назвать успехом политики Лиги Наций. Такова была обстановка, в которой вызревала дипломатическая формула, известная как «компромисс Хора–Лавалья».

3.5.3. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КОМПРОМИСС ХОРА–ЛАВАЛЯ

Великобритания и Франция в период с конца сентября до середины октября договорились о совместных действиях на случай, если итальянская акция приведет к вооруженному столкновению в Средиземноморье. Тем временем, военные действия в Эфиопии разворачивались с трудом, натолкнувшись на неожиданное сопротивление абиссинцев, а также в связи с неумелым командованием итальянскими вооруженными силами, которое было поручено генералу Де Боно, преданному Муссолини. Медлительность военных объяснялась также желанием сохранить силы в ожидании закулисных решений. Весь комплекс сложившихся обстоятельств таил возможности для возобновления дипломатического диалога. Целью была формула, предложенная в сентябре комиссией по расследованию: как можно ближе подойти к тому, что называлось «мандатом Италии», либо найти другие формы, но в любом случае постараться избежать обвинений в том, что международное сообщество поддерживает агрессора.

В начале ноября компромисс был намечен, его проект в течение первой недели декабря получил в целом одобрение Муссолини, что подразумевалось само собой, так как в его подготовке участвовал лично Дино Гранди. Проект предусматривал, что Италия получает большую часть областей Тигре и Огаден и возможность расширить свое экономическое влияние на обширной территории Южной Эфиопии под определенным контролем со стороны Лиги Наций. В обмен на это Эфиопия получала в качестве уступки коридор до порта Ассаб, обеспечивавший ей выход к морю. Фактически, компромисс предоставлял Италии контроль над двумя третями абиссинской территории. И это при том, что Италия в военных операциях не добилась значительных успехов. Эти уступки были сделаны в надежде предотвратить сближение Муссолини с Гитлером.

В Лондоне текст документа вызвал бурю в правительстве. Обсуждалось, следует ли направить проект одновременно Италии и Эфиопии, а также возможно ли снять самые острые моменты, связанные с уступкой английских и французских портов Эфиопии. В действительности, речь шла о дискуссии, лишенной смысла, так как предпринятая инициатива не была личным проектом Хора, а результатом тщательной работы кабинета консерваторов (того самого, который незадолго до этого победил на выборах

благодаря обещаниям никогда не нарушать утвержденных Лигой Наций обязательств относительно санкций против агрессоров). Итальянская дипломатия тщательно следила за ходом подготовительных работ в то время, как эфиопская, возможно, не была осведомлена вообще или знала очень немного.

Муссолини задержал на несколько дней ноту с изложением итальянской позиции, и этого промедления оказалось достаточно, чтобы спровоцировать резкий политический поворот, последствия которого нельзя было даже предположить. Благодаря информации, полученной от дипломатов, враждебно относившихся к политике уступок в пользу Муссолини (как считает Алексис Леже), текст проекта компромисса 13 декабря был опубликован во французских газетах «Эвр» Женевьевой Табуи и А. Жераром (Пертинаксом) в парижской «Эко».

18 декабря Муссолини созвал фашистский Большой Совет, чтобы объявить о готовности Италии вести переговоры на основе англо-французского проекта, но реакция англичан на опубликование проекта подсказала ему, что было бы более целесообразно отложить на несколько недель определение итальянской позиции. Только 5 марта итальянское правительство заявило о своей готовности к компромиссу на иных условиях, когда в пылу полемики превратилась в пепел всякая возможность подобного компромисса.

Взрыв негодования против сторонников международного права, готовившихся вознаградить агрессора, вызвал острую реакцию в Великобритании. Хор вынужден был подать в отставку, а Болдуин 19 декабря заявил, что проект компромисса «безоговорочно и полностью погребен». С этого момента пути для дипломатического разрешения кризиса были перекрыты. Муссолини решил отправить в Эфиопию более мощные силы, заменил Де Боно гораздо более способным генералом Пьетро Бадольо, который произвел реорганизацию войск и в начале мая добился военного успеха. Итальянские войска 5 мая вошли в Аддис-Абебу, а 9 мая Муссолини объявил об аннексии Эфиопии и торжественно возложил на голову Виктора Эммануила III Савойского корону императора, ставшую символом амбициозной и дорогостоящей авантюры, в тот момент представленной в качестве демонстративного триумфа. Это торжество происходило в обстановке серьезных перемен в международных отношениях.

Итальянская дипломатия действовала в традиционном контексте и в столь же традиционном ключе пожинала плоды своей деятельности. Агрессия против Эфиопии началась с одобрения французов и продолжалась в двойственной международной обстановке. Гитлер не мог не заметить антигерманский характер объеди-

ненного «фронта Стрезы» и оказал военную помощь Эфиопии еще до начала войны.

Со своей стороны, Муссолини высказался вполне определенно, как бы это ни выглядело жестко. В речи, произнесенной 25 мая 1935 г., он кратко охарактеризовал итальянскую внешнюю политику в последние месяцы. По мнению дуче, «Фронт Стрезы» показал, что Италия может войти в число стран, готовых встать на защиту европейской системы и, в частности, выступить в защиту Австрии. Но эту позицию Италии Муссолини не считал окончательной и вечной. Австрийский вопрос разделяет Италию и Германию, но, уточнил Муссолини, Италия не намерена «окаменеть на Бреннере», отказавшись от активных действий в остальной части мира. Вопрос о независимости Австрии является проблемой не итальянского, а общеевропейского масштаба. Итак, вся Европа должна нести это бремя. «Фашистская Италия, — изрекал Муссолини, — не намерена ограничить свою историческую миссию только одной политической проблемой, только одной военной задачей, которая заключается в защите границы, которая может быть чрезвычайно важной, как граница на Бреннере, потому что границы и метрополий, и колоний, все без исключения границы священны, их следует бдительно охранять и защищать от любой, даже потенциальной угрозы».

Выступление было очень ясным, а сопровождавшие его комментарии итальянских дипломатов делали его еще более четким: Италия со всей определенностью встала на сторону «фронта Стрезы», потому что ждала от него солидарной поддержки или терпимого отношения к своим эфиопским планам. Если это условие не выполняется, то Италия сохраняет за собой свободу действий. Это не означало еще заключения союза с Германией, но означало, что нельзя больше рассчитывать на участие Италии в проведении политики сдерживания германского ревизионизма. Становится ясно, почему французы гораздо более последовательно, чем англичане придерживались разработанного ими курса в то время, как Великобритания занимала колеблющуюся позицию по проблемам Средиземноморья, поскольку ее раздражало чрезмерное усиление Италии в этом регионе. Двойственное отношение англичан к проблемам Центральной Европы было также общеизвестно.

3.5.4. ПРИЗНАКИ ИТАЛО-ГЕРМАНСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

Трагическим последствием происшедших событий стало возвращение Италии к тактике лавирования, ставшей своего рода реакцией и на действия Германии. Если на первом этапе итало-

абиссинской войны Германия занимала проэфиопскую позицию, то в дальнейшем она быстро изменила свою ориентацию. Ее отношение стало более благоприятным для Италии, когда в полемических спорах по проекту Хора–Лавалья стужевался антигерманский характер итальянской акции. Не случайно, 6 января 1936 г., в напряженной обстановке тех недель, Муссолини принял германского посла фон Хасселя и сказал ему, что «фронт Стрезы» окончательно мертв, и что позиция Италии в отношении нацистского проникновения в Австрию не создает трудностей для Германии.

Это еще не было решительным поворотом, а лишь предвестником возможных перемен. Муссолини наращивал военные действия в Эфиопии, думая, что он заручился согласием сил, доминирующих в европейской политической системе. Буря, разразившаяся в середине декабря 1935 г., показала, что он ошибался, потому что правительства западных держав не были в состоянии обеспечить ему какие-либо гарантии. К тому же французское правительство, оказавшись перед выбором между британской позицией и соблюдением соглашений Муссолини–Лавалья, предпочло двусмысленность английских письменных формулировок, чтобы восстановить более тесное сотрудничество с Великобританией.

С тех пор как тактика лавирования и маневрирования во внешней политике Италии перестала быть новостью для кого бы то ни было, никто не думал, что произошло что-то непоправимое. Тем не менее, это непоправимое случилось, и затронуло оно глубинные пласты в отношениях между европейскими державами. Система отношений в Европе, сложившаяся после Первой мировой войны и выжившая, несмотря на изменения политических режимов в отдельных странах, а также формирование авторитарного государства в Италии и диктатуры в Германии, дала глубокую трещину. Если до недавнего времени тяга к объединению или компромиссу превалировала над тенденциями к расколам и кризисам, то теперь начали действовать подспудные причины, которые вели к укреплению разделительных барьеров между странами. Разрушительные тенденции преобладали над стремлением к стабильности.

Может показаться странным и абсурдным, что все это относилось к такому маргинальному аспекту европейской жизни, каковым была внешняя политика Италии. Но в эти месяцы основное направление в европейских международных отношениях определялось, прежде всего, ориентацией, выбранной Италией. До 1934–1935 гг. тенденции к кардинальному распаду системы европейских отношений сдерживались пониманием, не всегда

осознанным и порой только интуитивным, необходимости сохранить фундаментальные элементы стабильности. Каждый находил свою выгоду в ситуации, регулируемой критериями державной политики, прикрытыми положениями Устава Лиги Наций. Но с тех пор, как гитлеровская Германия избрала курс на радикальное разрушение европейской системы в соответствии со своими глобальными планами, сторонники сохранения стабильности стремились поставить заслон на пути реализации этих замыслов.

Конечно, это был нелегкая и непростая задача. Англичане повели себя так, что подобное стремление к сопротивлению не вызывало доверия; итальянцы, придерживаясь свойственной им тактики маневрирования, ясно показали, что они с пониманием относятся к проблеме нарастающего противостояния. Лучше других осознавали опасность французы, поскольку она угрожала, в первую очередь, им и неизменно приковывала их внимание, но Париж не смог действовать последовательно, адекватно осложнявшейся ситуации. Таким образом, заслон, который должен был преградить путь гитлеровской агрессии, дал трещины прежде, чем было закончено его сооружение. Разочарование Италии действиями западных держав стало выражением происшедших разрывов.

В начале 1936 г. с «окончательным крахом фронта Стрезы» сложились условия для образования новых трещин в системе, которая шла к своему краху. Французская дипломатия долго работала над проектом «средиземноморского пакта», который в январе 1936 г. был предложен Риму Фланденом, министром иностранных дел в новом правительстве Сарро (пришедшем на смену кабинету Лавала в том же январе), с целью вернуть Италию в сообщество стран, стремившихся к укреплению европейской безопасности, в условиях, когда остро ощущалась бесцеремонность германской дипломатии в связи с новым отношением Муссолини к австрийскому вопросу. Отказ Рима рассмотреть проект «средиземноморского пакта» стал символом глубоких расхождений и той трудной работы, которую предстояло проделать для их преодоления, если вообще сохранилась такая возможность.

Иден, ставший министром иностранных дел Великобритании после Хора, упорно добивался, чтобы Лига Наций применила против Италии санкции — эмбарго на импорт нефти, и одновременно стремился к сближению с Германией, надеясь изолировать своего соперника в Средиземноморье и вместе с тем подтвердить свой прогерманский выбор. Те способы, которыми Гитлер сумел извлечь выгоду из сложившейся ситуации, свидетельствовали о масштабах происшедшего переворота. Он затронул не только Европу, но также Ближний и Дальний Восток, и способствовал падению престижа Лиги Наций.

Действительно, положение в Западном Средиземноморье было спокойным до 1935 г., благодаря хорошим отношениям Италии с Великобританией и Испанией. В Восточном Средиземноморье после инцидента с Корфу в итало-британских отношениях не было, за исключением проблемы Адриатики, сложностей. Каждая из стран избрала взаимоприемлемую линию поведения, чтобы не ставить под вопрос интересы друг друга. Но акция Италии против Эфиопии не могла не повлиять на все Средиземноморье по двум причинам: во-первых, фашизм в момент, когда он стал главным проводником империалистической политики, не мог не распространить ее на античную традицию Италии и не поставить вопрос о будущем Средиземноморья. Во-вторых, Восточное Средиземноморье было непосредственно затронуто итальянской акцией как в связи с проходом через Суэцкий канал судов, шедших в Эфиопию, так и в связи с реакцией на войну общественного мнения и политических сил всех стран региона.

Это сочетание различных резонансов поставило проблемы перед Великобританией, считавшей столь радикальное изменение соотношения сил в Средиземноморье неприемлемым. Великобритания в то время должна была учитывать два аспекта быстро меняющейся ситуации. Во-первых, в сердце Европы набирала силу Германия, господство которой в будущем казалось нереальным (хотя хватало пророков, видевших опасность намерений Гитлера). Болдуин и Иден не скрывали своего желания достигнуть компромисса с Германией, в том числе и по колониальным проблемам. Во-вторых, ситуация в Средиземноморье представляла реальную стратегическую опасность. Попытки найти компромисс, предпринятые Муссолини до и после начала военных действий в Эфиопии, поддерживались французами, но наталкивались на глухое сопротивление Форин Оффиса, в недрах которого зрели опасения, что Италия намерена «господствовать в Центральном Средиземноморье и играть первостепенную роль в Западном Средиземноморье, оставив Великобритании своего рода коридор для коммуникаций с Египтом и Дальним Востоком» (ноябрь 1935 г). Подобного рода опасения заставляли Великобританию стремиться к более тесному союзу с Германией и, таким образом искать противовес французской политике безопасности (советско-французский пакт и серия договоров Франции с Италией).

В ситуации, когда в Эфиопии начались военные действия, а поиски компромисса Хора–Лавалья оказались безуспешными, французы с беспокойством наблюдали за итало-германским сближением, опасаясь, что оно может перерасти рамки эпизода, каким оно представлялось в первых числах января. Проект «средизем-

номорского пакта», разработанный министром иностранных дел Фланденом в расчете на то, что он позволит «вновь включить Италию в орбиту политики европейской безопасности», не вызвал достойного отклика, более того, он был встречен с недоверием. Таким образом, к окончанию конфликта с Эфиопией еще ничего не было решено.

Именно Италия быстро сменила курс, выступив с рядом политических заявлений, сделанных специально, чтобы успокоить прибрежные страны Средиземноморья. Кроме того, Рим тем самым надеялся подготовить почву для того, чтобы Великобритания выступила за отмену решения Лиги Наций о введении санкций против Италии. Муссолини разъяснил, что у Италии нет никакого намерения угрожать интересам Великобритании, и правительство Лондона с одобрением отнеслось к его заверениям. Это способствовало общей нормализации ситуации и имело важные последствия как в правовом плане, так и в отношении позиций Великобритании в Египте.

3.5.5. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ЭФИОПИИ

Наиболее важным изменением в правовом плане стала конвенция, принятая в Монтрё (20 июля 1936 г.), она устанавливала новый режим судоходства через проливы взамен режима, определенного в 1923 г. Лозаннским договором. Конвенция отражала перемены в политической ситуации. Если в 1923 г. при определении норм судоходства руководствовались стремлением запретить Советский Союз в Черном море, хотя ему оставляли выход во внешние воды, то в 1936 г. новое влияние СССР и его значение для политики сдерживания Германии, по крайней мере, в глазах французов, не позволяли пренебрегать интересами Советов. Кроме того, если в 1923 г. конвенцию можно было навязать Турции, которая, хотя и входила в число стран-победительниц, переживала кризисную ситуацию, то в 1936 г. для принятия конвенции необходимо было вести переговоры с государством, игравшим теперь важную роль в судьбах Восточного Средиземноморья. Становится ясным, почему в новой конвенции принцип безопасности Турции и причерноморских государств возобладал над принципом свободы судоходства через проливы, который превалировал в прежней конвенции.

Суверенитет Турции в области судоходства был полностью восстановлен. Она должна была соблюдать правила свободы торговли в мирное время и приобретала законное право на собствен-

ную защиту (включая право на ремилитаризацию проливов) в случае войны или угрозы войны. За причерноморскими странами (т.е. за Советским Союзом) было признано право проводить в мирное время через проливы военные суда, но речь шла только о надводных судах любого тоннажа. В этом было существенное отличие от стран, не имевших выхода к Черному морю и потому обязанных соблюдать строгие ограничения. Кроме того, причерноморским странам разрешалось проводить через проливы в надводном положении подводные лодки, построенные или приобретенные за пределами Черного моря.

В англо-египетских отношениях также произошли существенные изменения. В 1922 г. правительство Лондона действовало в рамках признания ограниченной независимости Египта. Международный кризис, вспыхнувший в 1936 г. позволил националистам из партии ВАФД (с 1919 г. главной националистической силы Египта) начать переговоры с Великобританией о признании полной независимости страны. Англичане с легкостью пошли на признание суверенитета Египта в обмен на обширные уступки, добившись сохранения своих военных баз по берегам Суэцкого канала. Соответствующий договор был подписан 26 августа 1936 г. Это был договор о союзе между двумя независимыми странами на неограниченный срок, благодаря которому англичане получили право держать гарнизон в 10 000 человек по берегам канала, а также 400 лоцманов для прохода судов по водному пути.

3.6. Ремилитаризация Рейнской области и создание «Оси»

3.6.1. НЕМЕЦКАЯ АКЦИЯ В РЕЙНСКОЙ ОБЛАСТИ

По Версальскому договору (ст. 42 и 43) было установлено, что германское левобережье Рейна и полоса немецкой территории шириной в 50 км на правом берегу реки должна быть демилитаризована, т.е. правительство Германии не могло размещать здесь свои войска, ни, тем более, возводить оборонительные сооружения. Эти статьи были уступкой Франции, не получившей границы по Рейну. В 1925 г. эти условия были подтверждены Локарнским договором. Берлин согласился на включение в договор статьи, согласно которой введение немецких войск в демилитаризованную зону рассматривалось бы как нарушение договора, т.е. как акт агрессии. Эта статья была очень важна для Франции, так как позволяла ей проводить военную стратегию «активной обороны». Французы могли беспрепятственно войти в Рейнскую область

и легко достигнуть Рура, парализовав действия немцев. Возможность «активной обороны» косвенным образом способствовала укреплению союза Франции с Польшей и Чехословакией.

Гитлер и нацисты постоянно протестовали против несправедливого характера этих статей, и в мире росло убеждение, что рано или поздно немцы попытаются внезапно захватить территорию, которая, к тому же, принадлежала им. Однако никто не мог предвидеть момент, когда Гитлер предпримет какие-либо действия, потому что германская дипломатия продолжала твердить об абсолютной лояльности Берлина в отношении Локарнского договора.

Эта лояльность, тем не менее, не была лишена и полемической направленности в связи с оценкой Германией советско-французского договора о взаимопомощи, подписанного 2 мая 1935 г. и еще не ратифицированного в начале 1936 г. По мнению Берлина, договор противоречил Локарнским соглашениям. Это было абсолютно неверно, поскольку договор опирался на ст. 16 Устава Лиги Наций. Но отношение Германии к советско-французскому соглашению было для Франции немаловажным, поскольку оказывало влияние на полемику внутри страны по вопросу о его ратификации, отражалось на советско-французских отношениях. Кроме того, германская дипломатия умело использовала этот аргумент и в дальнейшем.

В конце февраля 1936 г. Гитлер дал интервью Бертрану де Жувенелю, в котором заверял, что питает самые дружеские чувства к Франции. Интервью было опубликовано с некоторым опозданием, и произошло это, по воле случая, на следующий день после того, как 27 февраля французская палата депутатов ратифицировала договор с Советским Союзом. Гитлер расценил совпадение как личное оскорбление и немедленно заявил французскому послу об изменении «своих чувств». Не говоря ничего о том, каковы будут последствия подобного изменения, он в тот же день, 2 марта, отдал распоряжение своему военному министру занять до 7 марта Рейнскую область германскими войсками.

Всего несколько дивизий были готовы к выступлению, и только 36 000 человек приняли участие в германской акции. Даже сегодня можно сказать, что если бы французы и другие гаранты сохранения статус-кво в Рейнской области или союзники Франции отреагировали бы незамедлительно, то они, несомненно, нанесли бы Гитлеру поражение. Никто не посмел или не захотел ничего предпринять. Никто не сознавал, насколько слабы были войска Гитлера. Сами французы думали, что в операции участвовало не менее двадцати дивизий и более 100 000 человек. Они заблуждались. Между тем войска вермахта были триумфально

встречены населением Рейнской области. Некоторое время спустя Гитлер отдал приказ о строительстве мощной системы оборонительных сооружений вдоль границы с Францией, линии Зигфрида, которая должна была идти параллельно уже существующей линии Мажино, возводившейся французами с 1930 г. Этот шаг означал одновременно и вызов, и демонстративное самоограничение обороной.

В еще большей степени, чем решение о возвращении к обязательной воинской повинности, новая акция Гитлера была ошеломляющей, нацеленной против обязательств, добровольно принятых по Локарнскому договору. Гитлер показал, что намерен сбросить «цепи» сковывавшие Германию, даже если для этого придется действовать внезапно и применять силу. Более того, Гитлер со свойственным ему коварством решил осуществить свою акцию в субботу, чтобы захватить своих противников врасплох во время отдыха.

Но если в 1935 г. германская акция вызвала к жизни пусть эфемерный, но обладавший потенциальными возможностями противодействия, «фронт Стрезы», то в 1936 г. гораздо более серьезное нарушение осталось почти без ответа и, более того, реакция на него оказалась таковой, что Гитлер почувствовал возможность действовать безнаказанно и в будущем. Его свобода действий была следствием изменения международных отношений в Европе. «Фронт Стрезы» полностью распался. Муссолини заявлял об этом неоднократно с января 1936 г. Иден пытался вести диалог с Германией и заключить соглашение об ограничении (а точнее о наращивании) военно-воздушных сил и постоянно посылал в Берлин ободряющие сигналы.

Реакция Италии и Великобритании на агрессивную акцию Гитлера после 7 марта была по-своему последовательной, потому что Муссолини одобрял Гитлера в связи с враждебной позицией Великобритании по эфиопскому вопросу, в то время как Иден побуждал Гитлера заключить соглашение, которое укрепило бы англо-германский союз. Такова была ситуация накануне ремилитаризации. Даже французы не имели политической воли и не думали всерьез о военном демарше в ответ на акцию Гитлера. Более того, они все больше уповали на стратегию «пассивной обороны», символом которой стала линия Мажино: эта стратегия подрывала доверие союзников Франции в странах Восточной Европы. Потеряв возможность заблокировать Гитлера, французы сникли, не имея ни силы, ни воли к активным действиям.

Но если причины отношения Италии были понятны, то позиция Великобритании и инертность Франции трудно объяснить.

Дело в том, что для англичан не существовало серьезного основания для того, чтобы прибегнуть к войне только потому, что «германские войска произвели передвижения внутри своей государственной территории», а, значит, Великобритания поступила правильно, «приготовившись к новому Локарно с Гитлером вместо Штреземана». Иден, в свою очередь, видел опасность со стороны Германии, но полагал возможным отвести угрозу с помощью уступок немцам в Восточной Европе, поэтому давал понять, что верит обещаниям, которые в этот раз, как обычно случалось и в прошлом и в будущем, раздавал Гитлер, дабы подсластить горькую пилюлю нарушения ранее принятых обязательств. И, действительно, он выступил с оправданием германской акции, которая, по его мнению, явилась следствием ратификации советско-французского пакта, нарушавшего Локарнский договор, потому что само соглашение было направлено, как утверждал Гитлер, против Германии. Кроме того, фюрер напыщенно заявлял о готовности Германии подписать с Францией договор о ненападении сроком на двадцать пять лет и зондировал возможность возвращения Германии в Лигу Наций.

Иден верил этим обещаниям, потому что его концепция европейской политики основывалась на необходимости заключить англо-франко-германский союз против советской угрозы, а потому он стремился достигнуть соглашения с Германией не только в сфере воздушных вооружений, но также в вопросе о территориальном переустройстве Центральной и Восточной Европы. Иден полагал возможным, как он говорил 12 марта во время заседания английского правительства, на этой основе заключить с Берлином ряд пактов о ненападении, имея в виду возвращение Германии в Лигу Наций.

Совершенно очевидно, что подобная позиция вела к скоропалительному одобрению германского ревизионизма в отношении Польши, Австрии и Чехословакии, а также к тому, что Франция, лишенная поддержки, оказалась подчиненной воле Гитлера. Отказавшись от реализации плана Барту и более ограниченного, но ориентированного в том же направлении плана Лавалья, Франция оказалась ввергнутой в глубокий кризис своего внешнеполитического курса. Утратившая иллюзии Италия противодействовала Франции, истерзанной внутривнутриполитической борьбой, а Великобритания не оказывала Парижу действенной поддержки.

Таким образом, становится ясно, почему реакция на ремилизацию Рейнской области свелась к короткой и пустой дипломатической инсценировке, благодаря которой итальянцы продемонстрировали насколько это было возможно, что они остались

вне игры. Совет Лиги Наций провел ряд заседаний и осудил Германию за нарушение договоров, но смягчил это осуждение, приняв во внимание обещания Гитлера о будущем сотрудничестве. Он предложил Германии воздержаться от строительства укреплений в полосе шириной 13 миль, но Гитлер проигнорировал это требование, показав тем самым несостоятельность всех своих *миротворческих* обещаний.

3.6.2 АВСТРО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ИЮЛЯ 1936 г.

Освободившись от забот на западном фронте, Гитлер смог возобновить акции в Австрии, прерванные событиями 1934 г. Он добился бесспорного контроля над нацистской партией и германским государством, особенно после смерти Гинденбурга (2 августа 1934 г.), когда стало возможным с помощью голосования на манер плебисцита возглавить рейх. Теперь не существовало препятствий и со стороны Италии, более того, отношения с Римом развивались так, что позволяли рассчитывать на его иное, более благоприятное отношение к германской акции в Австрии. Конечно, Рим еще одобрял аншлюс полностью, но уже наблюдался его отход от стратегии превращения Австрии в оплот исключительно итальянской политики.

Провал соглашения с Францией убедил Муссолини в невозможности вместе с Парижем защищать независимость Австрии и укрепил его мнение о неизбежности аншлюса. После окончания эфиопского кризиса Муссолини стремился занять равноудаленную позицию, но так, чтобы это было не слишком заметно для его международных партнеров. Однако намеки, сделанные в январе фон Хасселю и повторенные в дальнейшем, затем пассивность Италии во время кризиса, вызванного ремилитаризацией Рейнской области, убедили Гитлера в том, что позиция Рима изменилась. Отказ Муссолини выполнять в дальнейшем функции министра иностранных дел и назначение на этот пост (10 июня 1936 г.) Галлеаццо Чиано, зятя дуче и сына старого представителя национал-фашизма, горячего сторонника союза Италии с Германией, свидетельствовали об этих переменах.

Так сложились новые, более благоприятные для Гитлера обстоятельства для возобновления диалога с Австрией, начатого еще в июне 1934 г. Гитлер приступил к реализации своих планов в свойственной ему манере: он провозгласил обещания, которые собирался вскоре нарушить, предварительно получив тактическую выгоду. После кратких переговоров с представителями правительства Шушнига между Австрией и Германией 11 июля было

подписано соглашение, которое завершало период напряженности в отношениях между двумя странами и подготавливало условия для последующей германской акции.

Германия признавала суверенитет Австрии, и это основное положение договора позволяло Муссолини считать его успехом для Италии. Германия и Австрия обещали не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Австрийская политика по отношению к Германии должна была учитывать характер «немецкого государства», свойственный также и Австрии. Одновременно снимался запрет, наложенный в 1934 г., на деятельность нацистской партии, которая с тех пор приобрела право на участие в правительстве. Более того, два деятеля, близкие к нацистской партии вошли в правительство Шушнига, а один из них, Гвидо Шмидт, получил пост министра иностранных дел. Жертвой этого соглашения стал князь Штаремберг, который был доверенным лицом Муссолини. Князь стоял во главе национал-патриотического движения «Хеймвер» и поддерживал Дольфуса, а также правительство Шушнига на первом этапе его деятельности. Муссолини перестал оказывать ему доверие, а канцлер Австрии в мае 1936 г. изгнал его из правительства.

Итак, Гитлер расчистил дорогу для нацистского движения в Австрии и сгладил острые углы итальянского противодействия. Отношения между Италией и Германией неожиданно быстро улучшились также благодаря сходной позиции в отношении гражданской войны в Испании. Немцы оказывали давление на Италию, чтобы добиться еще большего сближения. Это противоречило намерениям Муссолини, который, после завоевания Эфиопии и, в еще большей степени, после значительного внешнеполитического успеха, связанного с решением Лиги Наций от 4 июля об отмене санкций против Италии, наложенных вследствие этого завоевания, намеревался сохранить свободу рук и полностью вернуться к политике равноудаленности. Тем не менее, определенное сближение с Германией было полезно в тот момент, когда даже Великобритания шла в этом направлении.

3.6.3. СОЗДАНИЕ «ОСИ БЕРЛИН–РИМ»

Граф Чиано, ставший протагонистом важнейших перемен во внешней политике Италии, 20 октября 1936 г. прибыл в Берлин. В действительности, Гитлер приглашал Муссолини, но тот не хотел излишне откровенно отдаться в метафоричные объятия нацизма. Во время визита Чиано правительства обеих стран решили признать генерала Франко в качестве главы правительства Испа-

нии; кроме того был подписан ряд протоколов, подготовленных во время предшествующих дипломатических переговоров и предусматривавших сотрудничество в ряде областей (участие Италии в Лиге Наций, борьба против большевизма, австрийский вопрос, колониальные проблемы и признание итальянского господства в Эфиопии, проблемы Дунайского региона).

24 октября Чиано посетил Гитлера в его частной резиденции Берхтесгаден в Баварских Альпах. Чиано заверил фюрера, что Муссолини «всегда питал» к нему симпатию и проявлял «живейший интерес к его деятельности даже в самые сложные моменты». Гитлер ответил, что «Муссолини является первым в мире государственным деятелем, с которым никто не может сравниться». В этой обстановке взаимных реверансов оба партнера обсуждали, прежде всего, отношения с Великобританией, которая в это время стремилась усилить свою роль на континенте и, вместе с тем, подчеркнуть свое присутствие в Средиземноморье. Чиано преподнес Гитлеру как большой подарок досье под названием «Германская угроза», которое подготовил министр иностранных дел Великобритании Иден в начале 1936 г. Оно содержало ряд дипломатических сообщений, попавших в руки итальянцев, которые воспользовались ими, чтобы очернить намерения англичан. Возможно, Гитлер не очень удивился при чтении документов, где содержались известные ему сведения, которые он намеревался при удобном случае использовать в своих контактах с правительством Великобритании. Во время встречи с Чиано он предпочел больше заняться прогнозами о будущем итало-германских отношений: необходим наступательный союз, чтобы поколебать позиции Великобритании, и Германия будет готова к этому лет через пять.

«Основой сотрудничества в тактическом плане, — вспоминает Петерсон, — должна была стать борьба против большевизма. Итало-германский союз, как барьер на пути внутреннего и внешнего большевизма, мог бы привлечь многие страны, которые в другом случае из страха перед пангерманизмом и итальянским империализмом, остались бы в стороне. Средиземноморье определялось как жизненное пространство Италии. Любое изменение равновесия в Средиземноморье должно происходить в пользу Италии. Германия должна иметь свободу действий на Востоке и на Балтике».

Разница в направлении их действий предотвращала возможное столкновение интересов двух держав.

Из этих заявлений фюрера ясно, что уже тогда Гитлер задумал полностью привлечь Италию на свою сторону, вынудив ее следовать в фарватере своей внешней политики. Впрочем, Германия

в эти дни предпринимала и автономные шаги: 23 октября в Берлине она парафировала Антикоминтерновский пакт с Японией (подписанный 25 ноября).

Между тем, Муссолини, хотя и был готов принять некоторые аспекты германской политики, отнюдь не желал подчиниться воле Гитлера. 1 ноября 1936 г. во время выступления в Милане он восхвалял дружбу с Германией и объявил о подписании Берлинских протоколов. Муссолини заявил: «Эти соглашения, которые освящены в соответствующих протоколах... эта связующая вертикаль Берлин—Рим представляет собой не отгораживающую «диафрагму», это скорее ось, вокруг которой может строиться взаимодействие европейских государств, воодушевленных стремлением к миру и сотрудничеству».

В дальнейшем, в последующие месяцы и годы, термин «ось» был воспринят политиками и историками как синоним итало-германского союза, и стал даже более точным выражением, чем стальной пакт. Но если внимательно прочесть слова Муссолини, то станет ясно, что в 1936 г. они имели другой смысл. Прежде всего, они уточняли, что итало-германские отношения не имели правового оформления в виде союзного договора; подписанные соглашения закладывали основы сотрудничества, которое не предполагало создания отгораживающей «диафрагмы», т.е. не должно было никоим образом закрыть другие направления итальянской внешней политики. И если затем события международной политической жизни привели к образованию «диафрагмы» и придали «Оси» значение союза, которого в 1936 г. не было, то подобное развитие событий можно было позднее выстроить в логическую цепочку путем умственных усилий.

3.7. Гражданская война в Испании, Средиземноморье и политика «невмешательства»

3.7.1. ВОДОРАЗДЕЛ

Сближение между Великобританией и Германией, а также между Италией и Германией создало такую международную обстановку, которая способствовала одновременному развитию кризисных ситуаций в разных странах Европы. В первую очередь, это касается гражданской войны в Испании, начавшейся во второй половине 1936 г. Более того, именно в ходе этого конфликта сложились некоторые основные характеристики будущих блоков, противостоящих во Второй мировой войне. Война в Эфиопии, никто не может это отрицать, вызвала беспокойство и страх в раз-

личных слоях общества как Великобритании, так и социал-демократических стран Северной Европы. Но пока война касалась далекой страны и велась по прежним дипломатическим и военным правилам ради удовлетворения давно заявленных амбиций одной из крупнейших держав того времени, то и прошла она, не оставив глубоких травм в международном общественном мнении. Это не означает, что их не было вовсе, но следует реально оценивать их как последствия маргинального явления, не столь значительного, чтобы серьезно изменить глубинную сущность политики заинтересованных сторон.

После провозглашения Италии империей обеспокоенные англичане первыми постарались нормализовать отношения с Римом и, по возможности, решить в свою пользу новые проблемы, которые возникли в Восточном Средиземноморье в связи с присутствием Италии в Абиссинии. Другие страны, выступившие за применение санкций против Италии, пошли тем же путем — хотя не все одинаково быстро — не создавая принципиальную проблему из империалистических поползновений Италии в Эфиопии.

Совсем иное отношение было к гражданской войне в Испании, которая стала подлинным водоразделом в истории европейского континента (и, в определенной мере, также и в американской и латиноамериканской истории). Само место действия, пути возникновения и развития испанской войны; ее воздействие на военную сферу; ее затяжной характер, поскольку она продолжалась до начала Второй мировой войны; характер политических союзов, сложившихся под ее влиянием во всех европейских странах, где существовала свобода политического выбора — все это привело к тому, что испанская война ознаменовала момент всеобщего осознания роста фашистской опасности в Европе.

С 1917 по 1939 г. в буржуазной Европе господствовал страх перед большевизмом, который итальянский и германский режимы продолжали использовать, но он заметно влиял также и на внешнюю политику Великобритании, Польши и многих Скандинавских, Балтийских и Балканских стран. С июля 1936 г. этот своего рода идеологический остракизм, который был лишь слегка поколеблен в советском обществе в 1934 г., был преодолен в связи с формированием все более широких антифашистских фронтов, в которых руководящую роль чаще играли демократические силы, но постоянно росло и влияние коммунистов. Так складывался союз, который в 1941 г. стал реальностью, преодолев макиавеллизм сталинской внешней политики. Это было начало «большого антифашистского союза», который до 1945 г. сражался против Италии и Германии.

3.7.2 ИСПАНСКИЙ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Здесь не место вдаваться в детали внутренней жизни Испании, хотя характер конфликта — гражданская война — требует отметить несколько важных моментов. После почти полной утраты своей колониальной империи вследствие поражения в 1898 г. в войне с Соединенными Штатами, Испания переживала тяжелый экономический кризис. В экономическом плане страна распалась на две части: северную (Каталония, Баскские провинции, Галисия и Бискайя), более развитую в промышленном отношении с более мощной индустрией и добычей полезных ископаемых, и остальную часть полуострова, где преобладало сельское хозяйство и отсталые латифундии. В промышленных областях укрепилась социалистическая партия, но она была разделена, особенно в Каталонии, на два течения: анархистское и социалистическое. В 1921 г. в результате раскола социалистической партии была создана коммунистическая партия.

Промышленность Испании смогла окрепнуть благодаря ее нейтралитету во время Первой мировой войны. Это способствовало распространению социально-политических возмущений, с одной стороны, и усилению противодействия им реакционных и консервативных кругов, с другой. В сентябре 1923 г. король Альфонс XIII, находившийся на троне с 1902 г., вынужден был преодолеть глубокий кризис, вызванный поражением испанских войск в Марокко, охваченном восстанием под руководством Абд аль-Керима. В очень напряженной ситуации генерал-капитан вооруженных сил Каталонии Мигель Примо де Ривера, опираясь на мощную поддержку промышленников и некоторых «независимых» профсоюзных деятелей в ночь с 12 на 13 сентября осуществил военный переворот. Король реагировал осторожно и пассивно. Правительство Гарсиа Прието, требовавшее смещения военных, ответственных за государственный переворот, было отправлено в отставку. А через несколько часов к управлению страной был призван Примо де Ривера. Было объявлено чрезвычайное положение; так начался период диктатуры, которая во многом походила на фашистский режим.

Первой задачей де Ривера было завершить завоевание Марокко. Восстанием Абд аль-Керима было охвачено и французское и испанское Марокко, но соглашение с Францией позволило проводить репрессивные меры совместно. В 1924 г. и до конца сентября 1925 г. восстание было жестоко подавлено, что способствовало росту престижа Примо де Ривера, а его имиджу придало привлекательность и ощущение силы. Однако во внутренней

жизни страны результаты были иными. Де Ривера попытался осуществить государственное регулирование промышленности; в финансовом отношении он сделал ставку на значительные американские капиталовложения, но его реформы не затронули старые структуры, которые сумели окрепнуть, используя тенденции к монополии крупных промышленных предприятий и финансовых групп. В социальных вопросах он действовал жестко. Все намеки на аграрную реформу были забыты. Попытка импортировать в Испанию корпоративный опыт итальянских фашистов оказалась неудачной. Подавить волнения правительство не смогло, они разрастались по всей стране.

Это ставило перед монархией вопрос об отношениях с диктатурой. Начиная с 1929 г. Альфонс XIII намеревался освободиться от диктатора Примо де Ривера. Сознавая собственную политическую слабость, и сам Де Ривера пытался подтолкнуть к развитию демократический процесс, но безуспешно. 28 января король отправил его в отставку и поручил генералу Дамасио Беренгеру сформировать новое правительство, которое должно было сотворить чудо и спасти монархию от народного недовольства, нараставшего в период правления Примо де Ривера. Новому правительству предстояло восстановить в стране социально-политическое равновесие и возродить парламентские нормы.

Смена правительства происходила в обстановке растущей социальной напряженности, о чем свидетельствовала волна забастовок, прокатившаяся в декабре 1930 г. по промышленным городам Севера Испании. Беренгер подал в отставку. Король Альфонс XIII попытался найти какие-либо компромиссные решения и в конце концов поручил адмиралу Хуану Батисте Аснару возглавить правительство. Несколько месяцев спустя, на административных выборах в апреле 1931 г., рабочие партии и партии республиканского толка добились заметного успеха. Несколько дней Альфонс XIII пытался найти выход. Но по всей стране и в самом Мадриде стихийно возникла республика, и 14 апреля король решил добровольно покинуть родину. С этого момента Испания стала республикой.

Временное правительство под руководством Нисето Алькала Самора представляло собой коалицию центристов и умеренных прогрессистов, которые объединились, движимые стремлением соблюдать демократические нормы. Перед правительством стояли трудные задачи: создать либеральный режим в стране, в которой при диктатуре усилились социальные различия, а государственные институты все еще находились под контролем традиционалистских сил. Республиканцы намеревались превратить Испанию в современную страну, а для этого они должны были бороться

с закостеневшим правлением латифундистов, с мощным традиционалистским духовенством, с преданной прошлому режиму армией. Годы с 1931 по 1936 г. были периодом социальной напряженности и острой политической борьбы, происходила быстрая смена событий, наблюдался разгул насилия, за который несут ответственность все экстремистские силы.

В июне 1931 г. состоялись выборы в Учредительную Ассамблею, в результате которых голоса избирателей разделились почти поровну между правыми и право-центристскими группами и социалистическими и радикал-социалистическими силами. Обсуждение новой конституции показало глубину расхождений между этими политическими силами, в особенности, по вопросу об аграрной реформе и о предоставлении автономии Каталонии. В этой обстановке правые объявили бойкот принятию новой конституции, что не помешало добиться ее одобрения широким большинством в конце декабря. Лидеру партии «республиканское действие» Мануэлю Асанья, политику демократического толка, имевшему англосаксонские корни, было поручено сформировать новое правительство взамен того, что он возглавлял в течение нескольких месяцев.

В августе 1932 г. генерал Хосе Санхурхо, один из наиболее влиятельных военных командиров во время войны в Марокко, к тому же монго лет участвовавший в политических интригах при дворе короля, предпринял попытку, но неудачную, совершить государственный переворот. Между тем, правительство намеревалось провести серьезные реформы: аграрную, религиозных конгрегаций и местных автономий. Но общий политический климат привел к нарастанию экстремизма и к ужесточению политической борьбы в стране.

На парламентских выборах в октябре 1933 г. правые одержали победу и снова пришли к власти с целью демонтировать все то, что осуществило республиканское правительство. Это привело к росту по всей стране насилия, разжигаемого, прежде всего, анархистскими группами. Особенно тяжелым стал период с 1933 г. по 1935 г., пока правые реорганизовывали свои силы. В октябре 1933 г. Хосе Антонио Примо де Ривера, сын диктатора, руководившего страной в двадцатые годы, основал движение откровенно фашистского толка — Фаланга. В свою очередь, Хосе Мария Хиль Роблес создал испанскую конфедерацию автономных правых (СЭДА), которая стремилась установить умеренно-клерикальный режим.

Левые получили суровый урок, когда в октябре 1934 г. попытались организовать восстание горняков Астурии. Это была попытка совершить настоящую революцию с опорой на шахтеров и при поддержке Коминтерна, которая была жестоко подавлена во-

енными под командованием генералов Мануэля Лопеса Годета и Франсиско Франко Баамонде, которым оказали поддержку войска Иностранного легиона.

Поражение в Астурии подтолкнуло левые партии к разработке общей программы. Этот важный момент привлек внимание европейцев к политической борьбе в Испании. В Испании повторялось то, что произошло раньше в Италии, Германии, в Австрии и совершалось то, что могло произойти во Франции. Это было своего рода зеркальное противопоставление двух крайних точек зрения на организацию политической жизни: реакционной и революционной, разделявшихся некоторыми движениями в Испании. Это противопоставление вообрало в себя и определенные моменты международной жизни, которые привели к возрождению варварства.

Движение за единство испанских левых, набиравшее силу в первой половине 1935 г., стало особенно энергичным после того, как в августе VII конгресс Коминтерна провозгласил в Москве задачу формирования народных фронтов с целью борьбы против фашизма. В январе 1936 г. было достигнуто соглашение о единстве действий между социалистической партией, коммунистической партией, республиканской левой, рабочей партией марксистского объединения — ПОУМ (троцкистской), анархистами и некоторыми другими политическими организациями испанской левой. Они сознательно приняли умеренную программу: возврат к аграрной реформе и восстановление автономии Каталонии, осуществление реформы законодательства о школьном образовании. Предложения о национализации были отвергнуты как в отношении крупной земельной собственности, так и банков.

На выборах в кортесы 16 февраля 1936 г. Народный фронт получил наибольшее количество мест. Различные правые формирования, выступавшие на выборах отдельно, добились существенного успеха, прежде всего, Национальный фронт, который получил на 400 000 голосов меньше, чем Народный фронт. В целом правые получили немногим больше голосов, чем левые. Но раздробленность правых и технический механизм избирательного закона позволили Народному фронту впервые в Западной Европе добиться внушительной победы и получить 278 мест в парламенте; правые получили 134 места, центристы — 55 мест. Левые одержали вполне законную победу, но она уже сама по себе содержала семена раздора, которые усилили противостояние политических сил, вносящее раскол в слабую испанскую демократию. Несколькими неделями спустя представители правых и военачальники приступили к подготовке государственного переворота.

Между тем, народное правительство начало свою сложную работу. Социалистическая партия не была однородной, в ней боро-

лись два направления: революционное просоветское во главе с Ларго Кабальеро (которого товарищи звали «испанский Ленин») и реформистское, руководимое Индалесио Прието. Влияние коммунистов было ограниченным. В Испании отмечался рост волнений, и через короткое время ситуация в стране стала катастрофической. Экстремистски настроенные левые пытались оказывать давление на правительство, используя в этих целях захват земель и другие насильственные действия. Правая организация СЭДА Хуля Роблеса утратила свой авторитет и уступила место представителям Фаланги и монархическим группам, руководимым Хосе Кальво Сотело. 13 июля 1936 г. Сотело был убит группой социалистов, которые хотели отомстить за своего товарища. Эта акция запустила в действие механизм государственного переворота.

Подготовка к нему началась еще в феврале. Во главе мятежа встали генералы Санхурхо, Франко и Эмилио Мола Видаль, которые организовали свой командный центр в Испанском Марокко, откуда 17 июля начался военный переворот с целью свержения законного правительства Мадрида. За ним последовало выступление различных военных гарнизонов по всей Испании. Правительство быстро отреагировало на действия генералов, и мятежникам ничего не оставалось, как перебросить восставшие войска из Марокко на территорию метрополии.

После гибели в авиакатастрофе 20 июля генерала Санхурхо высшее командование принял на себя Франко, сорокалетний офицер, который выдвинулся благодаря воинскому мастерству, хладнокровию и убежденности борца с левыми и коммунистами. Ради этого он был готов сотрудничать со всеми силами, которые признали бы установленный им порядок в Испании. Действуя прагматично, он, тем не менее, последовательно осуществлял замысел установления авторитарного режима, стержнем которого было укрепление его личной власти, что затем помогло ему стать испанским каудильо, т.е. вождем и символом новой фашиствующей Испании. 25 июля мятежные войска учредили свое правительство в Бургосе, подальше от места, высадки восставших ступили на землю Испании, чтобы показать, что на территории всей страны формируются антиправительственные центры.

Истории внутренней жизни Испании и гражданской войны была в значительной мере связана с развитием международных событий, и это позволяло предвидеть, что столь радикальное столкновение не останется без последствий. Росту тревоги способствовала новая ситуация, сложившаяся в Средиземноморье в 1935–1936 гг. На этом фоне гражданская война в Испании имела широкий международный резонанс, в конфликт в той или иной

мере оказались вовлечены и другие страны. События гражданской войны вписались в новый международный контекст, для которого уже была характерна неустойчивость в связи с итальянской войной в Эфиопии и вызванными ею последствиями. В широком плане, испанская война увеличила угрозу международной системе в связи с бурными переменами. В частности, именно эти изменения и, прежде всего, заключенные конвенции в Монтрё выявили нарушение политического равновесия в остальной Европе.

Не имея возможности проследить в данной работе ход операций, проведенных в течение почти трех лет противоборствующими силами законного правительства и генерала Франко, отметим, что с первых дней столкновение имело широкий интернациональный резонанс в идеологическом плане и, еще больше, в плане международной политики. Франкисты нуждались в помощи для транспортировки своих войск на континент и для наращивания достаточной мощи, чтобы бороться с правительственными силами.

Правительство Мадрида столкнулось с трудностями гражданской войны как бы внезапно, хотя она и не была неожиданной. Обе стороны обратились за помощью к тем, кто мог ее оказать, но реакция на обращение была различной. Франко послал своих эмиссаров в Рим и Берлин, посол законного правительства обратился к Парижу. Гражданская война приобретала международное измерение.

Гитлер принимал решения единолично и советовался со своими помощниками только о методах вмешательства в испанскую ситуацию. Известие о мятеже в Испании было для Гитлера неожиданным, но событие казалось очень важным, так как позволяло предпринять ряд серьезных шагов. У Германии имелись прямые стратегические интересы в Испании, но, тем не менее, на основании имеющихся документов следует исключить, что именно это подталкивало Гитлера в течение длительного времени планировать вмешательство в испанские дела. Конечно, в решении фюрера присутствовал экономический интерес, связанный с возможностью добычи вольфрама и железа, богатыми залежами которых обладала Испания. Но главное было не в этом. Наиболее важными для Гитлера были военные, идеологические и международно-политические аспекты.

Военное вмешательство Германии в Испании выразилось в том, что в Марокко было своевременно отправлено около двадцати транспортных самолетов, затем были посланы материалы, вооружения и специалисты (в общей сложности, численность легиона «Кондор» — добровольцев или спецвойск, — посланных в 1937 г., составила более 10 000 человек). Это позволяло испытать

в военных условиях изделия германской промышленности, наращивавшей темпы производства. Около двадцати транспортных самолетов Юнкерс-52 были использованы для переброски мятежников в Испанию; боевые самолеты использовались также для бомбардировки Герники; подводные лодки служили для потопления судов, перевозивших помощь, отправленную законному правительству; боевое вооружение должно было показать свою эффективность.

Что касается идеологии, гражданская война в Испании с ее борьбой против левых и, в частности, против большевизма, предоставляла возможность показать, особенно англичанам, что Германия намерена стать авангардом Европы в борьбе с ростом советской мощи и распространением большевизма. Германия предвосхищала Антикоминтерновский пакт от 25 ноября 1936 г. и стремилась придать своим действиям определенную привлекательность для разделявших ее взгляды.

В германской международной политике важное место отводилось Италии. Гитлер определял, как Муссолини должен оказывать помощь Испании. Но дуче колебался и сначала посылал сырье и оружие, и только в декабре 1936 г. приказал отправить первый контингент, насчитывавший 3000 «чернорубашечников». Италия, которой требовались еще ресурсы для завершения оккупации Эфиопии, была вынуждена сконцентрировать свое внимание на Средиземноморье и дистанцироваться от решения европейских проблем и, в частности, австрийского вопроса. Таким образом, углублялась пропасть, разделявшая Италию и Францию (необходимо помнить, что в июне 1936 г. итальянские вооруженные силы были еще связаны соглашением Бадольо—Гамелен о совместной защите Австрии от германской угрозы). Наконец, чем больше Италия втягивалась в решение вопросов Средиземноморья, тем больше проблем возникало перед Великобританией, которая была вынуждена пересмотреть свое отношение к тому, что происходило на континенте.

Для итальянцев, которые бросили в Испанию огромные ресурсы (около 50 000 добровольцев, 800 самолетов, 2000 орудий и сотню кораблей) и решительно выступили в поддержку Франко в пропагандистском плане, характер мотиваций был одновременно и простым, и сложным. Прежде всего, следует исключить территориальные амбиции и претензии на острова Балеарского архипелага. Тогда это опасение было широко распространено, как и то, что Франко мог предоставить немцам базы на Канарском архипелаге. В действительности, итальянцы использовали Балеарские острова как базы для проведения военных операций, но не

собирались оставаться там постоянно. Однако усиление итальянского присутствия в Западном Средиземноморье вызывало страх как у французов, опасавшихся угрозы для своих отношений с Северной Африкой, так и у англичан, озабоченных безопасностью коммуникаций между Гибралтаром и Суэцем.

Весьма сложно установить, какие мотивации превалировали: идеологические или стратегические. При более внимательном подходе, если принять во внимание, что основой внешней политики Муссолини был реализм (отношения с Германией показывают преобладание геополитических установок над идеологической близостью) и если учесть, что Муссолини не был лично знаком с Франко и его замыслами, то нельзя не признать искренность Муссолини, когда он объяснял причины вмешательства в дела Испании в беседе со своим юным другом Ивоном де Беньяком: «Нам нужна победа франкистской Испании, чтобы завтра не оказаться запертыми в нашем море». Другими словами, фашистским диктатором руководил страх, что новое правительство Испании, сформированное Народным фронтом, и представители Народного фронта, возглавившие французское правительство, смогут создать прокоммунистический блок, который при поддержке Советского Союза, союзника Франции, и благодаря конвенции, принятой в Монтрё, сможет наращивать активность в Средиземноморье и парализовать надежды Италии в этом регионе. Этот потенциальный блок в дальнейшем углубил различия между французской и английской политикой, подтолкнув Великобританию к дальнейшему соглашению с Германией, что имело следствием сокращение свободы маневра Италии как в Средиземноморье, так и на Европейском континенте.

3.7.3. ПОЛИТИКА «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА»

Международно-политический аспект был тесно связан с идеологическим: Испания стала полем столкновения между левыми, вступившими в союз с демократами, и фашистами, заключившими союз с консерваторами. Эта кульминация противостояния произошла благодаря той роли, которую, прямо или косвенно, играли Франция и Советский Союз на протяжении всего кризиса.

Победа Народного фронта во Франции на выборах в апреле–мае 1936 г. позволила коммунистам впервые в Западной Европе войти в правительственное большинство. Премьер-министр Леон Блюм был умным, честным и благородным политическим деятелем. Дюрозель характеризует его как «компетентного и одновременно идеалистичного» политика. Конечно, это был выдающийся

французский политический деятель 30–40-х годов, но его раздрали противоречия между стремлением проводить гуманную демократическую политическую линию и реальностью, ограничивавшей его замыслы. Он возглавил самое антифашистское правительство, какое только могло быть создано во Франции. Правительство Блюма не назначило преемника на посту посла в Риме вместо профашистски настроенного де Шамбрёна, и в течение двух лет интересы Франции в итальянской столице представлял просто поверенный в делах. Однако ни министр иностранных дел Ивон Дельбос, ни генеральный секретарь МИДа Леже не могли уклониться от отмены санкций против Италии и от фактической нормализации отношений с Римом. Отношения между Муссолини и Лавалем были амбивалентными, но вместе с тем их отравляла смесь надежды и досады. Испанский казус в полной мере выявил эту двойственность.

Когда известие о мятеже в Марокко достигло Парижа, там сразу же возникло спонтанное желание помочь друзьям. Поток военной помощи (первые действительно прибывшие в Испанию поставки) пересек Пиренеи. 23 и 24 июля Блюм и Дельбос прибыли в Лондон и поняли, что Великобритания относится враждебно к вмешательству Франции в гражданскую войну в Испании. После их возвращения в правительстве остро обсуждался выбор политической линии, и министры-радикалы пригрозили правительственным кризисом в случае возобновления помощи Мадриду. В результате было заявлено о закрытии границы с Испанией для любых поставок вооружений. Известие об итальянских и немецких поставках мятежникам несколько нарушило этот осторожный подход: решение отправить в Испанию около двадцати самолетов, принятое 1 августа, сопровождалось предложением английскому и итальянскому послам выработать общую политику «невмешательства».

Смысл этого предложения был ясен — оно было вызвано угрозой Германии расценивать вмешательство Франции и ее помощь правительству Мадрида как просветскую акцию. Более того, оно было связано с очевидным отказом Великобритании одобрить какие-либо действия, направленные на восстановление законности в Испании. Правительство Великобритании и консервативная печать не оставляли сомнений в том, что они не желали признать опасные для Лондона изменения в Западном Средиземноморье. Новизна ситуации в этом регионе была связана с усилением позиции Италии (но Муссолини предоставлял гарантии, достаточные, чтобы в тот момент успокоить Идена), а также с чрезмерным укреплением франко-испанского блока, который поддерживали Советы.

Политика «невмешательства» была фиговым листком, которым прикрывались реальные действия. Поэтому никто не отказывался присоединиться к ней. Первыми отозвались англичане, затем Советы, итальянцы, немцы — в целом 27 стран. 8 сентября «Комитет по международному контролю» собрался в Лондоне на свое первое заседание. Начались неспешные дипломатические переговоры, под прикрытием которых все тоталитарные державы делали то, что хотели. Немцы продолжали свои поставки в Испанию; итальянцы отправляли людей под видом волонтеров, но хорошо организованных непосредственно фашистским военным командованием; все те страны, которые оказывали массированную помощь франкистам, продолжали свою деятельность, несмотря на постоянные опровержения и обязательства прекратить отправку людей и вооружений в Испанию.

Со своей стороны, Советы, благодаря возможностям, предоставленным им конвенцией Монрё, могли направлять свою помощь законному правительству и, более того, содействовать организации «интернациональных бригад». Начиная с сентября, бригады формировались на территории Франции, и оттуда более или менее легально проникали в Испанию. Они собирали под свои знамена всех тех, кто понял необходимость антифашистской борьбы и кто в жестких условиях угрозы нацизма отказывался видеть те ужасные ошибки, которые совершали коммунисты. В этой ситуации самая слабая и уязвимая позиция была у Франции, которая покровительствовала политике «невмешательства», а фактически делала возможным вмешательство антифашистских добровольных «бригад»; не помогала законному правительству Испании и таким образом создавала благоприятные условия для итало-германской политики и сближению Великобритании с Германией, подготавливая тем самым собственную изоляцию.

Советы первыми предприняли серьезное военное вмешательство в дела Испании, которое сопровождалось массированной пропагандистской кампанией. Уже в конце октября Сталин сообщил секретарю Испанской коммунистической партии о поддержке Москвы. Тем не менее, он сделал все возможное, чтобы избежать отождествления испанской проблемы с советской политикой, так как это противоречило налаживанию сотрудничества Советов с западными демократиями. Сталин, Ворошилов и Молотов в декабре 1936 г. в письме к тогдашнему премьер-министру Испании Ларго Кабальеро призывали испанских республиканцев избегать крайностей и предпринимать необходимые усилия, чтобы «помешать врагам Испании представить ее как коммунистическую республику».

Испанские коммунисты ревностно выполняли эти установки и боролись с троцкистами ПОУМ и с анархистами, которые были особенно сильны в Каталонии и упорно отстаивали радикальную аграрную реформу. Кампания систематических убийств, организованная агентами советской тайной полиции и испанскими коммунистами, дискредитировала деятельность антифашистского правительства, хотя и не помешала относительному сплочению интернациональных бригад, которые стали символом борьбы с фашизмом. Но необходимо подчеркнуть, что советское вмешательство способствовало усилению тревоги Лондона и послужило аргументом для тех, кто поддерживал Франко. Гражданская война, продолжавшаяся в сложной международной обстановке, характеризовалась взаимными обманами и жестокостью, предвосхитившей ужасы второй мировой войны.

Особенность гражданской войны заключалась в том, что внутренние противоречия и скрытая борьба подрывали единство антифашистского фронта. Анархисты и левые экстремисты пытались ускорить процесс революционной трансформации с помощью ряда экономических реформ, что вызывало противодействие умеренных элементов антифашистского фронта. Коммунистическая партия, влияние которой в период республики было незначительным, окрепла в связи с тем, что Советский Союз, еще в большей мере, чем Франция, был готов посылать военную помощь. Именно это привело к тому, что он стал навязывать свою политическую линию испанскому правительству, диктуя ее через Коминтерн, который в Испании представлял итальянец Пальмиро Тольятти. Пытавшийся лавировать между различными тенденциями Ларго Кабальеро был вынужден в середине 1937 г. уйти в отставку, уступив место более умеренной коалиции, которой руководили Хуан Негрин и Индалесио Прието. В мае коммунисты осуществили кровавые репрессии в Барселоне. В связи с этим Прието, враждебно относившийся к росту влияния коммунистов, ушел из правительства, которым Негрин продолжал руководить до окончания антифранкистского сопротивления в марте 1939 г.

Поражение было неизбежным в связи с неравенством сил сражавшихся и провалом попытки помешать соединению отрядов, шедших из Андалусии, с антиправительственными мятежниками Галисии (родина Франко и одна из областей, где было особенно сильно клерикальное влияние) и частично Астурии. Уже в августе 1936 г. две группировки объединились и взяли город Бадахос в Эстремадуре. С тех пор военные операции продолжались с переменным успехом, но общая тенденция оставалась неизменной. Однако ни упорное сопротивление антифашистов, ни знаменательные победы «интернациональных бригад» вроде той, что была

одержана в марте 1937 г. итальянскими формированиями в сражении с итальянскими фашистскими волонтерами под Гвадалахарой (горькое предзнаменование гражданской войны в Италии в 1943–1945 гг.) не изменили общего хода военных действий. В начале 1939 г. судьба республики была предрешена, и в феврале Великобритания, а также и Франция признали правительство Франко. Осада Мадрида завершилась 28 марта 1939 г.

3.7.4. ПОПЫТКИ «ПЕРЕСТРОЙКИ ШЕРЕНГ» И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

С конца 1936 г. испанский вопрос перестал быть в центре внимания европейских дипломатов. Конфликт расценивался как драматически тяжелый и продолжал волновать общественное мнение; тем не менее, политика «невмешательства» сыграла свою роль в дипломатическом плане: не в том смысле, что она сделала невозможным вмешательство в дела Испании, а в том, что она поставила пределы развитию конфликта. Испанская гражданская война не распространилась на остальную часть Европы, и, по существу, только итальянцы продолжали, хотя и с ослабевающим рвением, оказывать настоящую военную поддержку франкистам. Для других стран участие свелось к отправке вооружений или к более или менее гуманитарной помощи. В международном плане кризис имел, однако, соответствующие разнообразные последствия.

Испанская гражданская война выявила изменение соотношения сил в Европе и, в особенности, подчеркнула слабость позиции Франции. Она больше не предпринимала активные меры по обеспечению собственной безопасности; Париж же оказался вовлеченным в конфликты, спровоцированные странами, проводившими ревизионистскую политику. Франция стала жертвой своего прошлого, т.е. страдала от широко распространенного убеждения, что она все еще занимает доминирующее положение в Европе. В действительности, Франция с 1936 г. находилась в изоляции, потому что ни соглашение с Советским Союзом, ни договоры со странами Дунайско-Балканского региона не укрепляли ее позиции относительно Германии, а, напротив, ложились на нее тяжелым грузом.

В особенности серьезно ухудшились ее отношения с Великобританией. Возможно, в Лондоне вызывало недоверие правительство Народного фронта (но его не следует преувеличивать, поскольку в течение некоторого времени лейбористы правили также и в Англии, а затем стали оппозицией Её величества), возможно Великобритания в 1935 г. опасалась союза Франции с Советами и Италией. А, возможно, холод в отношениях между прежними

партнерами был связан с провалом планов (исследованных в работах Рене Жиро) создания экономической франко-англо-американской коалиции, способной навязать свои нормы экономической жизни остальной Европе, что позволило бы в итоге достичь политического превосходства, — но факт остается фактом: французская политика воспринималась в Лондоне с растущей отстраненностью. Только некоторое сближение с Польшей, отмеченное в сентябре 1936 г. соглашениями о поставке французского вооружения, смягчало изоляцию Франции, но она стала еще более очевидной при первых признаках измены Бельгии.

После оккупации Рейнской области Бельгия ослабила тесное сотрудничество с Францией, почувствовав свою незащищенность и угрозу германского нападения. Бельгию связывали с Францией военные договоры, относившиеся к 1920 г., но в октябре 1936 г. король Леопольд III выступил с речью, которая отражала правительственную политику и вызвала одобрение в общественном мнении. Он утверждал, что захват Рейнской области подрывает Локарнские соглашения и налагает на Брюссель обязанность проводить «исключительно и полностью бельгийскую» политику. Это был еще не откровенный нейтралитет, но уже его настораживающие признаки.

Вместо того, чтобы поддерживать Францию, английское правительство и Иден проводили политику соглашения с Германией и примирения с Италией. Однако Иден по-прежнему относился с глубоким недоверием к Муссолини и считал, что Италия, враждебная Великобритании и свободная от всяких обязательств в Средиземноморском регионе, будет еще более опасной. Поэтому он, пересилив себя, пошел на частичную нормализацию отношений с Италией, опираясь на общую заинтересованность в сохранении стабильности в Средиземноморье или, точнее сказать, на обоюдное желание продемонстрировать подобную заинтересованность, несмотря на различие среднесрочных планов. Правительства обеих стран завершили 2 января 1937 г. «обмен нотами», касавшийся «джентльменского соглашения», которое предполагало прекращение вмешательства Италии в дела Испании и связывало обе стороны обязательством не нарушать *статус кво* в Средиземноморье и соблюдать взаимные интересы и права в этом регионе.

Но еще более решительной стала политика Идена после отставки правительства Болдуина 28 мая 1937 г. вследствие кризиса, вызванного отречением Эдуарда VIII. После вступления на английский престол Георга VI было сформировано правительство Невиля Чемберлена, в котором Иден некоторое время руководил Форин Оффис. Вместо того, чтобы воспользоваться неустойчивой

ситуацией и восстановить «фронт Стрезы», Великобритания, казалось, приветствовала акции, разделявшие три страны, которые могли бы быть заинтересованы в его воссоздании.

В Лондоне сомневались, должно ли соглашение с Италией включать признание де юре титула императора Эфиопии за королем Италии. Чемберлен склонялся к такому признанию, потому что считал возможным вернуть Муссолини в орбиту влияния Великобритании. Иден придерживался другого мнения. Он писал Чемберлену: «Мне кажется, что существует определенная разница между Италией и Германией в том смысле, что соглашение с последней могло бы просуществовать в течение некоторого разумного времени, в особенности, если Гитлер лично примет на себя соответствующие обязательства. В то же время Муссолини, мне кажется, является настоящим гангстером, и его честное слово ничего не значит».

Фактически, правительство Великобритании действовало с упорной настойчивостью (слегка приглушенной некоторой недоверчивостью) в отношении умиротворения Германии и пыталось, хотя и с некоторой неохотой, связанной с личностью Муссолини и проблемой паритета военно-морских сил в Средиземном море, добиться нормализации отношений с Италией. В течение всего 1937 года продолжались переговоры с Италией о заключении наиболее полного «джентльменского соглашения». Таким образом складывалось окружение Франции, которая к тому же вынуждена была сосуществовать с враждебным правительством на юге — в Испании.

Гитлер, в свою очередь, после рискованного захвата Рейнской области понял всю опасность столь резких акций и, если и не изменил своих планов, то приступал к их выполнению с большей осторожностью. Его установки и планы англичан совпадали: он намеревался вовлечь британцев — «расовых кузенов» немцев — в глобальный союз, а также оказать давление на итальянцев и вынудить их заключить европейский союз.

Переговоры с англичанами были поручены фон Риббентропу, который еще не стал министром иностранных дел, но уже был ведущим деятелем, проводившим внешнюю политику Гитлера. Риббентроп стал послом в Лондоне, в его задачи входило убедить британцев в необходимости глобального соглашения, которое Гитлер считал единственно соответствующим сложившимся обстоятельствам. Обе страны имели возможность заключить союз на основе некоторых общих концептуальных положений: германское преобладание в Европе могло бы положить конец продолжавшимся волнениям на континенте и противопоставить советской коммунистической угрозе фронт стабильности, но на базе

сотрудничества с Великобританией, а также сокращения британского имперского и морского господства, скорректированного передачей Германии некоторых колоний, которые были отображены у нее после Первой мировой войны.

При этом было абсолютно неважно, что Гитлер в «Майн кампф» указал главную цель, которую следовало повергнуть — Британскую империю. На данном этапе он из тактических соображений предлагал англичанам заключить соглашение мирового масштаба, как того требовали международные проблемы (26 июля 1937 г. японцы начали войну против Китая). Дино Гранди, бывший тогда послом Италии в Лондоне, возможно, не понял полностью умышленное расхождение между словами и делами немцев, когда писал: «Риббентроп хотел заключить соглашение с Англией, которое позволило бы Германии иметь свободу рук и открыло бы дорогу в Россию. Это была доктрина «Майн кампф». Но он также хотел добиться и другой цели: окончательно и бесповоротно подорвать отношения Англии с Италией, подкрепляя таким образом усилия, одновременно предпринятые нацистской дипломатией в Италии.

На первых порах Риббентропу это несомненно удалось. Война в Испании оказалась для него весьма кстати. Британское правительство также хотело договориться с Германией. В течение двух с половиной лет, вплоть до 1938 г., это было неоспоримой установкой для деятелей, руководивших британской политикой. В течение этого отнюдь не малого периода времени и, конечно, весь 1937 г., «Германия была в большой моде в Лондоне». Попытка заключить глобальный союз закончилась ничем, потому что Риббентроп был деятелем ограниченным и не вызывавшим доверия, чтобы довести до конца порученное ему дело. Тем не менее, он дал немцам достаточно времени, чтобы предпринять ряд важных шагов.

Вместе с тем, продолжалась также политика настойчивого сближения с Италией. Италия держала под своим контролем независимость Австрии и коммуникации Германии на Балканы и Ближний Восток. Гитлеру было необходимо показать Муссолини, что он и тогда, и постоянно считал дуче своим учителем и предшественником, с которым его связывают уважение и нерушимая дружба. В течение всего 1937 г. Гитлер оказывал давление на Муссолини, начиная с январского визита в Рим Геринга, доказывавшего неизбежность *аншлюса*. О необходимости более тесной дружбы твердили все посланцы, направлявшиеся в Рим, всегда готовые прибегнуть к самой сладкой лести и повторять избитые клише о разделении задач: Италии — Средиземноморье, Германии — Европейский континент.

Муссолини сопротивлялся этому нажиму, так как чувствовал грозящую ему опасность, т.е. изоляцию от Великобритании, разрыв с Францией, кризис в отношениях с Австрией и Венгрией. Тем не менее, когда, наконец, он принял предложение Гитлера посетить Германию, то визит оставил у него неизгладимое впечатление: еще не пришло время подписать соглашение «с» Гитлером, но в Европе, конечно, уже ничего нельзя было сделать «без» Гитлера. Муссолини пробыл в Германии с 25 по 29 сентября 1937 г. Гитлер оказал ему самый радушный прием. Награждения, банкеты, лавровые венки, символы римского духа, но, прежде всего, усиленная показуха: 28 сентября в Берлине почти миллион людей приветствовал Муссолини с точным соблюдением тевтонских обычаев. Он выступил на немецком языке и высмеял лживых идолов Женева и Москвы, предрекая Европе фашистское будущее.

Хотя Гитлер и Муссолини в своих беседах редко касались политических проблем, и ни один из них ни сказал ни слова по вопросу об Австрии, сопоставление между жестким порядком в германской армии и слабой воинской дисциплиной в итальянских войсках убедило Муссолини в том, что слишком тесные объятия с Гитлером опасны и преждевременны. Дуче также понял, насколько важна своя параллельная политика, в особенности, антикоммунистической направленности, как это подразумевалось Антикоминтерновским пактом, к которому Италия вскоре присоединилась (6 ноября 1937 г.). Это был важный переломный момент в психологическом плане, придавший Гитлеру (который точно рассчитал, какое впечатление произведет на Муссолини визит в Германию) уверенность в том, что он может по своему усмотрению манипулировать внешней политикой Италии, страны, увязшей в испанской войне и вынужденной прилагать немалые усилия для оккупации Эфиопии.

Приближался конец 1937 г. и только один из европейских правителей ясно видел план своих будущих действий. Это был Гитлер, потому что все остальные европейские лидеры были поставлены в такое положение, что могли лишь «реагировать» на акции, предпринятые фюрером. 5 ноября 1937 г. Гитлер собрал главных политических соратников и руководителей германских вооруженных сил и изложил им свои планы, уточнив при этом, что их следует считать его духовным завещанием в случае смерти.

Протокол этого собрания был составлен (несколько дней спустя или на основе заметок, сделанных во время собрания, точно не установлено) одним из присутствовавших, полковником Хоссбахом, помощником Гитлера. Документ, найденный в конце войны, был использован на Нюрнбергском процессе в доказательство преднамеренности агрессивной политики Гитлера.

Германские проблемы, говорил фюрер, могут быть решены только силой, необходима победа над двумя врагами — Францией и Великобританией, которые никогда не согласятся с каким-либо укреплением германских позиций в Европе и за океаном. Отсюда определение сроков: не позже 1943–1945 гг. — иначе противники смогут оказать упорное сопротивление, и в связи с внутренней ситуацией в отдельных европейских странах, в особенности, во Франции. В качестве первых объектов нападения были указаны Чехословакия и Австрия (в хронологическом порядке, который затем Гитлер изменил); за ними шла Польша, операции против которой зависели от поведения русских, а оно, в свою очередь, зависело от Японии. Время перехода к активным действиям Гитлер связывал с внешними обстоятельствами, но полагал, что следует начинать уже в 1938 г.

3.8. «Аншлюс» и британская политика «умиротворения»

3.8.1. ГИТЛЕР, ВЫСШЕЕ ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ И АВСТРИЙСКИЙ ВОПРОС

Интерпретация заявлений Гитлера, сделанных им 5 ноября 1937 г. перед высшим нацистским руководством, весьма противоречива. Если общее направление гитлеровской политики было четко определено, то календарь и практические цели были обозначены неточно и расплывчато. Можно было бы утверждать, что неопределенность связана с невозможностью рассчитать до малейших деталей развитие ситуации, которая не зависела полностью от Германии, но это противоречит склонности Гитлера пренебрегать внешними обстоятельствами и руководствоваться только собственными суждениями. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что, в реальности, в конце 1937 г. он обладал полной свободой действий только в пределах Германии.

Значение заявлений Гитлера, если дискуссия о нем и имеет какой-либо смысл, может быть объяснено только внутренними проблемами Германии, т.е. тем, что, по крайней мере, в период с конца 1937 г. и до конца 1938 г. приверженность двум тенденциям глубоко разделяла германское руководство. Одни полагали, что нужно действовать постепенно, а, следовательно, и более осторожно, что ускоренные сроки перевооружения станут тяжелым бременем для германской экономики и приведут к ухудшению положения в других секторах, в особенности в области снабжения. Другие, наоборот, считали эти опасения излишними и подталки-

вали к быстрым и решительным действиям; свою главную цель они видели в том, чтобы нанести поражение западным империалистическим державам, включая Великобританию. Первую тенденцию поддерживали такие государственные деятели как министр иностранных дел фон Нейрат, Герман Геринг, бывший фактически вторым человеком в нацистской иерархии, и министр экономики Яльмар Шахт.

Шахт подал в отставку в ноябре 1937 г., а в январе 1938 г. фон Нейрата сменил фон Риббентроп, который после провала своей миссии в Лондоне занял откровенно антибританскую позицию и пробудил в Гитлере враждебность к Великобритании. Одновременно по инициативе СС распространялись клеветнические обвинения против военного министра Вернера фон Бломберга и командующего сухопутными войсками Вернера фон Фрича, которых Гитлер затем отправил в отставку. Первый не соглашался безоговорочно с мнением фюрера, а второй не хотел подчиняться дисциплине и принять нацистские военные концепции. Оставался лишь Геринг из тех, кто отстаивал политику экспансионизма, не прибегая к войне, его поддерживал все еще влиятельный Шахт и статс-секретарь министерства иностранных дел Эрнст фон Вайцеккер.

Сторонники второй тенденции были более решительными и обладали более мощным влиянием. Лидерами этой группировки выступали Риббентроп, министр пропаганды Геббельс, глава СС Гиммлер и наиболее циничные представители военных кругов. Среди них Гитлер без труда нашел замену антинацистски настроенным генералам после того, как сам занял пост военного министра и назначил Геринга фельдмаршалом (высший чин в военной иерархии), а Вальтера Баухича поставил во главе генерального штаба.

С тех пор германские вооруженные силы разделились на два направления: одно — откровенно пронацистское, а другое — консервативно-националистическое (которое в 1944г. попыталось освободить Германию от Гитлера и которое возглавили такие деятели как Людвиг Бек). Раскол касался пределов, целей и методов экспансионистской политики. Между тем, внутригерманские дискуссии не помешали Гитлеру добиться двух важных результатов: радикальным образом изменить геополитический облик Европы и превратить Германию из побежденной страны, находившейся во враждебном окружении, в страну, которая играла доминирующую роль в Европе и была окружена либо запуганными противниками, либо союзниками, более или менее довольными своей новой ролью.

3.8.2. АНШЛЮС

В 1938 г. Гитлер приступил к слому территориального порядка, установленного в 1919 г., осуществив аншлюс Австрии. Эту акцию Гитлер готовил с большой осторожностью, поскольку предчувствовал, какое кипение страстей вызовет увольнение фон Фрича и фон Бломберга, но он также понимал, что международная ситуация предоставляла ему исключительный случай. Он сознавал, что после визита в Берлин Муссолини не решится встать в оппозицию, если окажется в одиночестве. Гитлеру предстояло парировать протест англичан и французов, но с этим он легко справился.

Британское правительство понимало, что необходимо нормализовать отношения с Италией и Германией (при этом оно продолжало недооценивать роль Франции), но оно не было единым. Некоторые министры, такие как Иден и лорд Галифакс (который стал министром иностранных дел после отставки Идена 20 февраля 1938 г. именно вследствие расхождения мнений), полагали, что в первую очередь следует добиваться компромисса с Германией. «Мы должны, — отмечал Иден в конце января 1938 г., — прилагать все усилия, чтобы добиться соглашения с Германией».

Другие министры, такие как Чемберлен, считали, что еще возможно воссоздать своего рода «фронт Стрезы», и потому ратовали за начало переговоров о признании *de jure* итальянской империи в Эфиопии. Иден расценивал испанский вопрос как выражение ненадежности итальянцев, но не замечал масштабы германского вмешательства. Чемберлен был убежден, что независимость Австрии — более важная проблема, потому что захват Австрии позволил бы Гитлеру в последующем присоединить район Судет в Чехословакии к немецким землям, что открывало бы Германии дверь на Балканы. Итак, Иден в большей мере, чем Чемберлен, был склонен к проведению политики «умиротворения».

Эти две тенденции давали о себе знать и в практических вопросах. В ноябре 1937 г. Галифакс, бывший тогда лордом хранителем королевской печати, прибыл в Германию, где встречался с Гитлером и Герингом. Они пришли к согласию, что на карте Европы могут произойти изменения, связанные с Данцигом, Австрией и Чехословакией, если они совершатся мирным путем. Этого было достаточно, чтобы Гитлер понял, что англичане предоставляют ему свободу действий. Когда Галифакс стал министром иностранных дел, то это убедило фюрера в том, что его интерпретация английской позиции была правильной, к тому же, Галифакс оставался последовательным сторонником политики «уми-

ротворения». Так столкновение между Иденом и Чемберленом, которое хотя и открыло дорогу к итало-британским переговорам, послужило для Гитлера сигналом к действию, поскольку убедило его в пассивности Великобритании и в том, что следует начинать осуществление его акций до восстановления согласия между Лондоном и Римом.

У германского диктатора не было оснований опасаться французов. Кризис правительства Народного фронта парализовал внутреннюю политику страны. Дельбос, который продолжал занимать пост министра иностранных дел, попытался в феврале заключить соглашение с Великобританией, но не сумел преодолеть разницу в подходах английской и французской дипломатии. При этом он понял, что правительство Ее Величества намерено продолжать поиски согласия с Германией по проблемам и разоружения и Центральной Европы. Сложилась такая ситуация, что французам ничего не оставалось, как покориться судьбе, и в конце концов правительство Шотана, в котором участвовал Дельбос, было вынуждено подать в отставку незадолго до германской акции. Гитлеру трудно было найти более подходящий момент, чтобы ускорить реализацию своих планов. Выявились те самые предпосылки, которые, как он говорил в ноябре, способны сократить ранее предусмотренные сроки.

В конце 1937 г. (впрочем, возможно, подготовка к этой акции велась уже давно) австрийское правительство узнало о сотрудничестве немецких и австрийских нацистов, планировавших свергнуть правительство фон Шушнига и заменить его правительством, руководимым нацистами. Австрийский канцлер попытался в качестве крайнего средства добиться личной встречи с Гитлером, чтобы получить откровенное объяснение. К этому его подталкивал фон Папен, не случайно направленный Гитлером послом в Вену. В конце января австрийский канцлер был официально приглашен в Берхтесгаден для встречи с Гитлером. Шушниг принял приглашение в надежде добиться от фюрера, как его заверял фон Папен, смягчения нацистского нажима на Австрию.

Но это были слишком наивные ожидания. Австрийский джентльмен встретил такое обращение, какого и вовсе не ожидал. Гитлер, пришедший в ярость вследствие обвинений, выдвинутых против австрийских нацистов, встретил Шушнига 12 февраля длинной отповедью, которая продолжалась в течение всего его пребывания в Германии и о которой австрийский канцлер оставил яркое и горькое описание.

Гитлер мастерски прибегал к словесной агрессии в качестве агрессии материальной. Он подавил австрийского канцлера обви-

нениями в оскорблении германизма и показал ему истинное положение Австрии, находившейся в полнейшей изоляции, поскольку ни Италия, ни Франция, ни Великобритания больше не собирались придти ей на помощь. Поэтому фюрер «должен» продиктовать австрийскому канцлеру жесткие условия, заключающиеся в том, что на пост министра внутренних дел и безопасности в австрийском правительстве должен быть назначен нацист Зейсс-Инкварт. Должна быть объявлена всеобщая амнистия, и также требовалось официально признать германский характер австрийской политики, которая должна согласовываться с экономической и международной политикой Германии. Шушниг смирился и принял условия Гитлера. Добившись желанных перемен, австрийские нацисты стали хозяевами в стране, и им оставалось только ждать благоприятного момента для начала действий. Случай был предоставлен самим канцлером Шушнигом, который, стремясь активизировать крайнюю оппозицию нацистам, 8 марта объявил о проведении 13 марта плебисцита. Он надеялся показать безосновательность нацистских претензий относительно аншлюса, но реакция со стороны Германии заставила его отказаться от своих намерений.

Инициатива перешла к Герингу, который в этот момент оказывал решающее воздействие даже на Гитлера, охваченного «психопатическим возбуждением». 11 числа он направил ультиматум австрийскому президенту с требованием отставки Шушнига и назначения Зейсс-Инкварта канцлером. Тем временем группы нацистов заполнили улицы Вены и других австрийских городов, чтобы усилить значимость ультиматума. Канцлер подал в отставку, но президент Австрийской республики Миклас отказался назначить Зейсс-Инкварта главой правительства. Последний, скрупулезно следуя инструкциям, полученным из Берлина, захватил стратегически важные пункты столицы и провозгласил образование временного правительства, которое сразу приняло решение о вводе немецких войск. Вторжение началось стремительно и прошло в большой спешке, поскольку оно не было подготовлено в военном отношении. Ввод войск не стал еще настоящей аннексией. Чтобы перейти к этой стадии, необходимо было знать реакцию других стран, по крайней мере, Италии.

Гитлер в этой ситуации действовал, следуя тактике, характерной для него и в дальнейшем. После проведенной акции Гитлер послал князя Филиппа ди Ассиа в Рим с объяснительным письмом к Муссолини, в котором повторял то, что много раз утверждал в прошлом: германская акция в Австрии никоим образом не затрагивает вопрос об Альто Адидже, который был решен в 1919 г.

«раз и навсегда». Эти события знаменовали собой серьезное поражение итальянской дипломатии и негативно сказывались в дальнейшем на роли Италии в Европе. Муссолини был больше не в состоянии один противостоять Германии, поэтому он сделал хорошую мину при плохой игре и сказал князю, доставившему ему письмо фюрера вечером 12 марта, а, следовательно, *post factum*, что понимает мотивы Гитлера и разделяет их. Но он ответил на акцию Германии сначала «Пасхальными соглашениями»¹, а затем захватом Албании, который он задумал вместе с Чиано в отместку Гитлеру именно тогда, но осуществил лишь год спустя.

Стоит отметить, что «свобода действий» оказалась для Гитлера большим подарком, потому что ситуация в Австрии была неясной, оккупация должна была превратиться в *аншлюс*. Вечером 13 марта Гитлер подписал соответствующий декрет, а на следующий день с триумфом вступил в Вену. Австрийская республика перестала существовать, вековая традиция независимости была прервана на период до 1945 г. (или до 1955 г., если считать дату подписания договора, который положил конец состоянию войны). Для многих австрийцев, немцев и европейцев случившееся было очевидным следствием решения вопроса в соответствии с национальным принципом. В действительности, обращение к национальному принципу противоречило историческим традициям, которые узаконивали независимость Австрии. Но в 1938 г. блеск гитлеровской мощи заставил пренебречь этими традициями.

По вопросу об аншлюсе образовывались коалиции противоположного согласия, как и та, что сформировалась в Италии после санкций, провозглашенных Лигой Наций. Об оккупации Австрии вскоре забыли, хотя она послужила началом перекройки политической карты Центральной и Восточной Европы и привела к глубоким переменам в политике западных держав. До этого момента независимость Австрии служила мощным скрепляющим элементом всех антиревизионистских соглашений и политики сдерживания Германии. Германская акция знаменовала конец политики равноудаленности и лавирования, проводившейся Италией, и стала пробным камнем для нарождавшегося итало-германского соглашения, подписать которое Муссолини еще колебался, но к которому Гитлер его упорно склонял. Инертность французов и политика англичан не оставляли надежд на изменение тенденций в гитлеровской наступательно-националистической политике. Все понимали, что следующим объектом Гитлера станет район Судет, принадлежащий Чехословакии, но населенный немцами,

¹ О «Пасхальных соглашениях» между Италией и Великобританией см. раздел III.9.3. — Прим. редакции.

которые были уже заражены нацизмом и германским ревизионизмом. 7 ноября 1937 г. Гитлер подписал военные директивы (план «Грюн»), в которых говорилось о возможном вторжении в Чехословакию.

3.9. «Умиротворение», Судетский вопрос и Мюнхенская конференция

3.9.1. ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ»

Время между мартом и сентябрем 1938 г. было кульминацией британской политики «умиротворения». Некоторые исследователи утверждали, хотя и несколько парадоксально, что если внимательно проанализировать британскую политику «умиротворения», то станет ясно, что она характерна не только для 1937–1938 гг., а для британского подхода к европейской политике в течение всего периода с 1919 г. Хотя в этой концепции есть доля правдоподобия, потому что Великобритания никогда не принимала устройство Центральной Европы, выработанное в Версале, и ее правители никогда не скрывали своего несогласия, выражавшегося порой в ревизионистских предложениях, но приведенное утверждение нельзя принимать на веру.

«Умиротворение» означает не только британский подход к Европе, но также и активность ревизионистских сил в Германии: эта активность была не какой-то смутной и расплывчатой политикой как у Штресемана или четкой, но миролюбивой как у Брюнинга, это был откровенный, четко сформулированный и нескрываемый курс Гитлера. Термин «умиротворение» предполагает двух авторов: Великобританию и Гитлера (а не Германию вообще), и более того, не Гитлера периода первых не очень существенных акций (если можно так сказать о ремилитаризации Рейнской области), а Гитлера, который широкомасштабными силовыми акциями меняет геополитическое устройство Европы. Возникает вопрос: почему в условиях нарастания агрессивности Германии правительство Лондона продолжало настойчивые поиски компромисса.

Стоит отметить, что внешне складывалось несколько карикатурное впечатление о Невилле Чемберлене, как о сдержанном и педантичном джентльмене, который впервые в истории доверился воздушной «челночной» дипломатии, чтобы попытаться, хотя и безуспешно, склонить фанатичного диктатора к благоразумию. Однако за внешней стороной вещей скрывались очень сложные проблемы и воля Чемберлена, далекого от пораженческих настроений и склонного действовать весьма решительно. Было бы серьезной ошибкой оценивать политику «умиротворения» как ре-

зультат британской пассивности и попытку отделаться тактикой проволочек; больше доверия вызывает противоположная версия, согласно которой «умиротворение» отражает стремление к поиску мирного, конструктивного решения трудных проблем с партнером, постоянно ужесточавшим свою позицию.

Следует напомнить, что пацифистская ориентация была господствующей в английском общественном мнении (как в 1935 г. показал общенациональный неофициальный референдум — Peace Ballot), что относилось не столько к антиитальянской тенденции, сколько к общему настрою. Чемберлен призван был руководить страной, глубоко враждебной идее войны, и должен был удерживать в орбите своей политики доминионы, которые обрели право голоса и относились явно отрицательно к перспективе быть вовлеченными в конфликты в далеких частях света (как, например, в Центральной Европе), разгоравшиеся по непонятным причинам и получившие совершенно различное истолкование.

Что касается общественного мнения, то Чемберлен должен был считаться с тем, что несколько позже, в 1940 г., должны были состояться выборы, на которых лейбористский пацифизм собирался бросить ему серьезный вызов. Чемберлен понимал, насколько опасна сложившаяся европейская ситуация, но он был убежден в том, что Великобритания в военном-политическом отношении еще не готова включиться в войну. В военном плане подготовка к конфликту с Германией требовала огромных затрат. До 1939 г. англичане выделяли относительно небольшую долю ВВП на военные расходы. Нижеследующая таблица (разработанная Жоржем Педеном) не требует больших усилий для понимания, хотя необходимо иметь в виду имперские обязательства Франции и Великобритании.

Доли ВВП, выделенные на военные расходы

Страны Годы	Франция	Германия	Великобритания
1935	5,8	8	2
1936	6,3	13	4
1937	7,1	13	6
1938	8,6	17	7
1939	23	23	18
1940	—	38	46

Таблица показывает, что только с 1939 г., т.е. с началом войны, англичане систематически и в больших масштабах наращивали

затраты на вооружения. Чемберлен, хорошо знавший трудности германской экономики, понимал, в каком напряжении находится экономика рейха под бременем военных расходов. Однако тобы выстоять в этом соревновании, и Великобритании нужно было время. Политика компромисса обеспечивала выигрыш времени для подготовки к войне.

Хотя английские военные считали, что за исключением военно-воздушных сил, англо-французская коалиция в сентябре 1939 г. обладала превосходством над германскими вооруженными силами, но Чемберлен как политик был убежден, что военных сил у Великобритании не достаточно для защиты англичан: «Сегодня война означает прямую угрозу для всех семей нашей страны, а потому мы должны спросить себя, является ли защита, которую мы в состоянии предложить им сегодня [...], столь же эффективной, как та, что мы сможем предоставить им завтра». Военно-технические проблемы переплетались с экономическими, и потому британские правители задавались вопросом, возможно ли отдать приоритет расходам на оборону по сравнению с задачей сохранить стабильность английской экономики.

Итак, глубокое обоснование политики «умиротворения» заключалось в стремлении найти ответ на конфликты с помощью компромисса в экономической сфере, способного вывести Германию из «запертой клетки» автаркии, в которую она была заключена. Предполагалось, что она будет более склонна, получив уступки в колониальном вопросе, включиться в мировой рынок и тем самым решить свои внутренние проблемы. К тому же не следует забывать, что и в рейхе, по крайней мере, до Мюнхенской конференции, милитаристские тенденции сосуществовали со склонностью к компромиссу, который позволил бы Германии смягчить напряженность в экономике внутри страны. Кроме того, необходимо учитывать общее международное положение. Как замечает Паола Брунду, Чемберлен сознавал, что не может рассчитывать ни на законных (Франция), ни на внушающих доверие (СССР) союзников в кризисной ситуации, которая может приобрести характер военного конфликта и внести необратимые изменения в международное положение Великобритании.

3.9.2. ВОПРОС О СУДЕТАХ

Комплекс причин толкал британского премьер-министра к компромиссу с Гитлером при условии, что тот не прибегнет в своей манере односторонних акций к агрессивной войне для решения чехословацкого вопроса. Этот вопрос касался территории

Судет, обширного горного района вдоль всей западной границы Чехословакии, населенного преимущественно немецкоговорящими жителями (всего около 3,5 млн человек). Согласно принципу самоопределения, закрепленному в 14 пунктах Вильсона, это население после падения Германской и Австро-Венгерской империй могло само решать свою судьбу. Между тем его представители, будучи представителями германского мира, потерпевшего поражение в Первой мировой войне, не были услышаны в Париже, так что Сен-Жерменский договор признавал создание Чехословакии в «исторических» границах Богемии—Моравии, Верхней Силезии и Словакии. Это означало также, что референдум в Судетах не проводился, и приоритетным считался критерий исторической принадлежности, что в любом случае укрепляло позиции Чехословакии, положение которой становилось более прочным благодаря обладанию Судетами, ибо делало границы нового государства более надежными и безопасными в военном отношении.

Со времени победы нацизма в Германии прогерманское автономистское движение получило развитие на всей территории Судет. В 1932 г. Конрад Генлейн основал автономистскую партию, получившую название Судетонемецкая партия, которая была легальной до 1937 г. Для смягчения усилившихся автономистских тенденций оказалось недостаточно участия представителей Судет в чехословацком парламенте и даже в правительстве. Когда нацисты смогли утвердить свое преобладание в этой этнической группе, а международная ситуация предоставила им свободу действий, они снова выступили в защиту принципов, которые англосаксонская политико-юридическая культура закрепила в качестве общих норм, но которые были приспособлены ими к требованиям гитлеровской политики.

Первые значительные выступления ирредентистского толка начались уже в конце 1937 г., но только после аншлюса Гитлер начал планомерно использовать партию Генлейна в качестве инструмента для подрыва чехословацкого государства. В соответствии с развитием событий, четко скоординированных Гитлером и Генлейном, вопрос о Судетах сначала должен был быть поставлен как выражение автономистских требований, которые правительство Праги уже отвергло в прошлом, а затем постепенно, но быстро трансформироваться в требования автономии и, наконец, аннексии со стороны Германии. Другими словами, речь шла о том, чтобы заставить Европу свыкнуться с мыслью, что частичное расчленение Чехословакии (первый шаг к ее полному уничтожению, согласно планам Гитлера,) является необходимым для сохранения мира.

Французы сразу почувствовали приближение бури, и в короткий период Леон Блюм сформировал вместе с Жозефом Поль-Бенкуром в качестве министра иностранных дел второе правительство Народного фронта (18 марта — 7 апреля 1938 г.). Они пытались организовать подобие сопротивления поднимающемуся приливу, вдохнуть новую жизнь в союзы Франции с Великобританией, Польшей и Балканскими странами. Но Польша испытывала лишь чувство досады, а в Балканских странах распространились первые симптомы ревизионизма. Оставалась Великобритания, которая пришла бы на помощь Франции только в том случае, если бы она подверглась неспровоцированному нападению со стороны Германии. Защита территориальной целостности Чехословакии не входила в круг обязательств Великобритании. В шумной пропагандистской манере формировалась политика «умиротворения» Чемберлена.

У английского премьер-министра на этот счет были весьма определенные соображения. Он полностью отвергал все попытки Уинстона Черчилля организовать «большую антигерманскую коалицию». После переговоров с лордом Галифаксом и британскими военными руководителями он пришел к следующему убеждению: «Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять, что никто, ни Франция, ни Великобритания, не сможет ничего сделать, чтобы спасти Чехословакию от гитлеровского нападения, если немцы решатся на него. Австрийская граница практически не защищена; крупные заводы военного снаряжения легко достижимы с германских аэродромов; все железные дороги проходят через территорию Германии, а Россия находится на расстоянии сотни миль. Поэтому невозможно помочь Чехословакии, а пытаться сделать это означало бы создать предлог для войны с Германией. Мы не можем думать об этом, если мы не в состоянии разбить ее полностью и в разумные сроки, и я не вижу такой возможности. Поэтому я отказался от всякой мысли предоставить гарантии Чехословакии или Франции в соответствии с нашими [союзническими] обязательствами по отношению к этим странам».

Англичане и французы встретились 28–29 апреля в Лондоне. Новым премьер-министром Франции недавно стал Эдуард Даладье, министром иностранных дел Жорж Бонне. Никто из них не скрывал, что они понимают характер намерений Гитлера, оба знали, что почти невозможно воспрепятствовать фюреру дипломатическими средствами. Встреча имела определенный результат: англичане признали свои обязательства оказать помощь Франции, но четко разъяснили (как Чемберлен публично заявил в своем выступлении в палате общин), что они не распространяются

на тот случай, если Франция, не *подвергнувшись нападению*, решит предоставить помощь Чехословакии в связи с военной агрессией последней со стороны Германии.

Поэтому оставался только один путь: найти убедительные аргументы, чтобы вынудить Чехословакию пойти на уступки, т.е. необходимо было убедить Бенеша изменить структуру чехословацкого государства в плане создания автономии, с требованием которой выступала партия Генлейна. Но было ли этого достаточно, чтобы успокоить Гитлера? Французы не доверяли ему, но не смогли добиться того, чтобы их аргументы перевесили тезисы британцев, считавших необходимым идти по пути компромисса. В конце концов, даже Даладьё и Бонне, сознавая опасность, не тешили себя иллюзиями о будущем Чехословакии. Вопрос сводился к тому, какие формы могло бы приобрести германское выступление с тем, чтобы оно не превратилось в военную акцию.

3.9.3. ИТАЛИЯ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ: «ПАСХАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ»

Важным аспектом эволюции международной ситуации было изменение отношения к Италии. Начатое в 1938 г. сближение между Великобританией и Муссолини формально завершилось 16 апреля того же года (день Святой субботы) подписанием так называемых «Пасхальных соглашений», в соответствии с которыми была официально возрождена дружба между двумя странами. Этот шаг предваряло *джентльменское соглашение* от января 1937 г., содействовавшее некоторому смягчению напряженности между Римом и Лондоном. «Пасхальные соглашения» включали ряд документов, урегулировавших различные нерешенные вопросы между двумя странами. Во вступительном протоколе обе стороны подтвердили взаимное стремление к добрым отношениям и намерение содействовать всеобщему миру. Затем следовали восемь отдельных приложений, поскольку каждое из них должно было рассматриваться как самостоятельное независимое соглашение.

Так отдельно были подтверждены соглашения от 1937 г. о сохранении *статус кво* в Средиземноморье; предусматривался обмен информацией об административных изменениях и воинских передвижениях на территориях, контролируемых обеими сторонами в регионах Средиземного моря, Красного моря и залива Аден. Целью третьего протокола было стремление сгладить противоречия при проведении соответствующей политики на Ближнем Востоке, в нем содержались гарантии признания независимости и целостности Саудовской Аравии и Йемена. Другие прилагаемые

протоколы касались передачи в распоряжение Великобритании вод озера Тана, находившегося в то время под суверенитетом Италии, а также в них рассматривались менее значимые вопросы, касавшиеся нового *статуса* Эфиопии.

Наиболее важным был протокол № 8, содержащий взаимное заявление о действенности Константинопольской конвенции от 1888 г., которая гарантировала «для всех держав и на все времена» свободу судоходства по Суэцкому каналу. Протоколы сопровождались обменом нотами, касавшимися процедуры вывода итальянских войск из Испании, отказа от итальянских территориальных претензий на Балеарские острова и на другие испанские владения.

В соглашениях отмечалась готовность Великобритании работать над устранением препятствий, которые в рамках Лиги Наций мешали признанию суверенитета Италии над Эфиопией, а также говорилось о присоединении Италии к Лондонскому договору о морских вооружениях, как только он вступит в силу. Один из протоколов обязывал итальянское правительство не предпринимать акций, которые могли бы породить «трудности или осложнения» для Великобритании в Палестине. Наконец, в специальном соглашении с участием Египта закладывались основы сотрудничества трех стран в борьбе с рабством в Восточной Африке.

Условия официального вступления в силу этого комплекса договоров не были уточнены, более того, дело откладывалось до принятия соответствующего решения обеими заинтересованными сторонами. Фактически соглашение состояло в том, что договоры вступят в силу тогда, когда всяческое вмешательство Италии в дела Испании будет прекращено. Это совпадало с желанием предать забвению все, что произошло до этого момента и воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы вывести итальянских волонтеров, как только полностью прояснится внутренняя ситуация в Испании не без влияния итальянского военного вмешательства. В связи с этим стало возможным открыто заявить, что соглашения о невмешательстве сыграли свою позитивную роль и что Италия была совершенно не виновна в испанских событиях — это и было признано 16 ноября 1938 г. в обстановке, сложившейся после Мюнхенской конференции.

«Пасхальные соглашения» стали дипломатическим успехом Муссолини, который таким образом смягчил губительные последствия *аншлюса* для Италии, и ослабил зависимость Италии от политики Германии. Англичане благодаря «Пасхальным соглашениям» смогли продолжить свою линию на нормализацию, которая касалась как Германии, так и Средиземноморья, но для Муссолини соглашения имели более важное значение, поскольку в целом они санкционировали создание итальянской империи в Эфиопии

и действия Италии в Испании. Если подходить реалистически, присоединение к договору о морских вооружениях имело значение только на бумаге, его реализация отодвигалась на неизвестное время в будущем. Это позволило Италии продолжать свою политику наращивания морских вооружений, которую Муссолини проводил еще в тридцатые годы.

Несмотря на свою ограниченность, «Пасхальные соглашения» были попыткой возродить прежнюю политику «духа Стреззы», к возобновлению которой теперь склонялись даже французы. Несколько дней спустя после итало-британского соглашения Бонне инструктировал французского посла в Риме, тогда еще поверенного в делах Блонделя, ускорить начало переговоров с Галеаццо Чиано для решения итало-французских спорных вопросов. Предложение было сразу принято, переговоры начались уже в апреле и развивались довольно быстро. Как только в начале ноября на переговорах выявились первые результаты, правительство Франции решило направить в Италию послом Андре Франсуа Понсе, бывшего ранее послом в Берлине, а теперь получившего аккредитацию в Риме с признанием новых титулов, которые король Италии приобрел после имперских завоеваний. Тем не менее, энергичные действия французов в отношении Италии были недостаточными, чтобы парировать важность визита Гитлера, который посетил Рим и другие города Италии с 5 по 9 мая 1938 г. в ответ на посещение Германии, которое Муссолини предпринял в 1937 г.

Визит Гитлера был нелегким для короля Италии Виктора Эммануила III, так как он питал стихийную неприязнь к германскому канцлеру и которого, несмотря ни на что, он должен был принимать в Квиринальском дворце, поскольку Гитлер также был главой государства. Визит был неприятен и понтифику: Пий XI покинул Рим на весь период пребывания фюрера. Папа заранее дистанцировался от германского канцлера, и его отношение стало бы еще более суровым, если бы он не умер несколько месяцев спустя.

И хотя визит проходил в прохладной обстановке, Муссолини сделал все возможное, чтобы достойно ответить на внушительный прием, оказанный ему в Германии, и показать Гитлеру, что итальянцы под его, дуче, предводительством также стали «воинственным народом». Спорно, что это у него получилось, но ему несомненно удалось показать, что обе диктатуры еще более сблизились, несмотря на «Пасхальные соглашения».

Действительно, во время коротких политических бесед в те дни Гитлер не сумел убедить Муссолини в необходимости заключения союза, однако смягчил опасения итальянцев относительно последствий *аншлюса*. Но самое главное, фюрер добился согласия

дуче относительно политики свободного выбора, означавшей, что немцы, проживавшие в Альто Адидже и не желавшие оставаться итальянскими гражданами, могли по взаимному согласию переселиться в Германию. Кроме того, он добился полной поддержки Муссолини относительно немецкого вопроса в Судетской области. Пожертвовав Австрией, Муссолини не имел никаких оснований вступить за Бенеша, своего исторического соперника.

На этом надежды на возрождение «фронта Стрезы» окончательно угасли. Французы могли лишь рассчитывать на понимание англичан относительно давления со стороны Гитлера. Фюрер, в свою очередь, рассчитывал на собственное умение разделять противников и помешать их объединению; в противном случае, Германия вынуждена была бы бросить в битву все свои военные ресурсы, которых, однако, тогда было недостаточно, чтобы вести успешные сражения на нескольких фронтах.

3.9.4. «БОЕННАЯ ТРЕВОГА» ЛЕТОМ 1938 г.

В мае раскаяние Великобритании казалось возможным. Судетский нацистский лидер Генлейн нанес визит в Лондон, где произвел впечатление, что он искренне стремится к компромиссу. Между тем, несколько дней спустя произошел инцидент, который получил разные толкования. 20 мая появилось сообщение о концентрации германских войск в Саксонии. Были ли это только маневры или начало подготовки к вторжению? В ответ Чехословакия произвела мобилизацию части резервистов, что повлекло за собой прекращение передвижений германских вооруженных сил. Что произошло: общая проба сил или ошибка? Фактически Чехословакия неожиданно получила поддержку как французской, так и английской печати, которые утверждали, что согласие, достигнутое в ходе бесед между Даладье и Чемберленом в конце апреля, укрепило общий фронт, который преградил путь поползновениям Гитлера.

В печати разгоралась полемика, и 22 мая Галифакс заявил фон Дирксену, новому германскому послу, что если Франция нападет на Германию в случае немецкого вторжения в Чехословакию, то вряд ли можно будет предотвратить вступление в конфликт Великобритании. Другими словами, это означало, что если Германия будет решать Судетский кризис военными методами, то она должна будет учесть вероятность войны против европейской коалиции.

Мнение Галифакса было лишь предположением, потому что подобное развитие событий расценивалось как чисто гипотетическое. К тому же высказывание Галифакса отчасти противоречи-

ло содержанию англо-французских переговоров конца апреля. И тем не менее, оно свидетельствовало об опасностях, к которым Гитлеру следовало быть готовым. Ошибка в оценке международной ситуации дорого бы ему стоила: если бы благодаря его действиям сложилось впечатление, что он любыми способами хочет развязать войну, то он тем самым способствовал бы формированию коалиции сил, способной поставить Германию в трудное положение.

Внутри страны Гитлеру пришлось бы столкнуться со сторонниками компромисса, которые в эти месяцы лишь обсуждали такую возможность, а некоторое время спустя готовы были реализовать ее — организовать государственный переворот, чтобы заблокировать Гитлера, арестовать его и положить конец политической авантюре. Такие деятели как Шахт, Гизевиус, а затем и генерал Гальдер готовы были выступить против военной авантюры и позже почувствовали себя в какой-то степени преданными политикой уступок со стороны Великобритании.

Кризис 20 мая показал Гитлеру возможности и пределы его действий: продолжать разговоры о мирном решении и ускоренно готовиться к войне. 30 мая он отдал приказ, чтобы вермахт был готов с 1 октября начать «операцию Грюн».

Выдержав паузу в несколько недель, Гитлер в июле сообщил Чемберлену о своем намерении пойти на мирное решение в том случае, если Бенеш согласится на компромисс. Чемберлен решил направить в Прагу своего представителя лорда Ренсимена, бывшего министра, игравшего роль послушного орудия в руках премьера. Английский журналист писал, что лорд был послан в Прагу с целью убедить чехословаков «пойти на самоубийство». Это означало, что в Лондоне страстно желали мирного решения и работали над его подготовкой, хотя и не исключали возможность конфликта.

Политика «умиротворения», доведенная до логической крайности, была чревата риском. Существовал предел, за которым война становилась неизбежной. Слова Галифакса от 22 мая заставили Гитлера понять, что с некоторого момента, когда германский военно-морской флот будет готов, возникнет возможность войны с Великобританией. Но из действий Чемберлена явствовало, что британская дипломатия работала, не покладая рук, чтобы не позволить преодолеть этот предел. Инициатива была в руках англичан, французы зависели от их неустойчивой политики, итальянцы ничего не могли предпринять против Гитлера, Чехословакия осталась в изоляции.

Между 6 и 7 сентября, во время миссии Ренсимена, когда Бенеш колебался, принять ли самоубийственные предложения, снова возник слух о неминуемом германском нападении. Чемберлен

тогда решил сыграть свою последнюю игру. 12 сентября, во время огромного праздничного сборища в Нюрнберге, Гитлер выступил с одной из своих характерных речей, ставших знаменитыми вследствие страстного до исступления красноречия и вызываемого ими возбуждения. Прославление нацизма и успехов гитлеровской Германии сопровождалось жестокими нападками на Чехословакию и в защиту прав судетских немцев, которым Гитлер обещал справедливость и защиту, однако решение проблемы он предоставил прямым переговорам между Генлейном и Бенешем.

В этой накаленной атмосфере Чемберлен решил попытаться лично встретиться с Гитлером: он стремился добиться договоренности не только о Чехословакии, но и более широкого соглашения. 13 сентября он направил послание Гитлеру, предложив ему встретиться на следующий день в Берхтесгадене. Чемберлен ожидал переговоров. На него обрушился поток словоизвержений. Гитлер отказался от любого предложения о широком соглашении и делал упор на вопросе о Судетах. Прибегнув ко лжи, Гитлер заявил, что в течение нескольких дней 300 немцев были убиты в Судетах чехословаками, а потому он настаивал на том, чтобы вопрос был решен немедленно — уступить территорию Германии. Оглушенный словесным потоком фюрера, Чемберлен спросил, возможно ли еще вести переговоры, и Гитлер ему ответил, что переговоры могут иметь место только в том случае, если будет принят принцип, согласно которому Чехословакия уступит Судеты Германии.

Не обладая соответствующими полномочиями, Чемберлен вернулся домой, чтобы проконсультироваться с правительством и другими заинтересованными сторонами. Было не ясно, в какой мере слова Гитлера были блефом, а в какой реальной угрозой. И, более того, сегодня ясно, что если бы противники в тот момент остановили Гитлера, его блеф был бы выявлен, и течение истории могло бы измениться. Между тем, в это время Чемберлен вынужден был следовать правилам, навязанным ему Гитлером, ввиду заранее предусмотренного отказа от всякой альтернативы. Проконсультировавшись с Даладье, Чемберлен, в конце концов, признал принцип, согласно которому, если Чехословакия сделает территориальные уступки, то оставшаяся часть ее территории будет гарантирована Англией и Францией. После консультации с чехословаками стало ясно, что они согласны пойти на переговоры при условии, что их оставшаяся территория будет находиться под прикрытием гарантий Англии и Франции.

22 сентября Чемберлен вылетел во второй раз в Германию, в Годесберг, где Гитлер приготовил ему новый сюрприз. Теперь вопрос стоял не о проведении переговоров, а о том, чтобы немед-

ленно, до 1 октября, признать, что вся Судетская область передается Германии, и равным образом немедленно признаются претензии Польши и Венгрии на территорию Чехословакии. Целый день Чемберлен искал выход; он объяснял, что вопрос находится в компетенции пражского правительства, после чего вернулся в Лондон. В Праге была объявлена всеобщая мобилизация. Итак, война? 25 сентября лорд Галифакс заявил, что «германское нападение на Чехословакию вызовет немедленное вмешательство Франции и ее поддержку Чехословакии и что Великобритания, конечно, солидаризируется с Францией».

3.9.5. МЮНХЕНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В течение последующих дней, проходивших как в лихорадке, Гитлер продолжал оказывать психологическое давление на Чемберлена, пока фюрер не понял, что торжественные заявления лорда Галифакса фактически не являлись ультиматумом. Была ли возможность для компромисса, т.е. для решения, благоприятного для Германии, но при сохранении мира? Утром 28 сентября Чемберлен, не посоветовавшись со своим правительством, написал Гитлеру, чтобы заверить его «что он может немедленно получить удовлетворение всех тех важных требований, на которых он настаивал, не начиная войны». Английский лидер был готов прибыть в Берлин для обсуждения проблем в самом благоприятном духе: «Не могу поверить, — добавлял британский премьер-министр, — что вы изволите принять на себя ответственность в развязывании мировой войны, которая может поставить на грань выживания целую цивилизацию, из-за отсрочки на несколько дней решения столь долговременной проблемы.»

Так Чемберлен предложил фюреру выход из трудного положения: прежде всего, он преподнес Гитлеру на блюдечке Судеты, хотя еще три дня назад отстаивал совсем другое решение; он также убеждал Гитлера не рисковать и не идти в споре до конца; он призывал его отказаться от подготовки государственного военного переворота (хотя с трудом можно приписать фюреру ответственность за подобный замысел); фактически, он позволял Гитлеру стать великим умиротворителем при соучастии Муссолини.

Муссолини был призван 28–29 сентября. Гитлер и Чемберлен сообщили ему о предстоящей встрече. Гитлер добавил условия, на основе которых мог быть принят компромисс. Муссолини согласился быть его интерпретатором. Вечером с 29 на 30 сентября трое названных персонажей плюс Даладье встретились в Мюнхене. Чехословакия не была приглашена на встречу. Советы, которые тоже заявляли о своем намерении сражаться, если союзный

договор с Чехословакией от 1935 г. войдет в действие, были отеснены от участия в происходивших событиях. В два часа ночи 30 сентября было подписано соглашение, состоявшее из восьми пунктов, которые предусматривали:

- 1) эвакуацию Чехословакии из Судетской области, начиная с 1 октября;
- 2) завершение эвакуации к 10 октября;
- 3) формирование комиссии для определения условий эвакуации, в которой принял бы участие, кроме представителей четырех государств, участвовавших конференции в Мюнхене, также представитель Чехословакии;
- 4) оккупацию германскими войсками территорий с преимущественно немецким населением, начиная также с 1 октября;
- 5) определение территорий, где следовало организовать плебисцит, и выработка методов его проведения;
- 6) поручить комиссии, о которой говорится в п. 3, установить окончательную границу;
- 7) предоставление право выбора жителям Судетской области в течение шести месяцев;
- 8) обязательство правительства Чехословакии предоставить военнослужащим, выходцам из немецких Судет, отпуск в течение четырех недель.

В прилагаемом протоколе содержались гарантии, за которые ратовали Англия и Франция, относительно новых границ, а также против не спровоцированной агрессии. Эти гарантии итальянцы и немцы ставили в зависимость от решения споров о границах Чехословакии с Венгрией и Польшей.

Спустя полчаса после завершения заседаний конференции соглашение было сообщено чехословацкому правительству, которое утром 30, подчинившись воле своих союзников и своих противников, приняло его. Перед возвращением в Лондон Чемберлен встретился снова с Гитлером и они обсудили другие проблемы. Чемберлен добился того, что Гитлер подписал документ, в котором подтверждалось первостепенное значение добрых англо-германских отношений для мира в Европе. В нем также утверждалось, что Мюнхенское соглашение и англо-германское соглашение о морских вооружениях стали символом, выражавшим стремление обеих стран трудиться на благо сохранения мира; в заключении говорилось, что «консультации становятся методом обсуждения любого вопроса, который может возникнуть между двумя странами», так как оба политических деятеля были решительно намерены продолжать усилия «по устранению возможных источников

разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Если Чемберлен, в самом деле, верил, что после трагедии, совершившейся прошедшей ночью, этот разыгранный фарс банальных обещаний значит больше, чем листок бумаги, на котором он был написан, то он обманывал себя и других. Чемберлен за время своих контактов с Гитлером научился понимать реальную цену его обещаний, а потому можно поверить свидетельствам тех, кто утверждал, что он хвастливо размахивал листком, на котором было написано соглашение, как страстно желанным победным трофеем (это подтверждает знаменитый эпизод кинохроники той эпохи). Однако поступил он так в силу пропагандистских соображений, используя подходящий случай.

Внешне казалось, что этот документ и Мюнхенские соглашения могли спасти мир от катастрофы. По возвращении Муссолини в Италию толпа рукоплескала ему как главному герою спектакля, который он лишь помогал разыграть. В душе он был огорчен тем, что народ, который он стремился приучить к жесткой необходимости войны, встретил его аплодисментами как миротворца.

Принятое мирное решение создавало фон для убеждения, что, вообще-то, оно соответствовало принципу самоопределения, возможно истолкованному несколько грубо и безапелляционно. Никто не мог отрицать немецкий характер населения Судет, но именно это вызывало тревогу на будущее. Что может случиться с Данцигом, население которого было также по преимуществу немецким? Чемберлен, возможно, думал, что выиграл для своей страны драгоценное время и укрепил те группы, которые и в Германии также были заинтересованы в сохранении мира. Именно Риббентроп и Гиммлер, представлявшие крайне реакционное крыло нацистского руководства, подогревали недовольство Гитлера в связи с несостоявшейся военной акцией. Но для Гитлера конкретный успех, за который не пришлось платить существенную цену, был уже важным результатом, чтобы хвастаться им как перед немецким народом, так и перед своими противниками. Рейх с населением в 80 млн человек стал реальностью. Поэтому в Мюнхене настоящее поражение, кроме подлинных жертв, потерпели французы (именно для них болезненные перемены означали конец Малой Антанты, сдвиг к их изоляции и бессилию) и итальянцы, поскольку Муссолини снова увидел, что в Европе возрос вес его квази-союзника в ущерб влиянию Италии, полностью подчинившейся господству Германии.

